

2017 № 4

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний

Гуд М.Б.

Воспитание в семье как фактор педагогической коррекции правового сознания у несовершеннолетних условно осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции 1-16

Николаев Е.В., Стручкова В.Н.

Взаимодействие уголовно-исполнительной инспекции и психологического центра по работе с мотивацией и психическим состоянием условно осужденных 10-19

Судебная и клиническая психология в юридическом контексте

Калинкин Д.С., Васильченко А.С., Шпорт С.В.

Патопсихологические предикторы противопоказаний к управлению автотранспортом у лиц с психическими расстройствами 20-31

Луковцева З.В.

Насилие на стадии свиданий в подростковых парах: обзор зарубежных исследований 32-43

Сафуанов Ф.С., Калашникова А.С., Царьков А.Е.

Клинико-психологические факторы криминальной агрессии 44-58

Ювенальная юридическая психология

Богданович Н.В., Будыкин А.В.

Психологические особенности информационной безопасности несовершеннолетних с девиантным поведением 59-78

Старикова В.О., Дебольский М.Г., Ошевский Д.С.

Черты «асоциальной личности» у несовершеннолетних правонарушителей.....79-91

Дегтярев А.В., Дегтярева Д.И.

Эмоциональный интеллект, психологическая граница личности и самоотношение в юношеском возрасте 92-105

Личностно-ориентированные психотехнологии в правоохранительной деятельности

Рогачев В.А., Коноплева И.Н.

Толерантность к неопределенности и выбор копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов.....106-126

Марьин М.И., Ефимкина Н.В.

Искажение служебной информации в деятельности сотрудников органов внутренних дел: профессиональные и личностные факторы.....127-136

Психология профессиональной деятельности

Ковалева М.Е., Булыгина В.Г.

Психофизиологические предикторы психической адаптивности у специалистов опасных профессий (на примере военнослужащих).....137-150

Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В., Графский В.П.

Влияние на психологический климат коллектива образовательных учреждений обучения сотрудников основам медиации 151-165

Воспитание в семье как фактор педагогической коррекции правового сознания у несовершеннолетних условно осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции

Гуд М.Б., начальник отделения психологического обеспечения, Федеральное Казенное Учреждение «Уголовно-исполнительная инспекция» Управления Федеральной Службы Исполнения Наказаний России по г. Москве» (gudmarina@mail.ru)

В статье рассматриваются понятие «правовое сознание несовершеннолетних», особенности его становления в подростковом возрасте, а также педагогический процесс коррекции правового сознания у подростков в условиях отбывания уголовных наказаний при постановке на учет в уголовно-исправительных инспекциях. Анализируется один из факторов коррекции правового сознания – воспитание в семье осужденных несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции. Рассматриваются особенности семейного воспитания и их влияние на эффективность ресоциализации несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, а также снижение рецидивной преступности. Рассмотрены примеры ведомственной статистики о роли семьи в профилактике правонарушений и преступлений среди осужденных подростков. Представлены основные направления совершенствования семейного воспитания в рамках деятельности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций.

Ключевые слова: правовое сознание; коррекция правового сознания; особенности влияния семейного воспитания в процессе коррекции правового сознания; несовершеннолетние, состоящие на учете в уголовно-исполнительной инспекции.

Для цитаты:

Гуд М.Б. Воспитание в семье как фактор педагогической коррекции правового сознания у несовершеннолетних условно осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 4. С. 1-9.

Гуд М.Б. Воспитание в семье как фактор педагогической коррекции правового сознания у несовершеннолетних условно осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции. *Психология и право* psyandlaw.ru 2017. Том 7. №4. С. 1-9.

Gud M.B. Education in the family as a factor of pedagogical correction of legal consciousness in juvenile probation and parole, including registered in criminal-executive inspection. *Psychology and law* psyandlaw.ru 2017. Vol. 7. no.4. pp. 1-9.

doi: 10.17759/psylaw.207070401

For citation:

Gud M.B. Education in the family as a factor of pedagogical correction of legal consciousness in juvenile probation and parole, including registered in criminal-executive inspection. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2017(7), no. 4. pp. 1-9. doi: 10.17759/psylaw.2017070401

Семья как направляющая сила и образец для подражания играет первостепенную роль в жизни и становлении подрастающего поколения как личности. Обращаясь к статье первой Семейного кодекса РФ – «... семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства», – следует говорить о семье как о высшей ценности общества [2]. На этом акцентирует внимание и Конвенция о правах ребенка, в преамбуле которой говорится, что «... семье как основной ячейке общества и естественной среде для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей должны быть предоставлены необходимые защита и содействие, с тем, чтобы она смогла полностью возложить на себя обязанности в рамках общества. ...Ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении в атмосфере счастья, любви и понимания»[1].

Вопросы воспитания, особенно воспитания в семье, всегда привлекали внимание российских и зарубежных ученых. Однако многие актуальные вопросы семьи и семейного воспитания изучены не до конца, не только в силу влияния большого количества факторов, от которых зависит воспитание ребенка в семье, но также изменений, происходящих в обществе, которые неизбежно оказывают влияние на семейные подсистемы и связи между ними [7]. Таким образом, можно утверждать, что успешность становления и развития личности ребенка, его социализация в правовом обществе прямо пропорционально зависят от воспитательного воздействия семьи, от родительского «сопровождения» ребенка в жизнь. Необходимо указать, что успешность социализации ребенка, в том числе и правовой, также напрямую зависит от жизненных ресурсов семьи, а именно ее материальных и бытовых условий, эмоциональных связей, психологической атмосферы, уровня образования и образованности родителей, привития трудовых навыков и от многого другого. Уровень развития правового сознания родителей, ближайшего окружения ребенка, их мировоззрение и нравственные устои являются базисом для становления его личности в правовом пространстве.

Особенно актуальным становится рассмотрение данной тематики в отношении осужденных подростков, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, ведь в данном случае семья выступает «спасательным кругом» для несовершеннолетнего, ориентиром во взрослой жизни.

Отдельные показатели ведомственной статистики, такие как количество общественно опасных деяний, совершенных несовершеннолетними до достижения возраста уголовной ответственности, и численность участников преступлений до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, вызывают тревогу, поскольку они могут искажать показатель количества реальных преступлений. Что же касается достигших возраста уголовной ответственности несовершеннолетних, совершивших

преступления, то остро встает вопрос профилактики рецидивной преступности во время отбывания наказания и по его окончании.

Поэтому особая роль инспекторами уголовно-исполнительных инспекций отводится работе с осужденными несовершеннолетними и их семьями, так как, с точки зрения эффективности процесса коррекции правового сознания, большое значение имеет то, что подростковый возраст податлив для активного формирования социально-значимых интересов, жизненных планов и правовых отношений. А привлечение семьи и ближайшего окружения к данной работе позволяет открывать дополнительные ресурсы для ресоциализации личности подростка.

Рассматривая проблему влияния семейного воспитания на коррекцию правового сознания несовершеннолетнего, нельзя исключить первостепенную роль родителей и (или) лиц, их замещающих, так как именно ребенок точно губка впитывает не только паттерны их поведения, но и правовые ценности в отношении к окружающим. Деформированное правовое сознание родителей не только искажает знания, представления ребенка о правовом обществе, но и рождает в ребенке правовую интолерантность, что может повлечь за собой правонарушения и преступления.

В данном аспекте актуален опыт А.С. Макаренко, труды которого являются не только ориентиром в процессе воспитания «трудных» подростков, но и помогают грамотно выстроить взаимодействие между взрослым и ребенком, формировать социально значимые установки, возвращая его к жизни в правовом обществе. Первым социализирующим условием, по его словам, является наличие полной семьи, где отец и мать живут дружно между собой и с детьми, где царствуют любовь и взаимное уважение, где имеет место четкий режим и трудовая деятельность. А.С. Макаренко говорил об «истинном авторитете» [9, с. 25] родителей. Педагог подчеркивал мысль о том, что родители несут ответственность перед обществом за воспитание своих детей.

Однако А.С. Макаренко также говорил о необходимости предоставления ребенку допустимой свободы, так как считал влияние окружающей среды не менее важным фактором в становлении личности. Ребенок, по его словам, должен знать, что столкнувшись с разными жизненными проблемами, он всегда может обратиться за помощью к родителям.

Семья, являясь для ребенка моделью общества, становится определяющим фактором формирования жизненных планов, установок, паттернов поведения, а также вектором развития правового сознания и правового отношения. Правила поведения, взаимоотношения с другими людьми, нравственные ценности осознаются через семью.

Как становление личности ребенка во многом определяется гармоничностью внутрисемейных отношений, так и жизнедеятельность семьи определяется балансом с окружающей действительностью. Правовое общество задает направление для формирования семейной системы; если же семья не принимает происходящие изменения, начинает развиваться вразрез с предъявляемыми требованиями действительности, то происходит ее правовая деформация, которая требует перестройки уклада [8].

В настоящее время педагоги указывают на кризис современной российской семьи. «Кризис семьи на фоне широкомасштабного социального кризиса придает ему особую остроту и драматичность. Семья перестала быть гарантом психологического благополучия и

защищенности» [3, с. 177]. Несовершеннолетние условно осужденные чаще всего воспитываются в неблагополучных, неполных семьях. Неблагополучная семья – это семья не просто с низким социальным статусом, это та семья, которая не в силах создать условия для эффективной социализации ребенка. В таких семьях происходит подмена ценностей, авторитетов, правил общежития, что влечет за собой деформацию процесса семейного воспитания, а впоследствии может привести к правонарушениям и преступлениям [11].

Проблемы, с которыми сталкивается семья, касаются разных сторон жизни, особенно необходимо отметить правовые аспекты, в том числе формирование правового сознания у несовершеннолетних и их правовую адаптацию.

Правое сознание – это совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей, социальных общностей к действующему или желаемому праву. Это одна из форм общественного сознания [4]. Иными словами, сознание – это субъективное (индивидуальное, особенное) отражение человеком окружающей действительности через призму личного. Это, в первую очередь, рефлексия коллективного сознания посредством семейного воспитания (норм права, установок, ценностей) и превращение его в индивидуальное, в некую правовую «картину мира» человека. Право (законы, права, обязанности, наказания) как система социального контроля воздействует на сознание людей через взаимоотношения, выстраиваемые в семье, является проводником между обществом и человеком. Отражаясь в сознании, оно формирует должные или искаженные взгляды, оценки, установки и др. Надлежащее (положительное) и отклоняющееся поведение обусловлено совокупностью свойств и особенностей правового сознания. Низкий уровень развития семейного правового сознания, пробелы, деформации в нем ведут к нарушению правовых норм, т. е. к правонарушениям и преступлениям.

Необходимость соблюдения правовых норм должна стать внутренней потребностью и привычкой каждого. В правовом обществе семье отводится роль главного медиатора, определяющего социальное положение, статус, правовое сознание и правовое поведение человека. Исследования показали: типичными для родителей несовершеннолетних преступников (правонарушителей) являются низкая поведенческая и нравственная культура – 25%, эгоистично-потребительские установки – 38%, отсутствие сопричастности с жизнью ребенка – 27% и другое – 10%, что формирует искаженную воспитательную позицию [11]. Очевидно, что в таких семьях могут зарождаться негативные чувства, настроения и асоциальное поведение. У подростков, воспитываемых в такой атмосфере, формируется убеждение в безнаказанности, вседозволенности, возможности обеспечить свои жизненные потребности всеми доступными способами, в том числе и нарушая закон [10].

При рассмотрении проблемы влияния семейного воспитания на формирование правосознания у несовершеннолетнего становится ясно, что для ребенка вечная нравственная дилемма «что такое – хорошо, что такое – плохо?» отражается через призму поведения родителей. Именно от них он узнает, как подобает вести себя в различных ситуациях, копирует модели социального поведения. Важным является тот факт, что родители несовершеннолетних условно осужденных имеют также низкий уровень развития правового сознания, зачастую он является искаженным и невежественным.

Анализируя личные дела несовершеннолетних условно осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции города Москвы в 2016 г., было выявлено

отсутствие (искажение) системы социально положительных связей. Важность данного аспекта обусловлена увеличением роста неблагополучных семей, что напрямую, как показывает практика, связано с числом совершаемых правонарушений и преступлений.

Успешность ресоциализации оступившихся подростков связана, прежде всего, с ценностной переориентацией, формированием у них механизма социально положительного целеполагания, развитием устойчивости социально положительных паттернов поведения. Анализируя категорию несовершеннолетних условно осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции г. Москвы, установлено, что 60% подростков имеют неполные семьи, 25% полные и 15% являются воспитанниками детдомов; в 60% случаев, родители оказывают негативное влияние на несовершеннолетнего, положительное – лишь в 27% ситуаций; 60% несовершеннолетних воспитываются в средних, по уровню благополучия, семьях, 17% растут в неблагополучных семьях, 13% – в благополучных.

Асоциальные семьи – это такие семьи, где родители злоупотребляют алкоголем, где есть ранее судимые или отбывающие уголовное наказание, где воспитание сопровождается насилием, где один или оба родителя отсутствуют. Нередко подростки, для которых характерно асоциальное поведение, высказывает типичные суждения: «Я такой, как мои родители» или «Как я могу хорошо себя вести, если мне не объясняли, как надо себя вести». При выявлении подобных проблем инспекторы обращаются к психологам отделения психологического обеспечения ФКУ УИИ УФСИН России по г. Москве. Общение с психологом у подростков не вызывает затруднений: осужденные подростки дают развернутые, эмоционально насыщенные, сущностные ответы на вопросы, стараются рассуждать на заданную тему, проявляют заинтересованность в диалоге со специалистом.

Одним из направлений в работе сотрудников уголовно-исполнительной инспекции является изучение социально-бытового обеспечения семей, что включает в себя не только анализ анкетных данных подростка при постановке на учет, но и посещение осужденных по месту жительства совместно с представителями районных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, инспекторами отделов по делам несовершеннолетних, участковыми. Данные мероприятия позволяют выявить ресурсы и учесть слабые стороны семьи, выстроить индивидуальный план работы с семьей. Однако специалисты часто наталкиваются на нежелание родителей участвовать в процессе перевоспитания детей: это либо протест «мой ребенок не виноват», либо вообще отстранение от ребенка в силу асоциального образа жизни семьи.

Инспекторы уголовно-исполнительной инспекции города Москвы большое значение придают работе по правовому просвещению самих родителей, ведь от этого напрямую будет зависеть и коррекция правового сознания несовершеннолетнего. Поэтому при постановке на учет в уголовно-исполнительной инспекции, специалисты обязательно приглашают родителей (опекунов) также для разъяснения порядка отбывания наказания их несовершеннолетними детьми, обращают внимание на обязанности, возложенные судом, а также акцентируют внимание на правопослушном поведении подростка.

Активную работу по привлечению ресурсов семей осужденных проводят сотрудники уголовно-исполнительной инспекции совместно со специалистами отделения реинтеграции ГБУ специальной школы «Шанс». Целью данного направления работы является повышение эффективности коррекции правового сознания осужденных через внедрение в практику работы уголовно-исполнительных инспекций новых методик и технологий, таких как

сопровождение индивидуального случая («кейс-менеджмент») и внедрение опыта «семейных конференций».

В уголовно-исполнительных инспекциях реализуется психокоррекционная программа «Моя семья»[12]. Данная программа осуществляется ежегодно на базе филиалов уголовно-исполнительной инспекции в Москве. Данные занятия позволили выявить нарушение детско-родительских отношений, сложные семейные истории и деструктивные паттерны поведения. Однако необходимо подчеркнуть низкую мотивацию участия родителей и подростков в программе (ссылки на занятость; перекалывание ответственности на детей: «Сам виноват – сам пусть и ходит!»); сомнение в ее эффективности и др.). Данные мероприятия еще раз подчеркнули актуальность проблематики.

Интересным опытом стало привлечение семей несовершеннолетних подростков, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции г. Москвы, в спартакиаду, проводимую администрацией Западного административного округа г. Москвы. К сожалению, вовлечь в данное мероприятие удалось всего 2 семьи.

Работа с семьей осужденного является неотъемлемой частью процесса его исправления. Однако состояние этой работы не в полной мере отвечает потребностям практики, не учитывает всего многообразия семей и, прежде всего, особенностей семьи, находящейся в трудной жизненной ситуации.

С целью повышения уровня положительного влияния семьи на коррекцию правового сознания несовершеннолетних должны произойти существенные изменения, а именно: важно, чтобы суды выносили решение о назначении дополнительных принудительных мер воспитательного характера, как с несовершеннолетними осужденными, так и с членами семьи; необходимо более четко определить реабилитационные центры, которые будут осуществлять профилактическую работу с семьями осужденных; следует научно обосновать и утвердить перечень психокоррекционных и развивающих программ, направленных на формирование правосознания осужденных и активное привлечение членов их семей к ресоциализации и воспитанию несовершеннолетних.

Литература

1. Конвенция о правах ребенка с Факультативным протоколом. Принята Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. // Электронная библиотека международных документов по правам человека HRI.ru.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) /Consultant.ru.
3. *Апраткина Е.Н.* Социально-психологическая деятельность по формированию детско-родительских отношений в семьях дошкольников // Проблемы и перспективы развития образования: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2011 г.).Т. II. Пермь: Меркурий, 2011. С. 176–179.
4. *Богуш Г.И.* Криминология: учеб. Пособие / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой.

М.: ТК «Велби»; Проспект, 2007. 100 с.

5. *Дворянчиков Н.В., Савкина И.А.* Исследование особенностей правосознания несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2011. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39933.shtml (дата обращения: 08.11.2016).
6. *Жинкин С.А.* Хрестоматия по теории права. Краснодар: Издательский дом «Юг», 2001. 136 с.
7. *Кондрат Е.Н.* Профилактика делинквентного поведения несовершеннолетних. СПб.: Изд-во юрид. фак-та СПбГУ, 2006. 67 с.
8. *Лодкина Т.В.* Социальная педагогика. Защита семьи и детства: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2009. - 208 с.
9. *Макаренко А. С.* Педагогические сочинения: в 8 т.: Т. 5. 1985 / Научная педагогическая библиотека имени К.Д. Ушинского/ электронный ресурс.
10. *Федотова В.О.* Влияние семейного воспитания на формирование правосознания несовершеннолетних нарушителей // *Общество и право*. 2009. № 2 (24).
11. *Чукреева В.В.* Влияние семьи на развитие личности ребенка, его благополучие // *Проблемы и перспективы развития образования: материалы междунар. науч. конф.* (г. Пермь, апрель 2011 г.). Т. II. Пермь: Меркурий, 2011. С. 180–183.
12. *Хачатурян С.Д.* Программа занятий с несовершеннолетними осужденными без лишения свободы «Осознание своей роли в семье»: метод. пособие. Владимир, 2010.

Education in the family as a factor of pedagogical correction of legal consciousness in juvenile probation and parole, including registered in criminal-executive inspection

Gud M. B., head of Department of psychological support, Federal State Establishment "Criminally-Executive inspection of management of Federal Service of Execution of Punishments of Russia across Moscow" (gudmarina@mail.ru)

The article discusses the concept of "legal consciousness of minors", the peculiarities of its formation in adolescence, and a pedagogical process of correction of legal consciousness adolescents in conditions of serving criminal sentences, when registration with the penal inspection. Analyzes one of the factors of correction of legal consciousness – raising in the family of convicted minors consisting on the account in the criminal-Executive inspection. The specifics of family upbringing and their impact on the efficiency of re-socialization of minors consisting on the account in criminally-executive inspection, as well as reducing recidivism. Examples of departmental statistics on the role of the family in preventing delinquency and crime among convicted adolescents. The basic directions of improvement of family education in the framework of the activities of employees of criminally-executive inspections.

Key words: legal consciousness, correction of legal consciousness and the influence of family education in the process of correction of legal consciousness, minors consisting on the account in criminally-executive inspection.

References

1. Konvencija o pravah rebenka s Fakul'tativnym protokolom. Prinjata Rezoljuciej 44/25 General'noj Assamblei ot 20 nojabrja 1989 g. [*Jelektronnaja biblioteka mezhdunarodnyh dokumentov po pravam cheloveka*]. HRI.ru.
2. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 N 223-FZ (*red. ot 30.12.2015*). Consultant.ru.
3. Aprjatkina E.N. Social'no-psihologicheskaja dejatel'nost' po formirovaniju detsko-roditel'skih otnoshenij v sem'jah doshkol'nikov [*Problemy i perspektivy razvitija obrazovanija: materialy mezhdunar. nauch. konf.*] (g. Perm', aprel' 2011 g.). T. II. - Perm': Merkurij, 2011. -pp. 176-179.

Гуд М.Б. Воспитание в семье как фактор педагогической коррекции правового сознания у несовершеннолетних условно осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции. *Психология и право psyandlaw.ru* 2017. Том 7. №4. С. 1-9.

Gud M.B. Education in the family as a factor of pedagogical correction of legal consciousness in juvenile probation and parole, including registered in criminal-executive inspection. *Psychology and law psyandlaw.ru* 2017. Vol. 7. no.4. pp. 1-9.

---

4. Bogush G.I. *Kriminologija [Ucheb. posobie / Pod red. N.F. Kuznecovoj]. M.: TK Velbi; izd-vo "Prospekt", 2007. 100 p.*
5. Dvorjanchikov N.V., Savkina I.A. Issledovanie osobennostej pravosoznaniya nesovershennoletnih [jelektronnyj resurs]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru*. 2011. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39933.shtml (data obrashhenija: 08.11.2016).
6. Zhinkin S.A. *Hrestomatija po teorii prava. Krasnodar: Izdatel'skij dom "Jug", 2001. – 136 p.*
7. Kondrat E.N. *Profilaktika delinkventnogo povedenija nesovershennoletnih. SPb.: Izd-vo jurid. fak-ta SPbGU, 2006. - 67 p.*
8. Lodkina T.V. *Social'naja pedagogika [Zashhita sem'i i detstva: ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. Zavedenij]. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2009. - 208 p.*
9. Makarenko A. S. *Pedagogicheskie sochinenija v 8 t.: T. 5, 1985. [Nauchnaja pedagogicheskaja biblioteka imeni K.D. Ushinskogo]. jelektronnyj resurs.*
10. Fedotova V.O. *Vlijanie semejnogo vospitanija na formirovanie pravosoznaniya nesovershennoletnih narushitelej [Obshhestvo i pravo]. 2009 № 2 (24).*
11. Chukreeva V.V. *Vlijanie sem'i na razvitie lichnosti rebenka, ego blagopoluchie [Problemy i perspektivy razvitija obrazovanija: materialy mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', aprel' 2011 g.). T. II.] - Perm': Merkurij, 2011. -pp. 180-183.*

Взаимодействие уголовно-исполнительной инспекции и психологического центра по работе с мотивацией и психическим состоянием условно осужденных

Николаев Е.В., кандидат педагогических наук, доцент, Технический институт (филиал), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова» в г. Нерюнгри, Республика Саха (Якутия) (egor_nikolaev@mail.ru)

Стручкова В.Н., педагог-психолог, филиал Государственного бюджетного учреждения Республики Саха (Якутия) «Центр социально-психологической поддержки семьи и молодежи» в Муниципальное Образование «Нерюнгринский район», г. Нерюнгри, Республика Саха (Якутия), (struchkova_vera@rambler.ru)

В статье рассматриваются вопросы изменения мотивации и психических состояний, условно осужденных людей в возрасте от 18 лет до 35, у которых основная причина осуждения – грабеж, разбой, употребление психоактивных веществ. Выбранную аудиторию составляют преимущественно мужчины.

Описывается психологическое исследование личностей условно осужденных граждан на основе тестов: МЦВ Люшера, Тест-опросник Г. Шмишека и К. Леонгарда (методика акцентуации характера и темперамента личности), Невротические черты личности (НЧЛ) модификация Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев.

Концепция роста уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года определяет дальнейшее совершенствование мер наказаний, противоположных лишению свободы. В этом смысле предполагается рассмотрение работы уголовно-исполнительных инспекций более социальной направленности, предусматривающей ресоциализацию осужденных в тесном взаимодействии с институтами гражданского общества. Весьма остро на сегодняшний день стоит проблема социально-психологической работы с осужденными.

Вовлечение различных органов профилактики и реабилитации к процессу социальной адаптации и исправлению осужденных отвечает требованию основных положений Концепции развития уголовно-исполнительная система

Российской Федерации до 2020 года.

Ключевые слова: мотивация, психическое состояние, условно осужденные, уголовно исполнительная инспекция, психологический центр.

Для цитаты:

Николаев Е.В., Стручкова В.Н. Взаимодействие уголовно-исполнительной инспекции и психологического центра по работе с мотивацией и психическим состоянием условно осужденных. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2017(7). № 4. С. 10-19.

doi: 10.17759/psylaw.207070402

For citation:

Nikolaev E.V., Struchkova V.N. The interaction between criminal-executive inspections, and psychological center working with motivation and mental state convicted conditionally. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2017(7), no. 4. pp.10-19. doi: 10.17759/psylaw.2017070402

Условное осуждение как мера наказания разработана для исключения повторных правонарушений, не оказывая серьезного влияния на образ жизни осужденного. Так как данный метод исправления является мерой наказания по законодательству и является серьезной альтернативой тюремному наказанию, то в целом условный срок соответствует целям достижения уголовной ответственности.

В городе Нерюнгри, имеющим достаточно высокий потенциал реабилитационных ресурсов, существует практика взаимодействия уголовно - исполнительной инспекции с психологическим центром, которое заключается в улучшении макро- и микросреды условно осужденных граждан.

По уголовно-исполнительному кодексу имеется положение: «Участие осужденных в мероприятиях, связанных с оказанием психологической помощи, осуществляется только с их согласия» [9]. Принцип добровольности является одним из основообразующих этических критериев психолога, поскольку ни одна психологическая интервенция не может быть полностью удовлетворена в одностороннем порядке, а уж тем более быть принудительной. Особенностью характера условно осужденных граждан является подозрительность и недоверие к тем, кто применяет наказание по отношению к нему, следовательно, недоверие и негативизм к органам правопорядка является защитной реакцией психики. Данное сопротивление может быть преодолено только положительными стимулами, подкрепляющими самого осужденного.

В рамках этого взаимодействия возникает проблема мотивации лиц, вступивших в конфликт с законом в улучшении качества жизни и взаимодействия с социальной средой. По опыту работы психологического центра 90% осужденных убеждены в отсутствии у них каких-либо сложностей социального и личностного характера. Эта проблема сформулировала предположение о том, что при демонстрации благополучия, осужденные имеют выраженные внутриличностные проблемы в том числе – отсутствие

рефлексии, эмоциональное онемение, не тревожность и низкой критичности действий, неадекватность самооценки и слабая интеллектуальная деятельность.

Для проверки гипотезы было проведено психологическое исследование личностей условно осужденных граждан на основе тестов: МЦВ Люшера, Тест-опросник Г. Шмишека и К. Леонгарда (методика акцентуации характера и темперамента личности), Невротические черты личности (НЧЛ) модификация Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев.

Цель работы – выявление влияния психологических нарушений на мотивационную сферу условно осужденных

Задачи:

- провести диагностику;
- сделать сравнительный анализ;
- подтвердить или опровергнуть гипотезу.

Выборка тестов характеризуется их валидностью и синергией шкал по интерпретации. Рассмотрим их отдельно.

Тест-опросник Г. Шмишека и К. Леонгарда, тест невротических черт личности и метод цветowych выборов Люшера.

Выбранную аудиторию составляют преимущественно мужчины от 18 до 35 лет в количестве 30 человек, основными причиной осуждения являются грабежи, разбои, употребления психоактивных веществ.

«Анализ ст. 63 УК РФ и судебная практика показывают, что смягчающими обстоятельствами, при которых применяется условное осуждение, являются те обстоятельства, перечень которых дан в ст. 53 УК РФ [10]:

- а) несовершеннолетие виновного;
- б) наличие малолетних детей у виновного;
- в) совершение впервые преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств;
- г) беременность;
- д) совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств, либо по мотиву сострадания и т.д.».

Также судом могут быть признаны смягчающими обстоятельствами и иные, не указанные в этой статье.

Имеются и другие критерии смягчающих обстоятельств, не обозначенные выше.

Суд может признать возможным исправление осужденного без привлечения к наказанию лишения свободы и тогда он постановляет решение об условном осуждении. В связи, с чем образовалась необходимость в локализации исправительных ресурсов не в рамках исправительных учреждений, а в условиях гражданского взаимодействия.

И тут немаловажную часть работы вносит социально-психологическая реабилитация, которая включает в себя следующие виды услуг для условно осужденных:

- психотерапевтическая помощь;
- психологические тренинги;
- психологическая диагностика и обследование личности;
- психологическая коррекция;
- социально-психологическое и психологическое консультирование;

Основной задачей воздействия на условно осужденных является исправление посредством изменения убеждений, формирования новых моделей поведения и изменения жизненной позиции в целом

Кроме этого, психологическое воздействие должно предусматривать восстановительную (реабилитационную работу) психического здоровья осужденных в связи с тем, что у многих оно нарушено вследствие образа жизни на свободе (употребление наркотиков, наличие психотравм и т.п.).

Так же в специфику работы психолога включается определение криминогенных факторов, способствовавших совершению правонарушения, определение акцентуированных черт характера и дезадаптивных свойств личности. Кроме того, специалистом определяется и оценивается личный потенциал осужденного, позитивная направленность к чему-либо и другие возможности определяющие благоприятные факторы.

Федеральным законом РФ от 8 декабря 2003 года № 161 впервые законодательно закреплено право осужденных на психологическую помощь, «оказываемую сотрудниками психологической службы исправительного учреждения и иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи» (УИК РФ, статья 12 ч. 6.1) [6].

В данном исследовании не рассматривается влияние психопатологий личности на случаи правонарушения, а лишь изучается степень мотивации осужденных к улучшению своей жизненной ситуации.

На первом этапе исследования была проведена диагностическая работа с группой осужденных по методу компьютерной диагностики с помощью программного обеспечения «Effecton». По предварительной беседе испытуемым сообщалось, что это обязательная часть работы, им зачитывалась инструкция перед началом тестирования.

По результатам выяснилось, что большинство (74%) имели гипертимный тип акцентуации, что определяет криминогенный характер поведения, также чаще всего (60%)

основной тип акцентуации дополнялся несколькими тенденциями: цикломатичный (42%), аффективно-экзальтированный (37%), эмотивный (62%), возбудимый (55%), демонстративный (52%). Оказалось, примечательным, что (35%) испытуемых имеют совершенно низкое значение по показателю тревожности, что при специфике деятельности осужденных, указывает на низкую ответственность за поступки, слабую способность к сопереживанию и рефлексию деятельности.

По методике невротических черт личности определилось, что 90% испытуемых не имеют выраженных невротических проявлений, их интеллектуальная деятельность в 82% случаев является высокой, социально адаптивные ресурсы на высоком уровне (73%), сознательный контроль в норме.

Так же лишь небольшая часть (15%) стремилась выдать недостоверные результаты, это свидетельствует о доверии условно осужденных и о готовности взаимодействовать.

Тест Люшера определяет психоэмоциональное личности на данный момент времени, чаще всего (85%) условно осужденных имеют неудовлетворенность своим положением, отсутствие признания со стороны окружающих. Также превышающая значение (63%) имеет внутренняя чувствительность и склонность к мечтательству.

Из опыта работы психологического центра становится ясным, что данные полученные в ходе диагностики условно осужденных схожи с показателями результатов лиц, не имеющих осуждение.

Итак, вывод следует отметить в 2 частях:

1. Лишь 5% граждан, имеющих конфликт с законом, интересуются своими результатами и добровольно обращаются с личными запросами к специалистам психологической службы, для улучшения своего положения и качества жизни.

Можно заключить, что характер взаимодействия структур внутренних служб и психологического центра является условным. Чаще это происходит из-за отсутствия трехстороннего контракта (не юридического договора) между участниками (уголовно-исполнительная инспекция, психологический центр, условно осужденный) и распределение обязательств между ними. Сам же контракт [8] заключается, прежде всего, для вовлеченности в процесс взаимодействия и установления границ ответственности между участниками и имеет 3 уровня, рассмотрим их с позиции 3х стороннего контракта между учреждением исполнительной инспекции, психологическим центром и самим условно осужденным:

– организационный (уголовно-исполнительная инспекция) – в задачу учреждения исполнительной инспекции входит организация взаимодействия между психологическим центром и условно осужденным: привлечение осужденного (мотивирование, донесение важности и пользы работы), договоренность с центром о месте и времени, стоимость услуг (договорная основа, частная основа);

– профессиональный (психологический центр) - здесь, будучи ответственным, психологический центр уполномочен за использование подходящих методов и техник работы с осужденным, за установление необходимого контакта для эффективной работы, закрепление мотивации и расположение осужденного к самовыражению. Так же психолог,

работающий с условно осужденным, дает защиту второму в виде психологически выверенного личного примера, беспрекословного уважения мнения своего клиента, соблюдает формат конфиденциальности и указывает на ограничения конфиденциальности. Ряд случаев, подразумевающий приостановление конфиденциальности включают: а) опасность жизни и здоровья клиента; б) возможная опасность для окружения со стороны клиента; в) нарушение законодательства. Так же в силу высокого уровня контроля со стороны организатора (уголовно-исполнительная инспекция) желательнее прибегать к гуманистическим (Транзактный анализ, клиентоцентрированная психотерапия, позитивная психология и др.) методам интервенции в процессе психологической работы;

– психологический (условно осужденный) – на этом самом последнем уровне, осужденный должен выразить свои реальные представления о взаимодействии со специалистом центра, свои опасения, сомнения. Так же очень важно выразить ожидания от работы и желаемый (реальный и практический) результат.

Обязательно должны быть оговорены выгоды и вознаграждения сторон.

Но пока практически единственным способом влияния на осужденных граждан является негативное последствие и наказание.

2. Из имеющихся данных мы замечаем неоднозначное представление о психическом состоянии условно осужденных граждан, что выражается в их готовности взаимодействовать с психологами, а также с другой стороны выстраивании жестких границ контакта для взаимодействия и отсутствие достаточной информированности и личного понимания взаимодействия. Из этого можно понять, что правонарушения в основном имеют в большей степени социогенный характер, чем внутриличностный. Поскольку не существует четкой зависимости психических нарушений от количества совершенных преступлений.

Таким образом, мотивация осужденных является главным фактором для улучшения жизненных условий осужденного. Так как психическое состояние испытуемых ничем не отличается от психического состояния обычного гражданина, и в основном их состояние характеризуется неудовлетворенностью здорового признания, им следует учесть необходимость и выгоду взаимодействия со специалистом психологической службы, в контакте с которым можно совершить благоприятные преобразования психики и принять более эффективные решения относительно дальнейшей жизни.

Так же хочется заключить, что условно осужденные граждане в силу имеющегося стигматизма общества вынужденно оказываются в положении риска возникновения повторных правонарушений. Ведь отсутствие гуманного подхода и вызывает озлобленность, демотивацию и асоциальность среди правонарушителей.

Литература

1. *Борсученко С.А.* Условное осуждение и (или) "система испытания"? : монография. М.: РПА Минюста России, 2011. С. 17-28
2. *Дьяконова С.В.* О правовой природе условного осуждения / Российский следователь. 2007. № 7. С.35.
3. *Ильин А.В.* Проведение социально-психологических тренингов с осужденными:

методическое пособие для начальников отрядов, воспитателей, психологов исправительных учреждений. М.: ФСИН России, 2005. 57 с.

4. Концепция воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/> (дата обращения 20.04.2000).
5. *Ольховик Н. В.* Ресоциализация осуждённых без изоляции от общества и деятельность уголовно-исполнительных инспекций по предупреждению преступлений. Н. В.Ольховик. / Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 1 (7). С. 68-74.
6. Приказ МВД РФ от 01.07.1997 N 403 (ред. от 16.09.2002) "Об утверждении Инструкции о порядке исполнения наказаний в виде исправительных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и осуществления контроля за поведением условно осужденных, осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, к которым применена отсрочка отбывания наказания" (Зарегистрировано в Минюсте РФ 05.08.1997 N 1368)
7. *Стюарт Я., Джойнс В.* Современный транзактный анализ. СПб., Социально - психологический центр, 1996. 332 с.
8. Федеральный закон от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 16.10.2017) «Основные права осужденных» // Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Статья 12.
9. Федеральный закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) «Обстоятельства, отягчающие наказание» // Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Статья 63.
10. *Цветкова Н.А., Колесникова Н. Е.* Технологии социально-психологической работы с осужденными, отбывающими наказание без изоляции от общества: учебно-методическое пособие: нормативный документ. М.: Столичный бизнес, 2011. 260 с.

The interaction between criminal-executive inspections, and psychological center working with motivation and mental state convicted conditionally

Nikolaev E. V., PhD (Pedagogy), associate professor, Technical Institute (branch), Federal state Autonomous educational institution of higher professional education "North-Eastern Federal University. M. K. Ammosov" in Neryungry, Republic of Sakha (Yakutia) (egor_nikolaev@mail.ru)

Struchkova V. N., psychologist, branch of the State budgetary institution of the Sakha Republic (Yakutia) "Center for social and psychological support family and youth" in the municipality "neryungrinskiy district", Neryungri, Republic of Sakha (Yakutia) (struchkova_vera@rambler.ru)

The article discusses the changes of motivation and mental States, people on probation and parole in the age of from 18 up to 35 years, whose main reason for conviction – robbery, robbery, use of psychoactive substances. The selected audience is predominantly men. Describes a psychological study of the personalities of probation and parole citizens on the basis of the tests: CHOICE lusher, a Test questionnaire G. Shmishek and K. Leongard (a technique of accentuation of character and temperament), Neurotic personality traits (NL) modification of L. I. Wasserman, B. V. Iovlev.

The concept of development criminally-executive system of the Russian Federation until 2020 provides for the further development of alternatives to imprisonment. It is expected therefore making the activity of criminal-Executive inspection (UII) social focus, providing for the re-socialization of convicts in close cooperation with civil society institutions. Most urgently today is the question of socio-psychological and educational work with convicts. The involvement of the public, rehabilitation centers and other organizations in the process of social adaptation and rehabilitation of convicted persons is in the spirit of the time and demand of the main provisions of the concept of development UIS the Russian Federation until 2020. The development provides for UII at the same time as the introduction of innovative technologies in the field of social, psychological and educational work with convicts, and to raise the level of professional training of their employees.

Key words: motivation, mental health, probation, criminal-executive inspection, psychological center.

References

1. Borsuchenko S. A. Uslovnoe osuzhdenie i (ili) "sistema ispytaniya"?: monograph [Probation and (or) "test system"?: monografiya]. - Moscow: Publ. RPA Minyusta Rossii, 2011. - pp. 17-28.
2. D'yakonova S.V. O pravovoy prirode uslovnogo osuzhdeniya [On the legal nature of conditional condemnation]. *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian investigator], 2007. no. 7, 35 p. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Ol'khovik N. V. Resotsializatsiya osuzhdennykh bez izolyatsii ot obshchestva i deyatel'nost' ugovovno-ispolnitel'nykh inspektsiy po preduprezhdeniyu prestupleniy [Resocialization of convicted without isolation from society and the activities of criminal Executive inspections for the prevention of crimes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Bulletin of the Tomsk state University. Right], 2013. no. 1 (7), - pp. 68-74. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Kontseptsiya vospitatel'noy raboty s osuzhdennymi v usloviyakh reformirovaniya ugovovno-ispolnitel'noy sistemy [The concept of educational work with convicts in the conditions of reforming of criminal Executive system] [Electronic resource]. URL: <http://docs.cntd.ru/> (Accessed 20.04.2000).
5. Provedenie sotsial'no-psikhologicheskikh treningov s osuzhdennymi [Conducting social and psychological training with convicts]. *Metodicheskoe posobie dlya nachal'nikov otryada, vospitateley, psikhologov ispravitel'nykh uchrezhdeniy* [Methodical manual for the heads of the detachment, educators, psychologists of correctional institutions]. - Moscow: Publ. FSIN Rossii, 2005.
6. Prikaz MVD RF ot 01.07.1997 N 403 (red. ot 16.09.2002) "Ob utverzhdenii Instruktsii o poryadke ispolneniya nakazaniy v vide ispravitel'nykh работ, lisheniya prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sya opredelennoy deyatel'nost'yu i osushchestvleniya kontrolya za povedeniem uslovno osuzhdennykh, osuzhdennykh beremennykh zhenshchin i zhenshchin, imeyushchikh maloletnikh detey, k kotorym primenena otsrochka otbyvaniya nakazaniya" (Zaregistrovano v Minyuste RF 05.08.1997 N 1368) [Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of 01.07.1997 N 403 (as amended on 16.09.2002) «On approval of the Instruction on the procedure for the execution of penalties in the form of correctional labor, forfeiture of the right to occupy certain positions or engage in certain activities and to monitor the behavior of conditionally convicted, convicted pregnant women and women with young children who have been delayed serving their sentences» (registered with the Ministry of Justice 05/08/1997 N 1368)].
7. Styuart Ya. i Dzhoyns V. Sovremennyy tranzaktnyy analiz [Modern transactional analysis]. Saint-Petersburg: Publ. Sotsial'no -psikhologicheskiiy tsentr, 1996. 332 p.
8. Federal'nyy zakon ot 08.01.1997 N 1-FZ (red. ot 16.10.2017) «Osnovnye prava osuzhdennykh» [Federal Law of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on October 16, 2017) "The fundamental rights of convicts"]. *Ugovovno-ispolnitel'nyy kodeks*

Rossiyskoy Federatsii Stat'ya 12. [Penal Enforcement Code of the Russian Federation. Article 12.].

9. Federal'nyy zakon ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 29.07.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 26.08.2017) «Obstoyatel'stva, otyagchayushchie nakazanie» [Federal Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended on July 29, 2017) (as amended and supplemented, entered into force on August 26, 2017) "Circumstances aggravating punishment"]. Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Stat'ya 63. [Penal Enforcement Code of the Russian Federation. Article 63.].
10. Tsvetkova N.A., Kolesnikova N. E. Tehnologii sotsialno-psihologicheskoy raboty s osuzhdennyimi, otbyivayuschimi nakazanie bez izolyatsii ot obschestva: uchebno-metodicheskoe posobie: normativnyiy document [Technologies of socio-psychological work with convicts serving sentences without isolation from society: educational-methodical manual: normative document]. Moscow: Publ. Stolichnyiy biznes, 2011. 260 p.

Патопсихологические предикторы противопоказаний к управлению автотранспортом у лиц с психическими расстройствами

Калинкин Д.С., медицинский психолог, ГБУЗ Психиатрическая клиническая больница №4 Департамента здравоохранения г. Москвы; младший научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава РФ (ministrant.dk@gmail.com)

Васильченко А.С., младший научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава РФ (vasilchenko.alesya@gmail.com)

Шпорт С. В., кандидат медицинских наук, ученый секретарь, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава РФ (svshport@mail.ru)

В статье приводятся данные исследования патопсихологических предикторов противопоказаний к управлению автотранспортом у лиц с психическими расстройствами. Проанализированы данные 60 амбулаторных карт пациентов – водителей и кандидатов в водители, проходивших психиатрическое освидетельствование на предмет выявления наличия или отсутствия противопоказаний к управлению автотранспортом, по итогам которого им был впервые выставлен психиатрический диагноз. Анализ проводился с учетом следующих параметров: решение комиссии о наличии или отсутствии противопоказаний к управлению автотранспортом; возраст; диагноз психического расстройства; результаты патопсихологического исследования и данные об опыте вождения. Выявлено, что универсальным патопсихологическим предиктором противопоказаний у обследованных водителей и кандидатов в водители выступил параметр «нарушение критичности». Вместе с тем, определены нозоспецифические нарушения психических процессов, влияющие на вынесение врачебного решения о наличии противопоказаний к управлению автотранспортом. У всех обследованных значимо чаще встречались нарушения внимания (его неустойчивость), в то время как у лиц с диагнозом органического психического расстройства отмечается также нарушение критичности, а пациентов с расстройством личности отличает неустойчивость эмоциональных реакций. Дополнительный учет патопсихологических особенностей может существенно повысить точность оценки способности к безопасному вождению у водителей и кандидатов в водители и эффективность прогнозирования риска

совершения ДТП.

Ключевые слова: аварийность, опасное вождение, когнитивные нарушения.

Для цитаты:

Калинкин Д.С., Васильченко А.С., Шпорт С.В. Патопсихологические предикторы противопоказаний к управлению автотранспортом у лиц с психическими расстройствами. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 4. С. 20-31. doi: 10.17759/psylaw.207070403

For citation:

Kalinkin D.S., Vasilchenko A.S., Shport S.V. Pathopsychological predictors of contraindications to driving for persons with mental disorders. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiiia i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 4. pp.20-31. doi: 10.17759/psylaw.2017070403

Анализ аварийности на дорогах Российской Федерации за 1 квартал 2017 г. свидетельствует о сокращении общего количества дорожно-транспортных происшествий (ДТП). Несмотря на это, уровень аварийности остается по-прежнему высоким. В сторону увеличения меняются и некоторые показатели в общей структуре аварийности. Так, все больше становится ДТП, совершенных водителями в возрасте старше 60 лет (на 7,7% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года). Всего на долю водителей этой возрастной группы приходится 7,5% от общего количества ДТП. Также растет число аварий по вине водителей со стажем вождения более 10 лет. На 4,5% увеличилось количество ДТП с особо тяжкими последствиями [2].

Приведенные данные указывают на сохраняющуюся актуальность разработки проблемы безопасности дорожного движения, в том числе – изучения психологических факторов высоко рискованного или безопасного вождения.

В последние годы как в общественно-правовом поле, так и в научной среде повысился интерес к проблеме безопасного управления автотранспортом. В 2016 г. в законодательство был введен термин «опасное вождение», изменен порядок прохождения медицинского освидетельствования водителей и кандидатов в водители.

Целый комплекс научных исследований посвящен изучению влияния психологических характеристик на увеличение риска попадания в ДТП [1; 3; 7; 8; 13; 15]. Установлено, что водители, склонные к совершению ДТП, обладают аварийным стилем вождения [5]. Помимо стиля вождения большое влияние на безопасность управления автотранспортом оказывают индивидуально-психологические переменные: импульсивность, склонность к риску, враждебность, эмоциональная неустойчивость, уровень самоконтроля, особенности принятия решений, акцентуации характера. Кроме этого на безопасное управление автотранспортом также влияет уровень развития профессионально важных качеств, т. е. совокупность психологических характеристик, необходимых для данного вида деятельности, к которым относят функционирование когнитивных процессов (внимание, память, мышление, восприятие) и определенные свойства личности [8; 9].

Также в научных публикациях последних лет отмечается интерес к разработке психодиагностических методик исследования водителей, позволяющих выявлять как уровень развития профессионально важных качеств, так и другие психологические особенности, влияющие на безопасное вождение. Создан диагностический инструментарий, направленный на выявление стиля вождения, что позволяет прогнозировать аварийность водителя (опросник «Стиль вождения», Личностный опросник оценки надежности водителя). Такие исследования проводятся в том числе с психокоррекционной направленностью – на основании полученных в результате тестирования данных вырабатываются рекомендации по изменению стиля вождения, развитию профессионально важных качеств [4; 6; 10; 11; 12].

Проводимые в нашей стране исследования касаются, прежде всего, психически здоровых водителей, в то время как практика медицинского освидетельствования водителей и кандидатов в водители свидетельствует о необходимости изучения психологических факторов безопасного вождения у водителей с психическими расстройствами.

Психическое расстройство само по себе не всегда является противопоказанием к управлению автотранспортом. В нормативно-правовых актах закреплено, что противопоказанием к управлению автомобилем является хроническое и затяжное психическое расстройство с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями [14]. Часто при одном и том же психиатрическом диагнозе врачебные решения о наличии или отсутствии противопоказаний к управлению автотранспортом различаются. В связи с этим необходима более дифференцированная психолого-психиатрическая оценка способности к безопасному вождению у водителей и кандидатов в водители с психическими расстройствами.

В связи с этим **цель** настоящего исследования – определение патопсихологических предикторов противопоказаний к управлению автотранспортом у лиц с психическими расстройствами.

Материал и методы

Материалом исследования послужили данные амбулаторных карт 60 пациентов мужского пола, обратившихся в психоневрологический диспансер (ПНД) Психиатрической больницы № 4 и № 15 с 2014 по 2017 г. для психиатрического освидетельствования на предмет допуска к управлению автотранспортом, по итогам которого им впервые был выставлен психиатрический диагноз. Возраст обследованных – от 17 до 75 лет (средний возраст – $42,95 \pm 18,52$). Анализ проводился с учетом следующих параметров: решение комиссии о наличии или отсутствии противопоказаний к управлению автотранспортом; возраст и возрастные диапазоны, полученные с помощью метода квартилей (до 24 лет, от 24 до 49, от 49 до 60, старше 60 лет); диагноз психического расстройства; результаты патопсихологического исследования и данные об опыте вождения.

Патопсихологические данные были получены в результате исследования когнитивной и эмоционально-волевой сфер с использованием следующих методик: заучивание 10 слов, чтение и пересказ текста, таблицы Шульте, «Отсчитывание “100-7”», «Исключение предметов», «Толкование пословиц», при подозрении на интеллектуальное снижение – тест Равена; а также данные, полученные в ходе наблюдения и беседы.

К когнитивным характеристикам были отнесены нарушения внимания (неустойчивость, нарушения концентрации, переключения и распределения, снижение объема), памяти (снижение механического и смыслового запоминания), мышления (снижение уровня обобщения, мотивационная заинтересованность и динамические нарушения). В эмоционально-волевые характеристики были включены нарушения критико-прогностических функций и неустойчивость эмоциональных проявлений.

К данным об опыте вождения была отнесена информация о стаже вождения и лишении водительского удостоверения. Из анамнестических сведений были приняты во внимание такие факторы, как наличие черепно-мозговых травм, злоупотребление алкоголем и психоактивными веществами (ПАВ), хронические соматические заболевания. Помимо этого учитывалась информация об итоговом решении врачебной комиссии после установления психиатрического диагноза: выявлены противопоказания к управлению автотранспортом или диагностированное психическое расстройство, по мнению комиссии, не является противопоказанием.

Большинству обследованных (n=41, 68%) комиссией врачей-психиатров был установлен диагноз органического психического расстройства (легкое когнитивное расстройство, другие непсихотические расстройства в связи со смешанными или неуточненными заболеваниями – рубрика F06 по МКБ-10). В 18% случаев было диагностировано органическое расстройство личности и поведения в связи со смешанными заболеваниями (рубрика F07 по МКБ-10). Также устанавливался диагноз «расстройство личности» (10%) и «легкая умственная отсталость» (3%) – рубрики F60 и F70 по МКБ-10 соответственно.

Статистическая обработка полученных в ходе исследования данных осуществлялась с помощью программы SPSS Statistics с применением таблиц сопряженности, непараметрического критерия оценки достоверности различий сравниваемых показателей – критерия хи-квадрат Пирсона, а также дискриминантного анализа.

Анализ результатов

В 45 случаях (75%) были выявлены противопоказания к управлению автотранспортом, при этом в 55% от этого числа противопоказания были выявлены у кандидатов в водители, не имеющих опыта управления автотранспортом, а в остальных 45% случаях опыт вождения составлял более 10 лет.

Анализ данных патопсихологического исследования по обобщенной выборке выявил следующее. Нарушения внимания отмечались у 68,3% обследованных, снижение мнестических возможностей – у 33,3%. Нарушения мышления выявлены у 66,6% обследованных. При этом преобладали нарушения операционального компонента мышления в виде снижения или выраженной неравномерности уровня обобщений (63,3%); на втором месте – динамические нарушения в виде выраженной инертности мыслительных операций, склонности к обстоятельности (20%). В 6,66% наблюдений отмечались мотивационные нарушения мышления – резонерство, разноплановость, соскальзывания. Интеллектуальное снижение отмечено у 18,3% обследованных. Нарушение критичности в широком смысле присутствовало у 56,6% больных, неустойчивость эмоциональных проявлений была выявлена в 48,3% исследований.

Злоупотребление алкоголем было выявлено в 23,3% случаев и чаще встречалось у лиц в возрастной группе 24–49 лет (57% наблюдений); употребление ПАВ – в 5% случаев; ЧМТ – в 6,67%.

Сравнение данных патопсихологического исследования по каждой группе в зависимости от наличия или отсутствия противопоказаний выявил следующие различия (рис. 1). В группе обследованных, у которых в дальнейшем были выявлены противопоказания к управлению автотранспортом, в большем количестве случаев отмечались нарушения когнитивных функций (за исключением памяти) и эмоционально-волевой сферы.

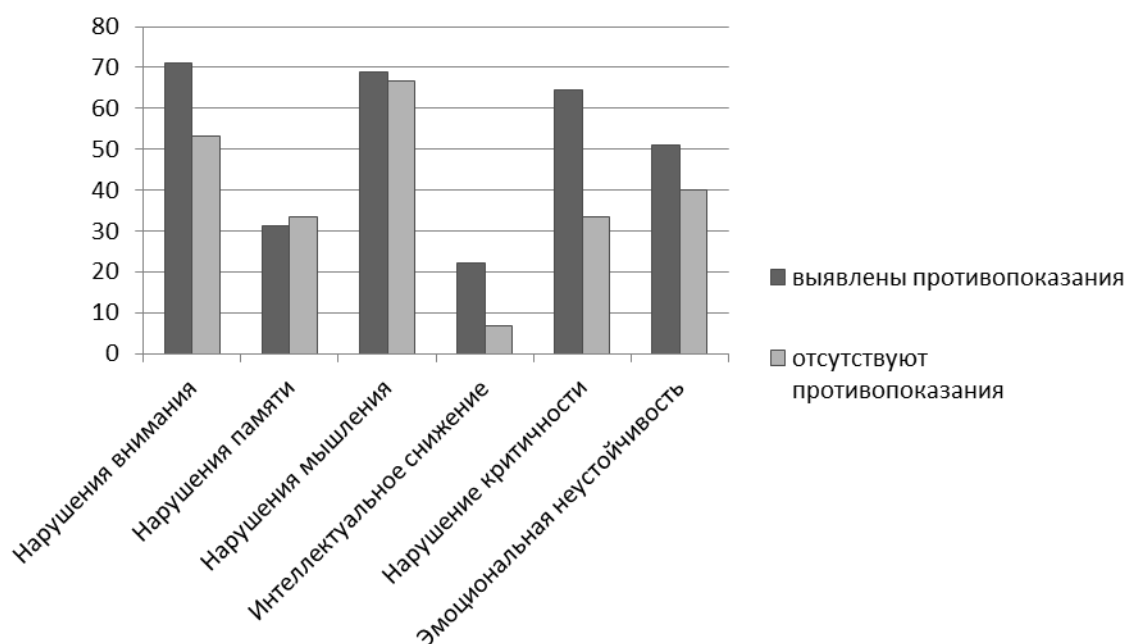

Рис. 1. Данные патопсихологического исследования в группе обследованных в зависимости от наличия или отсутствия противопоказаний к управлению автотранспортом

Анализ таблиц сопряженности на уровне статистической значимости выявил следующие особенности обследованных, у которых были обнаружены противопоказания к управлению автотранспортом. У пациентов с диагнозом органического психического расстройства значимо чаще встречались нарушения внимания (неустойчивость), а также нарушение критичности в эмоционально-волевой сфере. Пациентов с расстройством личности значимо отличают такие параметры, как нарушения внимания (неустойчивость), а также неустойчивость эмоциональных реакций.

Для выявления тех патопсихологических переменных, которые являются определяющими при вынесении решения врачами-психиатрами о наличии или отсутствия противопоказаний к управлению автотранспортом, был проведен дискриминантный анализ. Основным предиктором по обобщенной выборке в этом случае выступил параметр «нарушение критичности» ($p < 0,05$).

В зависимости от нозологической принадлежности, предикторами противопоказаний к управлению автотранспортом выступили следующие характеристики (см. табл. 1)

Таблица 1

Предикторы противопоказаний к управлению автотранспортом в зависимости от нозологической принадлежности

Диагноз / Предиктор	Уровень значимости
<i>Органическое психическое расстройство</i>	
Снижение уровня обобщений	p=0,007
Снижение механического запоминания	p=0,014
Нарушение критичности	p=0,019
Нарушение смыслового запоминания	p=0,014
Неустойчивость внимания	p=0,040
Нарушение концентрации внимания	p=0,046
Нарушения переключения и распределения внимания	p=0,048
<i>Органическое расстройство личности и поведения</i>	
Снижение объема внимания	p=0,001
Нарушения динамического компонента мышления	p=0,001
Нарушение критичности	p=0,001
Нарушение смыслового запоминания	p=0,002
Неустойчивость эмоциональных реакций	p=0,002
Неустойчивость внимания	p=0,004
Снижение механического запоминания	p=0,011
Нарушения переключения и распределения внимания	p=0,040
<i>Расстройство личности</i>	
Снижение уровня обобщений	p=0,016
Нарушение критичности	p=0,026

Снижение механического запоминания	p=0,019
Нарушение мотивационного компонента мышления	p=0,040
Снижение объема внимания	p=0,046

У лиц с диагнозом «органическое психическое расстройство» предикторами противопоказаний к управлению автотранспортом являются «нарушение операционального компонента мышления – снижение уровня обобщений», «снижение механического запоминания», «нарушение критичности», «нарушение смыслового запоминания», «неустойчивость внимания», «нарушение концентрации внимания», «нарушения переключения и распределения внимания».

У лиц с диагнозом «органическое расстройство личности и поведения» предикторами наличия противопоказаний являются такие патопсихологические особенности, как «снижение объема внимания», «нарушения динамического компонента мышления – инертность, обстоятельность», «нарушение критичности», «нарушение смыслового запоминания», «неустойчивость эмоциональных реакций», «неустойчивость внимания», «снижение механического запоминания», «нарушения переключения и распределения внимания».

При диагнозе «Расстройство личности» предикторами выступили следующие особенности: «нарушение операционального компонента мышления – снижение уровня обобщений», «нарушение критичности», «нарушение мотивационного компонента мышления – склонность к аффективному рассуждательству, опора на малозначимые признаки при обобщении», «снижение объема внимания». Для лиц с диагнозом умственной отсталости значимых предикторов выявить не удалось.

Заключение

Универсальным патопсихологическим предиктором наличия противопоказаний по обобщенной выборке обследованных водителей и кандидатов в водители выступил параметр «нарушение критичности». Вместе с тем, существуют нозоспецифические нарушения психических процессов, влияющие на вынесение врачебного решения о наличии противопоказаний к управлению автотранспортом. У всех обследованных значимо чаще встречались нарушения внимания (его неустойчивость), а у лиц с диагнозом органического психического расстройства отмечается также нарушение критичности, в то время как пациентов с расстройством личности отличают неустойчивость эмоциональных реакций.

Планируется дальнейшее исследование патопсихологических особенностей водителей с психическими расстройствами. В частности, представляется актуальной разработка методического комплекса для проведения патопсихологической диагностики водителей и кандидатов в водители с психическими расстройствами, выявление патопсихологических факторов, влияющих на безопасное управление автотранспортом с учетом анализа клинико-социальных переменных, а также использования более сложных методов статистической обработки данных.

Дополнительный учет патопсихологических особенностей может существенно повысить точность оценки способности к безопасному вождению у водителей и кандидатов в водители, эффективнее прогнозировать риск совершения ДТП, а также управлять подобными рисками за счет разработки и применения психокоррекционных воздействий.

Литература

1. Булыгина В.Г., Дубинский А.А., Шпорт С.В., Калинкин Д.С. Психология высокорискового вождения (обзор зарубежных исследований) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Т. 6. № 2. С. 72–92. doi:10.17759/psylaw.2016060206
2. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 3 месяца 2017 года. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ НИЦ БДД МВД России, 2017. 17 с.
3. Лобанова Ю.И. О возможностях прогноза аварийности водителей // Вестник Южно-Уральского Университета. Серия: Психология. 2017. № 1. С. 74–87.
4. Лобанова Ю.И. Опросник «Стиль вождения» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2016. № 4-1. С. 26–41.
5. Лобанова Ю.И. Особенности стиля вождения «аварийных» и «безаварийных» водителей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2016. Т. 9. № 3. С. 87–94.
6. Лобанова Ю.И., Васильева Е.Н. Использование опросного метода для оценки уровня развития чувства опасности // В мире науки и инноваций. Сборник статей международной научно-практической конференции. Уфа, 2017. С. 211–217.
7. Нигрей А.А., Ковальчук А.С. Влияние психофизиологических особенностей водителя на надежность его управления транспортным средством // Сборник трудов X Международной научно-практической конференции «Организация и безопасность дорожного движения». (16 марта 2017 г.). Тюмень, 2017. С. 377–384.
8. Панченко О.А., Гаража М.В., Плохих В.В. Психологические критерии надежности профессиональной деятельности водителей автомобильного транспорта // Актуальные проблемы транспортной медицины. 2012. Т. 29. № 3. С. 60–63.
9. Пегин П.А. Автотранспортная психология: учебник. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 208 с.
10. Петров В.Е. Анализ методик психологического изучения личности водителей и особенностей управления транспортным средством // Вестник Московского института государственного управления и права. 2016. № 16. С. 145–148.
11. Петров В.Е. Диагностическая типология стилей управления транспортным средством // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. № 1 (41). С. 77–82.
12. Петров В.Е. Психологическая диагностика стиля управления транспортным средством с помощью личностного опросника оценки надежности водителя // Мир науки, культуры, образования. 2016. Т. 61. № 6. С. 319–323.

13. *Петров В.Е., Сметанина Н.В.* Исследование психологических факторов агрессивного управления транспортным средством // Научные исследования и образование. 2016. № 4 (24). С. 164–172.
14. Постановление Правительства РФ от 29.12.2014 № 1604 «О перечнях медицинских противопоказаний, медицинских показаний и медицинских ограничений к управлению транспортным средством» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70836098/> (дата обращения: 18.09.2017)
15. *Пузанова А.Г., Горячева Ю.В.* Психогенное влияние профессионального стресса на развитие психосоматических реакций у водителей автотранспортных средств // Актуальные проблемы транспортной медицины. 2014. Т. 1. № 4-1 (38). С. 125–132.

Pathopsychological predictors of contraindications to driving for persons with mental disorders

Kalinkin D. S., clinical psychologist, Psychiatric hospital no. 4; Junior Researcher, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (*ministrant.dk@gmail.com*)

Vasilchenko A.S., Junior Researcher, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (*vasilchenko.alesya@gmail.com*)

Shport S.V., Ph.D. in Medicine, scientific secretary, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (*svshport@mail.ru*)

The present article contains the research data of pathopsychological predictors of contraindications to driving for persons with mental disorders. The data of 60 outpatient charts of patients-drivers and driver candidates who underwent a psychiatric examination in order to reveal the presence or absence of contraindications to driving was analyzed and resulted in a psychiatric diagnosis setting for the first time. The analysis was conducted with considering the following parameters: the commission decision on the presence or absence of contraindications to driving; age; mental illness diagnosis; results of pathopsychological research and data on driving experience. It was revealed that the 'criticality violation' parameter was the universal pathopsychological predictor of contraindications amongst the drivers and driver candidates surveyed. At the same time, nosospecific abnormalities of mental processes have been identified that in overall affect on the making of a medical decision on the presence of contraindications to driving. Attention disorders (its instability) were significantly more frequent, whilst the patients with organic mental disorder also had criticality violations, and the patients with personality disorder were characterized by instability of emotional reactions. Additional record of pathopsychological features can significantly improve the accuracy of the ability to safe driving assessment for drivers and driver candidates, and more effectively predict the risk of an accident.

Keywords: accident rate, dangerous driving, cognitive functioning.

References

1. Bulygina V.G., Dubinsky A.A., Shport S.V., Kalinkin D.S. Psychology of high risk driving (review of foreign studies) [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2016. Vol. 6, no. 2, pp. 72–92. doi:10.17759/psylaw.2016060206. (In Russ., abstr. in Engl.)

2. Dorozhno-transportnaya avariinost' v Rossiiskoi Federatsii za 3 mesyatsa 2017 goda. Informatsionno-analiticheskii obzor [Road and transport accident rate in the Russian Federation in 3 months 2017]. Moscow: FKU NITs BDD MVD Rossii, 2017. 17 p. (In Russ.).
3. Lobanova Yu. I. O vozmozhnostyakh prognoza avariinosti voditelei [About opportunities of the forecast of accident rate of drivers]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Universiteta. Seriya: Psikhologiya. 2017. no1. pp. 74-87. (In Russ.).
4. Lobanova Yu. I. Oprosnik «Stil' vozhdeniya» [Questionnaire "Style of driving"]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2016. no4-1. pp. 26-41. (In Russ.).
5. Lobanova Yu. I. Osobennosti stilya vozhdeniya «avariinykh» i «bezavariinykh» voditelei [Features of style of driving of "emergency" and "accident-free" drivers]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya. 2016. T. 9. no 3. pp. 87-94. (In Russ.).
6. Lobanova Yu. I., Vasil'eva E. N. Ispol'zovanie oprosnogo metoda dlya otsenki urovnya razvitiya chuvstva opasnosti [Use of a polling method for assessment of the level of development of sense of danger]. V mire nauki i innovatsii. Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ufa. - 2017, pp. 211-217. (In Russ.).
7. Nigrei A.A., Koval'chuk A.S. Vliyanie psikhofiziologicheskikh osobennostei voditelya na nadezhnost' ego upravleniya transportnym sredstvom [Influence of psychophysiological features of the driver on reliability of his driving]. Sbornik trudov Kh Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Organizatsiya i bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya» 16 marta 2017 g., Tyumen'. -2017. -T.2. -pp. 377-384. (In Russ.).
8. Panchenko O. A., Garazha M. V., Plokhikh V. V. Psikhologicheskie kriterii nadezhnosti professional'noi deyatel'nosti voditelei avtomobil'nogo transporta [Psychological criteria of reliability of professional activity of drivers of the motor transport]. Aktual'nye problemy transportnoi meditsiny. 2012. T. 29. no 3. pp. 60-63. (In Russ.).
9. Pegin P. A. Avtotransportnaya psikhologiya: Uchebnik. [Motor transportation psychology] Moscow: «Akademiya» Publ., 2014. 208 p.
10. Petrov V. E. Analiz metodik psikhologicheskogo izucheniya lichnosti voditelei i osobennostei upravleniya transportnym sredstvom [Analysis of techniques of psychological studying of the person of drivers and features of driving]. Vestnik Moskovskogo instituta gosudarstvennogo upravleniya i prava. 2016. no 16. pp. 145-148. (In Russ.).
11. Petrov V. E. Diagnosticheskaya tipologiya stilei upravleniya transportnym sredstvom [Diagnostic typology of driving styles vehicle]. Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii. 2017. no 1 (41). pp. 77-82. (In Russ.).

12. Petrov V. E. Psikhologicheskaya diagnostika stilya upravleniya transportnym sredstvom s pomoshch'yu lichnostnogo oprosnika otsenki nadezhnosti voditelya [Psychological diagnostics of driving style by the vehicle by means of the personal questionnaire of assessment of reliability of the driver]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2016. T. 61. no 6. pp. 319-323. (In Russ.).
13. Petrov V. E., Smetanina N. V. Issledovanie psikhologicheskikh faktorov agressivnogo upravleniya transportnym sredstvom [Research of psychological factors of aggressive driving]. Nauchnye issledovaniya i obrazovanie. 2016. no 4 (24). pp. 164-172. (In Russ.).
14. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29.12.2014 N 1604 "O perechnyakh meditsinskikh protivopokazanii, meditsinskikh pokazanii i meditsinskikh ogranichenii k upravleniyu transportnym sredstvom" [Elektronnyi resurs] [The resolution of the Government of the Russian Federation of 29.12.2014 N 1604 "About lists of medical contraindications, medical indications and medical restrictions to driving"] URL: <http://base.garant.ru/70836098/> (data obrashcheniya 18.09.2017)
15. Puzanova A. G., Goryacheva Yu. V. Psikhogennoe vliyanie professional'nogo stressa na razvitie psikhosomaticheskikh reaktsii u voditelei avtotransportnykh sredstv [Psychogenic influence of a professional stress on development of psychosomatic reactions in drivers of vehicles]. Aktual'nye problemy transportnoi meditsiny. 2014. T. 1. no 4-1 (38). pp. 125-132. (In Russ.).

Насилие на стадии свиданий в подростковых парах: обзор зарубежных исследований

Луковцева З.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (sverchokk@list.ru)

В статье представлен анализ зарубежных исследований подросткового насилия на стадии свиданий. Обсуждаются терминологические трудности, преодоление которых представляет собой актуальную научно-практическую задачу. Насилие на стадии свиданий трактуется как специфический феномен, который следует отличать от буллинга, школьного насилия и т. д. Систематизированы данные, характеризующие распространенность насилия в подростковых романтических отношениях; установлено, что до 2/3 подростков в зарубежных странах имеют опыт насилия на стадии свиданий либо в роли обидчиков, либо в роли пострадавших, в структуре же обсуждаемого явления на первый план выступает психологическое насилие. Рассмотрены биографические, индивидуально-психологические и социально-средовые предикторы подросткового насилия на стадии свиданий. Прослежен процесс трансформации поведения в рамках насилия на стадии свиданий с переходом к более зрелым, партнерским или брачным, отношениям. Особое внимание уделено половым различиям в предрасположенности к совершению насилия на стадии свиданий, а также его влиянию на характер последующих «взрослых» отношений.

Ключевые слова: подростки, романтические отношения, насилие на стадии свиданий, предикторы насилия, протективные факторы.

Для цитаты:

Луковцева З.В. Насилие на стадии свиданий в подростковых парах: обзор зарубежных исследований. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 4. С. 32-43. doi: 10.17759/psylaw.207070404

For citation:

Lukovceva Z.V. Adolescent dating violence: an overview of foreign studies. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 4. pp. 32-43. doi: 10.17759/psylaw.2017070404

По субъективной значимости и эмоциональной насыщенности взаимодействия подростковые союзы не уступают «взрослым». Сопряженные с глубокими и не всегда в полной мере осознанными переживаниями, отношения в юных парах нередко становятся

ареной насилия. В таких случаях происходящее обозначают как **«насилие на стадии свиданий»** (НСС, «dating violence»).

НСС взаимосвязано с распространением школьной дезадаптации, химических зависимостей, тревожно-депрессивных эмоциональных нарушений, расстройств сексуального и пищевого поведения, учащением абортот и суицидов. Подростковый опыт НСС – серьезный предиктор проблем в учебе, карьере и семейной жизни [13; 26 и мн. др.].

Несмотря на растущий интерес к этой проблеме, понятийные разногласия сохраняются. Насилие в подростковой среде часто трактуют исключительно как буллинг. Впрочем, существуют термины «гендерный буллинг» [18] и «гендерно обусловленные буллинг и харассмент» [27]. Зарубежные коллеги относят к молодежному насилию «...вербальное и психологическое насилие, буллинг, драки, борьбу..., а также посягательства сексуального характера» [2, с. 31]. Последние нередко возникают именно в романтических отношениях, но этот аспект проблемы большинством авторов не затрагивается. Что касается насилия в образовательной среде, то в его состав НСС также включают редко, хотя программы профилактики НСС обычно создаются именно для школ и колледжей [28]. Системность буллинга, харассмента и НСС затрудняет их разграничение, ведь все они в противоположность однократному насилию носят повторяющийся, определенным образом организованный и детерминированный характер. Однако *особые эмоциональные узы, связывающие пару, в сочетании с ярко выраженной гендерной окрашенностью* отличают НСС от буллинга и харассмента. НСС нельзя отождествлять и с «насилием в партнерских отношениях», ведь последний термин акцентирует внимание на сексуальной сфере и опыте совместного проживания, а потому применим скорее к отношениям взрослых людей.

Отсутствие терминологического единства – серьезный камень преткновения в научно-практической разработке проблемы НСС [4]. Основной вопрос состоит в том, относить ли к НСС психологическое насилие. Положительный ответ открывает возможность изучения происхождения НСС и взаимосвязи отдельных его компонентов в динамике. Некоторые исследователи, однако, продолжают применять упрощенные диагностические инструменты, в частности, Шкалу безопасности на свиданиях [14]. Сведения, обеспечивающие не только фиксацию признаков, но и выход на понимание психологических механизмов НСС, дает Шкала восприятия гендерного насилия. Она включает субшкалы Контроля, Запугивания, Изоляции, Ревности, Дискредитации, Эмоционального безразличия, Сексуального злоупотребления, Эмоциональной манипуляции и Отношения к партнеру [4]. Примерами близких по содержанию и назначению методик являются Шкала отношения к женщинам для подростков [9; 16] и Многомерная шкала эмоционального насилия [7]. Следует упомянуть также валидируемый в настоящее время Опросник психологического насилия на свиданиях, содержащий субшкалы Виктимизации и Агрессии [31].

Данные о **масштабах НСС в подростковых парах** варьируют в зависимости от выборки, условий и методов исследований. НСС можно наблюдать уже в средней школе, причем пик его распространенности приходится на подростковый период [25]. По другим данным, первое появление НСС может относиться к диапазону от 13 до 19 лет, всего же эта проблема затрагивает от 10 до 25% подростков [26] и до 46% старшеклассников [10].

Психологическое НСС сопутствует и, как правило, предшествует физическому и сексуальному; 2/3 подростков когда-либо переживали, а более половины совершали его сами [10; 11]. Одним из важнейших проявлений психологического насилия являются угрозы

рукоприкладства. По обобщенным зарубежным данным, около 20% девочек-подростков слышали их от мальчиков, с которыми встречались [3], а доля переживших физическое НСС в действительности варьирует от 9% до 36% [11].

Согласно обзору зарубежных исследований, проведенному Т.В. Бендас, лишь около 8% старшеклассниц стремятся к интимной близости, причем близость даже с любимым юношей связана у них с чувством вины и неясным ощущением принуждения. Среди мальчиков соответствующий показатель достигает 45%, а сами сексуальные отношения выступают как источник удовольствия [1]. Опыт совершения сексуального насилия в той или иной форме признают 37% мальчиков-подростков и 28% девочек, сами же подвергались такому воздействию 55% мальчиков и 68% девочек. Среди эпизодов, перечисленных респондентами, преобладали оскорбительные комментарии, нежелательные прикосновения и распространение непристойных слухов; таким образом, часть эпизодов можно рассматривать в рамках представлений о психологическом насилии [11]. Более низкие цифры приведены в исследованиях, где речь идет конкретно о половом акте; свыше 10% девочек-подростков и около 4% мальчиков сообщают, что первый контакт такого рода в их жизни произошел по принуждению [10]. В США свыше половины изнасилований женщин происходят до 18 лет, из них 22% – до 12 лет [3]. Мальчики-подростки и юноши чаще признаются в сексуальном злоупотреблении по отношению к своим девушкам, последние же чаще сообщают о том, что им доводилось применять физическую силу по отношению к своим избранникам [10; 26].

Итак, доля подростков, которые когда-либо переживали и/или совершали НСС, колеблется от 10% до 2/3. Психологическое насилие в юных парах встречается чаще всего, на втором месте находится физическое, на третьем – сексуальное насилие. Кроме того, подростки примерно в полтора раза чаще сообщают о переживаниях, чем о совершении НСС.

Охарактеризуем **основные психологические характеристики подросткового НСС**. Наиболее разносторонние исследования проводятся приверженцами социально-экологического подхода, рассматривающими НСС с учетом особенностей социального контекста происходящего, индивидуально-психологических особенностей и межличностных отношений юноши и девушки; подробно изучается влияние подросткового опыта НСС на дальнейшие партнерские отношения [5; 20; 22]. Исследователи социально-психологических детерминант НСС обращаются и к достижениям гендерной психологии.

Среди *предикторов НСС* есть как индивидуально-психологические и социально-средовые, так и биографические (связанные с жизненным опытом). Для мальчиков и юношей такими предикторами выступают низкий социально-экономический, образовательный и культурный статус, а также антисоциальная направленность личности. Среди девушек склонны к НСС те, кто имеет депрессию, трудности с контролированием враждебности/гнева и опыт переживания насилия со стороны молодых людей [26]. В некоторых выборках прямая связь между «пронасильственными» установками и их реализацией обнаруживается лишь у девушек [8]. Старшие подростки обоего пола тем более склонны к совершению НСС, чем более физически агрессивными они были в начале подросткового периода [15]. Вероятность совершения НСС повышается, если подросток: общается со сверстниками, практикующими данную форму насилия; имеет друзей, склонных к агрессивному и/или антисоциальному поведению; сам подвергается буллингу [17; 32]. Важно и то, имеет ли подросток опыт и конкретные навыки ненасильственного, безопасного общения со сверстниками [10].

Многочисленны попытки установления связи между употреблением психоактивных веществ и склонностью к НСС; вероятно, эта связь является более тесной в отношении алкоголя, чем в отношении наркотиков [29]. Несомненно, аддиктивное и насильственное поведение имеют множество общих детерминант и механизмов, а потому так часто сопутствуют друг другу.

Большое значение имеет насилие, происходившее/происходящее в родительской семье. Склонность девочек-подростков к НСС достоверно связана с наличием обоюдного насилия между родителями, для мальчиков же решающим оказывается наличие однонаправленного материнского насилия, причем влияние последнего фактора опосредовано отношением к насилию вообще [30]. Работа с родительскими семьями считается обязательной составляющей программ профилактики НСС [3; 11]. Особый интерес представляет тема реагирования взрослых на сообщения подростков о переживаемом НСС. Родители считают приоритетным сообщение подростку полезных сведений о том, как следует относиться к ситуации и как обезопасить себя, подростки же нуждаются в поддержке, понимании и как можно более уравновешенном реагировании взрослых [6].

Перечисленные характеристики юных пар и их окружения, высоко коррелирующие с насильственным поведением, можно рассматривать только как систему предпосылок; их учет позволяет лишь выделить группу риска. Непосредственное же осуществление НСС определяется процессами мотивационно-смыслового уровня. В частности, здесь следует учитывать уровень осознанности, дифференцированности и опосредованности мотивов, характер опредмечивания потребностей.

Подростки и юноши по-разному воспринимают НСС и прочие варианты насилия в среде сверстников; по американским данным, первое считается менее приемлемым [8]. В ходе другого исследования устанавливались связи между различными параметрами межличностных отношений и присутствием/отсутствием физического НСС. Испытуемые, в чьих отношениях присутствует рукоприкладство, чаще сообщают о ревности, обмане и словесных конфликтах, однако не отличаются от остальной выборки по уровню взаимной заботы и интимного самораскрытия. Отношения в парах с физическим насилием в целом более продолжительны и насыщены инструментальной, т. е. действенной, взаимной поддержкой; они имеют и более богатый совместный сексуальный опыт [19]. В целом эти результаты создают ощущение осязаемости, насыщенности, «плотности» насильственных отношений и даже известной привлекательности их для самих подростков. Несомненно, выявленные закономерности нуждаются в проверке и более тщательном изучении.

Интересно исследование, проведенное в США с применением метода фокус-групп и показывающее возрастную динамику установок подростков по отношению к НСС. Позиции младших подростков высоко вариабельны, причем представители этой возрастной группы не выходят на абстрактный уровень обсуждения проблемы. Им недостает эмпатии, особенно если речь идет о воображаемой ситуации; они редко решаются высказаться в случае несогласия с позицией большинства, а тон в группе задают участники, использующие гендерные стереотипы для давления на общее мнение. В среднем и старшем подростковничестве, напротив, вполне возможен абстрактный анализ; с возрастом более авторитетным для группы становится мнение психологов, а не сверстников (особенно если занятия ведут мужчины) [18].

Перейдем к **протективным факторам НСС**. Самые разнообразные факторы, от особенностей темперамента до психологических характеристик семьи и дружеского окружения, могут играть как прямую, так и «буферную» протективную роль [23]. Существенно значение установок по отношению к насилию вообще, а также общей атмосферы, сложившейся в школе [2]. Показано также, что к числу протективных семейных факторов в первую очередь относятся теплота в отношениях, просоциальная направленность и четкая структурированность семейной системы [21].

Остановимся на вопросе о том, **что происходит с паттернами НСС за пределами подростково-юношеского периода**. При взрослении общий «рисунок» взаимодействия с избранником/избранницей имеет свойство сохраняться. Так, в ходе масштабного американского исследования установлено, что испытуемые, которые подвергались НСС в подростковом возрасте, чаще устанавливали небезопасные отношения со своими интимными партнерами и далее [12]. Другие авторы показали, что для мальчиков опыт переживания рукоприкладства со стороны сверстников или родителей был достоверным предиктором совершения партнерского насилия в дальнейшем; в женской выборке подобных взаимосвязей не обнаружено. Однако если было пережито комплексное насилие, вероятность вступления во «взрослые» насильственные отношения резко возрастала вне зависимости от пола [24].

Приведенные данные позволяют охарактеризовать НСС как сложное полидетерминированное явление, оказывающее долгосрочное негативное воздействие на внутренний мир и социальное функционирование как обидчика, так и пострадавшей стороны. Сложность идентификации НСС (особенно в части психологических составляющих), психометрической его оценки и последующей реабилитации пострадавших указывает на первостепенную значимость своевременной профилактической работы в обозначенной области.

Литература

1. Бендас Т.В. Гендерная психология: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2006. 431 с.
2. Кожухарь Г.С. Феноменология разных форм психологического насилия в молодежной среде: зарубежные исследования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6. № 2. С. 230–245. doi:10.17759/psyedu.2014060220 (дата обращения: 20.08.2017).
3. Макурина А.П., Белякова М.Ю., Булыгина В.Г. Программы превенции жестокого обращения в интимных отношениях для подростков и юношества за рубежом [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 3. С. 102–113. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n3/72732.shtml> (дата обращения: 20.08.2017).
4. Álvarez C.D. What do the dating violence scales measure? // Procedia – Social and Behavioral Sciences. Vol. 161. 19 December 2014. P. 18–23.
5. Ball B., Tharp A.T., Noonan R.K., Valle L.A., Hamburger M.E., Rosenbluth B. Expect respect support groups: preliminary evaluation of a dating violence prevention program for at-risk youth // Violence Against Women. XX (X). 2012. P. 1–17.

6. *Black B., Preble K.* Parental responses to youths' reports of teen dating violence: recommendations from parents and youth // *Journal of Adolescence*. Vol. 51. August 2016. P. 144–155.
7. *Carton H., Egan V.* The dark triad and intimate partner violence // *Personality and Individual Differences*. Vol. 105. 15 January 2017. P. 84–88.
8. *Cauffman E., Feldman S.S., Jensen L.A., Arnett J.J.* The (un)acceptability of violence against peers and dates // *Journal of adolescent research*. November 2000. P. 652–673.
9. *Doud K.* Dating violence prevention through a change in gender norms. [Электронный ресурс]. 2016. Dissertations. Paper 2128. URL: http://ecommons.luc.edu/luc_diss/2128 (дата обращения: 19.08.2017).
10. *Espelage D.L., Low S.* Understanding and preventing adolescent bullying, sexual violence, and dating violence / Vera E. *The Oxford handbook of prevention in counseling psychology*. Oxford: Oxford University press, 2002. P. 163–183.
11. *Espelage D.L., Low S., Anderson C., De La Ru L.* Bullying, sexual, and dating violence trajectories from early to late adolescence. April 21, 2014. Report submitted to the National Institute of Justice. Grant #2011-MU-FX-0022.
12. *Exner-Cortens D., Eckenrode J., Bunge J., Rothman E.* Revictimization after adolescent dating violence in a matched, national sample of youth // *Journal of Adolescent Health*. Vol. 60, Issue 2. February 2017. P. 176–183.
13. *Exner-Cortens D., Hall M.V.R.* Theory and teen dating violence victimization: Considering adolescent development // *Developmental Review*. V. 34, Issue 2. June 2014. P. 168-188.
14. *Foshee V.A., Bauman K.E., Ennett S.T., Suchindran C., Benefield T., Linder G.F.* Assessing the effects of the dating violence prevention program «Safe Dates» using random coefficient regression modeling // *Prevention Science*. 2005. V. 6 (3). P. 245-258.
15. *Foshee V.A., McNaughton Reyes H.L., Vivolo-Kantor A.M., Basile K.C., Chang L.-Y., Faris R., Ennett S.T.* Bullying as a longitudinal predictor of adolescent dating violence // *Journal of Adolescent Health*. V. 55, Issue 3. September 2014. P. 439-444.
16. *Galambos N.L., Petersen A.C., Richards M., Gitelson I.B.* The attitudes toward women scale for adolescents (AWSA): a study of reliability and validity. // *Sex Roles*. 13 (5/6). P. 343-356.
17. *Garthe R.C., Sullivan T.N., McDaniel M.A.* A meta-analytic review of peer risk factors and adolescent dating violence [Электронный ресурс] / *Psychology of violence*. Advance online publication. 2016, March 7. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/vio0000040> (дата обращения: 19.08.2017).
18. *Gillespie M.B.* Developmental evaluation of a gender bullying and sexualized violence prevention program for adolescent males: preliminary lessons on engaging boys

- (2016) [Электронный ресурс] Electronic Thesis and Dissertation Repository. 3722. URL: <http://ir.lib.uwo.ca/etd/3722> (дата обращения: 19.08.2017).
19. *Giordano P.C., Soto D.A., Manning W.D., Longmore M.A.* The characteristics of romantic relationships associated with teen dating violence // *Social Science Research*. V. 39, Issue 6. November 2010. P. 863–874.
  20. *Krahé B., Abbey A.* Guest editorial: intimate partner violence as a global problem – international and interdisciplinary perspectives // *International Journal of Conflict and Violence*. V. 7 (2) 2013. P. 198-202.
  21. *Labella M.H., Masten A.S.* Family influences on the development of aggression and violence [Электронный ресурс] // *Current opinion in psychology* available online. 5 April 2017. URL: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.03.028> (дата обращения: 19.08.2017).
  22. *Lee B.X.* Causes and cures VII: structural violence // *Aggression and Violent Behavior*. V. 28, May-June 2016. P. 109-114.
  23. *Lösel F., Farrington D.P.* Direct protective and buffering protective factors in the development of youth violence // *American Journal of Preventive Medicine*. V. 43, Issue 2. Supplement 1. August 2012. P. S8-S23.
  24. *Menard S., Weiss A.J., Franzese R.J., Covey H.C.* Types of adolescent exposure to violence as predictors of adult intimate partner violence // *Child Abuse & Neglect*. V. 38, Issue 4. April 2014, P. 627-639.
  25. *Miller E.* Prevention of and interventions for dating and sexual violence in adolescence // *Pediatric Clinics of North America*. V. 64, Issue 2. April 2017. P. 423-434.
  26. *Moore K., Stratford B., Caal S., Hanson C., Hickman S., Temkin D., Schmitz H., Thompson J., Horton S., Shaw A.* Prevention violence: a review of research, evaluation, gaps, and opportunities, 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://www.childtrends.org/wp-content/uploads/2015/03/2015-15FuturesWithoutViolence1.pdf>. (дата обращения: 19.08.2017).
  27. Prevention of bullying in schools, colleges, and universities. Research report and recommendations. Washington, DC, 2013. P. 70.
  28. School violence and bullying. Global status report. [Электронный ресурс] UNESCO 2017. URL: <http://www.unesco.org/open-access/terms-use-ccbysa-en> (дата обращения: 19.08.2017).
  29. *Shorey R.C., Stuart G.L., Cornelius T.L.* Dating violence and substance use in college students: A review of the literature // *Aggression and Violent Behavior*. V. 16, Issue 6. November-December 2011. P. 541-550.
  30. *Temple J.R., Shorey R.C., Tortolero S.R., Wolfe D.A., Stuart G.L.* Importance of gender and attitudes about violence in the relationship between exposure to interparental violence and the perpetration of teen dating violence // *Child Abuse and Neglect*. V. 37, Issue 5. May 2013. P. 343-352.

31. *Urena J., Romera E.M., Casas J.A., Viejo C., Ortega-Ruiz R.* Psychometrics properties of psychological dating violence questionnaire: a study with young couples // International Journal of Clinical and Health Psychology. V. 15, Issue 1. January-April 2015. P. 52-60.
32. *Zurbriggen E.L.* Understanding and preventing adolescent dating violence: the importance of developmental, sociocultural, and gendered perspectives // Psychology of Women Quarterly. 33 (2009). P. 30-33.

Adolescent dating violence: an overview of foreign studies

Lukovtseva Z.V., PhD (Psychology), assistant professor, department of clinical and forensic psychology, faculty of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (sverchokk@list.ru)

The analysis of foreign researches of adolescent dating violence is presented in article. Terminological difficulties which overcoming represents a relevant scientific and practical task are discussed. Adolescent dating violence is treated as a specific phenomenon which should be distinguished from bullying, school violence, etc. The data characterizing frequency of violence in the teenage romantic relations are systematized; it is established that up to 2/3 teenagers in foreign countries have experience of adolescent dating violence either as offenders, or as victims, in structure of the discussed phenomenon into the forefront psychological violence acts. Biographic, individual and psychological and social and environmental predictors of adolescent dating violence are considered. Process of transformation of behavior within adolescent dating violence with transition to more mature, partner or marriage, to the relations is tracked. Special attention is paid to sexual differences in predisposition to commission of adolescent dating violence and also his influence on character of the subsequent "adult" relations.

Keywords: adolescents, romantic relationships, dating violence, predictors of violence, protective factors.

References

1. Bendas T.V. Gendernaya psihologiya: Uchebnoe posobie. [Gender psychology: Manual]. Saint-Petersburg: Piter, 2006. 431 p.
2. Kozhuhar G.S. Fenomenologiya raznyih form psihologicheskogo nasiliya v molodezhnoy srede: zarubezhnyie issledovaniya [Elektronnyi resurs] [Phenomenology of different forms of psychological violence among young people: foreign researches]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education [www.psyedu.ru](http://psyedu.ru)]. 2014, Vol. 6, no. 2, pp. 230-245. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/2/Kozhuhar.phtml> (Accessed 20.08.2017). (In Russ.; abstr. In Engl.).
3. Makurina A.P., Belyakova M.Yu., Bulyigina V.G. Programmyi preventsii zhestokogo obrascheniya v intimnyih otnosheniyah dlya podrostkov i yunoshestva za rubezhom [Elektronnyi resurs] [Programs of prevention of ill treatment in intimate relations for teenagers and youth abroad] *Psihologiya i pravo psyandlaw.ru* [Psychology and law [www.psyandlaw.ru](http://psyandlaw.ru)]. 2014, no 3, pp. 102-113. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n3/72732.shtml> (Accessed 20.08.2017). (In Russ.; abstr. In Engl.).

4. Álvarez C.D. What do the dating violence scales measure? // Procedia - Social and Behavioral Sciences. V. 161. 19 December 2014. P. 18-23.
5. Ball B., Tharp A.T., Noonan R.K., Valle L.A., Hamburger M.E., Rosenbluth B. Expect respect support groups: preliminary evaluation of a dating violence prevention program for at-risk youth // Violence Against Women. XX (X). 2012. P. 1-17.
6. Black B., Preble K. Parental responses to youths' reports of teen dating violence: recommendations from parents and youth // Journal of Adolescence. V. 51. August 2016. P. 144-155.
7. Carton H., Egan V. The dark triad and intimate partner violence // Personality and Individual Differences. V. 105. 15 January 2017. P. 84-88.
8. Cauffman E., Feldman S.S., Jensen L.A., Arnett J.J. The (un)acceptability of violence against peers and dates // Journal of adolescent research. November 2000. P. 652-673.
9. Doud K. Dating violence prevention through a change in gender norms. [Электронный ресурс] 2016. Dissertations. Paper 2128. URL: http://ecommons.luc.edu/luc_diss/2128 (дата обращения: 19.08.2017).
10. Espelage D.L., Low S. Understanding and preventing adolescent bullying, sexual violence, and dating violence / Vera E. The Oxford handbook of prevention in counseling psychology. Oxford: Oxford University press, 2002. P. 163-183.
11. Espelage D.L., Low S., Anderson C., De La Ru L. Bullying, sexual, and dating violence trajectories from early to late adolescence. April 21, 2014. Report submitted to the National Institute of Justice. Grant #2011-MU-FX-0022.
12. Exner-Cortens D., Eckenrode J., Bunge J., Rothman E. Revictimization after adolescent dating violence in a matched, national sample of youth // Journal of Adolescent Health. V. 60, Issue 2. February 2017. P. 176-183.
13. Exner-Cortens D., Hall M.V.R. Theory and teen dating violence victimization: Considering adolescent development // Developmental Review. V. 34, Issue 2. June 2014. P. 168-188.
14. Foshee V.A., Bauman K.E., Ennett S.T., Suchindran C., Benefield T., Linder G.F. Assessing the effects of the dating violence prevention program «Safe Dates» using random coefficient regression modeling // Prevention Science. 2005. V. 6 (3). P. 245-258.
15. Foshee V.A., McNaughton Reyes H.L., Vivolo-Kantor A.M., Basile K.C., Chang L.-Y., Faris R., Ennett S.T. Bullying as a longitudinal predictor of adolescent dating violence // Journal of Adolescent Health. V. 55, Issue 3. September 2014. P. 439-444.
16. Galambos N.L., Petersen A.C., Richards M., Gitelson I.B. (1985). The attitudes toward women scale for adolescents (AWSA): a study of reliability and validity. // Sex Roles. 13 (5/6). P. 343-356.
17. Garthe R.C., Sullivan T.N., McDaniel M.A. A meta-analytic review of peer risk factors and adolescent dating violence [Электронный ресурс] / Psychology of violence. Advance

-
- online publication. 2016, March 7. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/vio0000040> (дата обращения: 19.08.2017).
18. Gillespie M.B. Developmental evaluation of a gender bullying and sexualized violence prevention program for adolescent males: preliminary lessons on engaging boys (2016) [Электронный ресурс] Electronic Thesis and Dissertation Repository. 3722. URL: <http://ir.lib.uwo.ca/etd/3722> (дата обращения: 19.08.2017).
  19. Giordano P.C., Soto D.A., Manning W.D., Longmore M.A. The characteristics of romantic relationships associated with teen dating violence // Social Science Research. V. 39, Issue 6. November 2010. P. 863–874.
  20. Krahe B., Abbey A. Guest editorial: intimate partner violence as a global problem – international and interdisciplinary perspectives // International Journal of Conflict and Violence. V. 7 (2) 2013. P. 198-202.
  21. Labella M.H., Masten A.S. Family influences on the development of aggression and violence [Электронный ресурс] // Current opinion in psychology available online. 5 April 2017. URL: <https://doi.org/10.1016/j.copsy.2017.03.028> (дата обращения: 19.08.2017).
  22. Lee B.X. Causes and cures VII: structural violence // Aggression and Violent Behavior. V. 28, May-June 2016. P. 109-114.
  23. Lösel F., Farrington D.P. Direct protective and buffering protective factors in the development of youth violence // American Journal of Preventive Medicine. V. 43, Issue 2. Supplement 1. August 2012. P. S8-S23.
  24. Menard S., Weiss A.J., Franzese R.J., Covey H.C. Types of adolescent exposure to violence as predictors of adult intimate partner violence // Child Abuse & Neglect. V. 38, Issue 4. April 2014, P. 627-639.
  25. Miller E. Prevention of and interventions for dating and sexual violence in adolescence // Pediatric Clinics of North America. V. 64, Issue 2. April 2017. P. 423-434.
  26. Moore K., Stratford B., Caal S., Hanson C., Hickman S., Temkin D., Schmitz H., Thompson J., Horton S., Shaw A. Prevention violence: a review of research, evaluation, gaps, and opportunities, 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://www.childtrends.org/wp-content/uploads/2015/03/2015-15FuturesWithoutViolence1.pdf>. (дата обращения: 19.08.2017).
  27. Prevention of bullying in schools, colleges, and universities. Research report and recommendations. Washington, DC, 2013. P. 70.
  28. School violence and bullying. Global status report. [Электронный ресурс] UNESCO 2017. URL: <http://www.unesco.org/open-access/terms-use-ccbysa-en> (дата обращения: 19.08.2017).
  29. Shorey R.C., Stuart G.L., Cornelius T.L. Dating violence and substance use in college students: A review of the literature // Aggression and Violent Behavior. V. 16, Issue 6. November-December 2011. P. 541-550.

30. Temple J.R., Shorey R.C., Tortolero S.R., Wolfe D.A., Stuart G.L. Importance of gender and attitudes about violence in the relationship between exposure to interparental violence and the perpetration of teen dating violence // *Child Abuse and Neglect*. V. 37, Issue 5. May 2013. P. 343-352.
31. Urena J., Romera E.M., Casas J.A., Viejo C., Ortega-Ruiz R. Psychometrics properties of psychological dating violence questionnaire: a study with young couples // *International Journal of Clinical and Health Psychology*. V. 15, Issue 1. January-April 2015. P. 52-60.
32. Zurbriggen E.L. Understanding and preventing adolescent dating violence: the importance of developmental, sociocultural, and gendered perspectives // *Psychology of Women Quarterly*. 33 (2009). P. 30-33.

Клинико-психологические факторы криминальной агрессии

Сафуанов Ф.С., доктор психологических наук, профессор, руководитель лаборатории психологии, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации; заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (safuanovf@rambler.ru)

Калашникова А.С., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации; доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (kaspsy@mail.ru)

Царьков А.Е., выпускник факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (celtic.gua@gmail.com)

В статье обосновывается подход к исследованию криминальной агрессии, учитывающий при анализе поведения принципы взаимодействия личностных и ситуационных факторов; взаимодействия про- и антиагрессивных личностных структур. Трехмерная типология криминальной агрессии образуется тремя осями: высокая–низкая агрессивность; сформированность–несформированность личностных ингибиторов агрессии; нейтральная–психотравмирующая юридически значимая ситуация. Данная типология верифицирована на эмпирическом материале, включающем 329 человек (257 мужчин и 72 женщины в возрасте от 18 до 70 лет), обвиняемых в агрессивных преступлениях. Все обвиняемые (33% психически здоровых, 67% с различными психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемости) обследованы при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Кластер-анализ субъектов (метод Варда) показал обоснованность выбора трех оснований типологии криминальной агрессии. Наиболее сильным дискриминатором типов агрессии оказались личностные ингибиторы агрессии, менее выраженными – факторы высокой агрессивности и характеристики ситуации. Выявлены корреляции между различными психическими расстройствами и типами криминальной агрессии.

Ключевые слова: агрессия; криминальная агрессия; комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза; контроль агрессии; саморегуляция; психические расстройства, не исключаяющие вменяемости; статистическая верификация.

Для цитаты:

Сафуанов Ф.С., Калашникова А.С., Царьков А.Е. Клинико-психологические факторы

криминальной агрессии. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 4. С. 44-58. doi: 10.17759/psylaw.207070405

For citation:

Safuanov F.S., Kalashnikova A.S., Carkov A.E. Clinical and psychological factors for criminal aggression. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 4. pp.44-58. doi: 10.17759/psylaw.2017070405

Психологические исследования агрессии (в том числе криминальной) ведутся с конца прошлого века и на сегодняшний день можно констатировать, что, несмотря на множество подходов к этим поведенческим феноменам, все теории агрессии в целом можно свести к трем группам [7]. Первая группа объединяет концепции, объясняющие поведение индивидуально-психологическими факторами, преимущественно высокой агрессивностью (теории влечения, или инстинктивистские теории), вторая – ситуативными факторами (фрустрационные теории агрессии), третья – условиями социальных влияний в процессе формирования личности (теория социального научения).

В настоящее время общепринятой методологической установкой при анализе агрессивного поведения является понимание конкретных действий человека как результата взаимодействия личностных и ситуативных факторов. Тем не менее, в большинстве отечественных психологических исследований преобладает упрощенный подход, объясняющий агрессию либо внутриличностными, либо внешними причинами. В свое время Х. Хекхаузен [9] отмечал, что наивный характер разложения причин поведения на полюса «личности» и «ситуации» не мешает целым психологическим дисциплинам в конкретных исследованиях без возражений принимать такого рода одностороннюю локализацию причин поведения. Эта же тенденция, к сожалению, прослеживается и в современной отечественной научной литературе, посвященной изучению агрессивного и криминального поведения.

Нами были проанализированы психологические¹ публикации из базы данных РИНЦ [10], в названиях или в списках ключевых слов которых имелись понятия «агрессия» и «криминальная агрессия».

На тему «агрессия» найдено 47 работ за 2017 г.² Из них (табл. 1) более чем в половине случаев исследования опирались на парадигму, объясняющую агрессию внутриличностными факторами, в основном высоким уровнем агрессивности, враждебности или различными психическими расстройствами. Только 7 работ были посвящены ценностному контролю или саморегуляции агрессивных побуждений (из них 4 – в области спортивных единоборств). Фрустрационные теории агрессии использовались в меньшей степени, в основном в контексте стрессоустойчивости сотрудников силовых структур. Примерно в четвертой части научных трудов при исследовании детской и

¹ Были исключены из анализа криминологические работы, в которых, хотя и освещаются психологические аспекты проблемы, почти всегда следует вывод о комплексных (психологических, биологических, социальных и т. п.) причинах преступного поведения.

² Не принимались во внимание обзорные статьи и публикации из студенческих сборников.

подростковой агрессии использовались представления, близкие к теории социального научения, они были посвящены в основном особенностям семейного воспитания девиантных несовершеннолетних.

Таблица 1

Объяснение поведения различными факторами в публикациях на тему «агрессия»

Объяснение агрессивного поведения				
Внутриличностными факторами			Ситуативными факторами (фрустрацией, стрессом)	Социальным влиянием в онтогенезе
Агрессивностью	Контролем агрессивности	Психическим расстройством		
12 (25,5%)	7 (14,9%)	10 (21,3%)	6 (12,8%)	12 (25,5%)
28 (59,6%)				

На тему «криминальная агрессия» психологических работ оказалось крайне мало, поэтому пришлось ограничиться анализом 22 трудов за 2011–2017 гг. Результаты оказались довольно неожиданными (табл. 2).

Подавляющее большинство публикаций было посвящено влиянию психических расстройств на криминально-агрессивное поведение, при этом среди проанализированных заболеваний преобладали посттравматическое стрессовое расстройство, сексуальные девиации и алкоголизм с наркоманией. Такая картина напоминает бум отечественных научных работ 20–30-х гг прошлого века, объясняющих криминальные поступки биологическими, преимущественно психопатологическими, факторами³ [8].

³ Напомним, что криминологические исследования в начале 30-х гг. XX в. фактически были «закрыты» властями из-за «увлечения авторов неоломброзианством».

Таблица 2

Объяснение поведения различными факторами в публикациях на тему «криминальная агрессия»

Объяснение агрессивного поведения				
Внутриличностными факторами			Ситуативными факторами (фрустрацией, стрессом)	Социальным влиянием в оттогенезе
Агрессивностью	Контролем агрессивности	Психическим расстройством		
1 (4,6 %)	2 (9,1 %)	16 (72,7 %)	0 (0 %)	3 (13,6 %)
19 (86,4 %)				

Между тем, реализация принципа объяснения поведения как функции взаимодействия личностных и ситуативных факторов позволила одному из авторов данной статьи создать многомерную типологию криминальной агрессии [6]. В основе типологии лежат три основания: уровень агрессивности, выраженность тормозящих (регулирующих) агрессию личностных структур, характер криминальной ситуации (нейтральный или психотравмирующий). В трехмерной типологии форм криминальных агрессивных действий (рис. 1) при психологическом исследовании механизма поведения учитывается не только принцип взаимодействия личностных и ситуационных факторов, но и принцип системного анализа самих личностных структур, учет взаимодействия различных сторон (про- и антиагрессивных) организации личности.

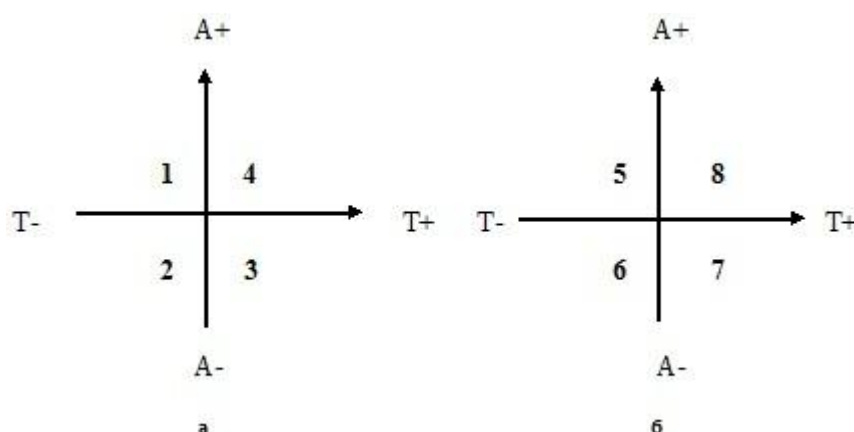

Рис. 1. Типы криминальной агрессии:
 а – нейтральная ситуация, б – психотравмирующая ситуация;
 А+ – высокая агрессивность, А- – низкая агрессивность;
 Т+ – выраженность тормозящих агрессию личностных структур;
 Т- – невыраженность тормозящих агрессию личностных структур.

Данная типология позволила выделить 8 типов криминальной агрессии (рис. 1) и была продуктивно использована при исследовании психологических механизмов агрессивных преступлений [7], механизмов разнонаправленной (гетеро- и ауто-) агрессии преступников [2; 4], при обосновании судебно-психологических критериев экспертной оценки индивидуально-психологических особенностей, эмоциональных состояний, ограниченной вменяемости обвиняемых [3; 5].

Трехмерная классификация позволяет при анализе конкретных криминальных деяний преодолеть узость объяснений преступлений против жизни и здоровья граждан только высоким уровнем агрессивности или психотравмирующими воздействиями. Более того, в ней придается большее значение личностным структурам, осуществляющим регулирующую роль по отношению к агрессивным намерениям или побуждениям, в генезе криминально-агрессивного поведения. Типология позволяет учитывать влияние психических расстройств, не исключающих вменяемости, на агрессивное поведение.

Изначально классификация криминальной агрессии была построена с использованием метода категориально-типологического анализа [1] теорий агрессии.

Целью настоящего исследования является статистическая верификация трехмерной типологии криминальной агрессии на эмпирическом материале лиц, совершивших агрессивные преступления.

Материал и методы исследования. Использовалась база данных на 329 человек (257 мужчин и 72 женщины в возрасте от 18 до 70 лет), обвиняемых в агрессивных преступлениях: различных видах убийств (ст. 105–108 УК РФ), причинении вреда здоровью (ст. 111–115 УК РФ), насильственных действиях, направленных против свободы человека (ст. 126, 127 УК РФ), его сексуальной неприкосновенности (ст. 131, 132 УК РФ) и имущества (ст. 161, 162, 167 УК РФ). Все обвиняемые в 1997–1999 г.⁴ проходили стационарную комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу (КСППЭ) в Центре имени В.П. Сербского. Все подэкспертные по результатам экспертизы были признаны вменяемыми. Среди них психически здоровых – 33%, в том числе с выраженными акцентуациями характера – 6%, с расстройствами личности – 19%, с органическим психическим расстройством – 43%, с умственной отсталостью – 1%, страдающие хроническим алкоголизмом – 2%⁵. База данных сформирована на основе анализа уголовного дела и приобщенных к нему материалов (в первую очередь – медицинской документации), результатов судебно-экспертного психиатрического и психологического обследования (в том числе экспериментально-психологического исследования), включает социально-демографические, криминологические, клинические и психологические (особенности психического развития, индивидуально-психологические особенности, психическое состояние во время совершения преступления, судебно-психологические экспертные оценки) сведения [5].

Для реализации цели исследования были выделены следующие параметры:

1. *Характер криминальной ситуации.* Нейтральный или психотравмирующий характер ситуации определялся по материалам уголовного дела; дополнительным

⁴ После введения в действие с 01.01.1997 г. Уголовного кодекса Российской Федерации.

⁵ Здесь приведены данные об алкоголизме как самостоятельном диагнозе. В сочетании с другими психическими расстройствами этим заболеванием страдали 10,5% обвиняемых.

аргументом о ее наличии служили экспертные заключения о наличии аффекта и иных эмоциональных состояний, возникших в ответ на действия потерпевших.

2. *Проагрессивные факторы (А+)*. Учитывались такие переменные, как высокий уровень проактивной агрессивности, высокий уровень реактивной агрессивности, враждебность, несформированность просоциальных ценностей, садизм, авторитаризм, раздражительность, эгоцентризм и т. п. Кроме того, в эту рубрику были включены данные о воспитании обвиняемого в условиях гипоопеки и эмоционального отвержения, а также о состоянии алкогольного опьянения во время совершения противоправных действий.

3. *Антиагрессивные факторы (Т+)*. Включали следующие переменные: сформированность просоциальных ценностей, высокая личностная тревожность, склонность к чувству вины, развитый самоконтроль.

На первом этапе настоящего исследования все подэкспертные были распределены на 8 групп, в соответствии с их высокими или низкими показателями по трем основным факторам (рис. 1).

На втором (основном) этапе для проверки корректности и обоснованности группировки обвиняемых по результатам первого этапа был проведен кластерный анализ по субъектам с использованием всех переменных трех факторов. Использовался метод Варда, в котором в качестве расстояния между кластерами берется прирост суммы квадратов расстояний переменных до центров кластеров, получаемый в результате их объединения. В отличие от других методов кластерного анализа для оценки расстояний между кластерами используются методы дисперсионного анализа.

На третьем этапе был проведен корреляционный анализ выделенных на первом этапе типологических групп подэкспертных и наличием у них тех или иных психических расстройств.

Результаты и обсуждение. Первый этап. Распределение обвиняемых по группам, описывающим разные типы криминальной агрессии, представлено в табл. 3.

Таблица 3

Распределение обвиняемых по типам криминальной агрессии

Тип криминальной агрессии	Количество обвиняемых	Процент
Нейтральная ситуация	118	35,9
1. А+, Т-	71	21,6
2. А-, Т-	25	7,6
3. А-, Т+	8	2,4
4. А+, Т+	14	4,3

Психотравмирующая ситуация	211	64,1
5. А+, Т-	39	11,9
6. А-, Т-	59	17,9
7. А-, Т+	81	24,6
8. А+, Т+	32	9,7
Всего	329	100

Как видно из таблицы, в выборке присутствуют подэкспертные со всеми возможными сочетаниями значений трех факторов. При этом заметно преобладание лиц, обвиняемых в криминально-агрессивных действиях, совершенных в психотравмирующей ситуации (64,1%), что отражает структуру контингента лиц, направляемых на КСППЭ, но не совпадает с общей статистикой агрессивных преступлений. Наименее малочисленной оказалась группа 3, включающая лиц с низкой агрессивностью и выраженностью тормозящих агрессию личностных структур, совершивших преступления в нейтральной ситуации. Группа подэкспертных с тем же сочетанием про- и антиагрессивных личностных факторов, но совершивших криминальные деяния в психотравмирующей ситуации (группа 7), оказалась самой многочисленной. Среди лиц, совершивших правонарушения в нейтральной ситуации, преобладают обвиняемые с высокими показателями проагрессивных личностных факторов (85 из 118), а среди совершивших преступления в психотравмирующей ситуации – с низкими (140 из 211). Обратное соотношение выявляется при анализе выраженности антиагрессивных факторов: среди совершивших криминальные действия в нейтральной ситуации таких лиц меньше (22 из 118), а среди совершивших преступления в психотравмирующей ситуации – больше (113 из 211).

Второй этап. Задачей кластер-анализа являлась проверка гипотезы о том, действительно ли группы (типы), выделенные на первом этапе исследования, существуют в имеющихся данных. Полученные на втором этапе результаты кластер-анализа 329 подэкспертных лиц представлены на рис. 2 в схематичном виде.

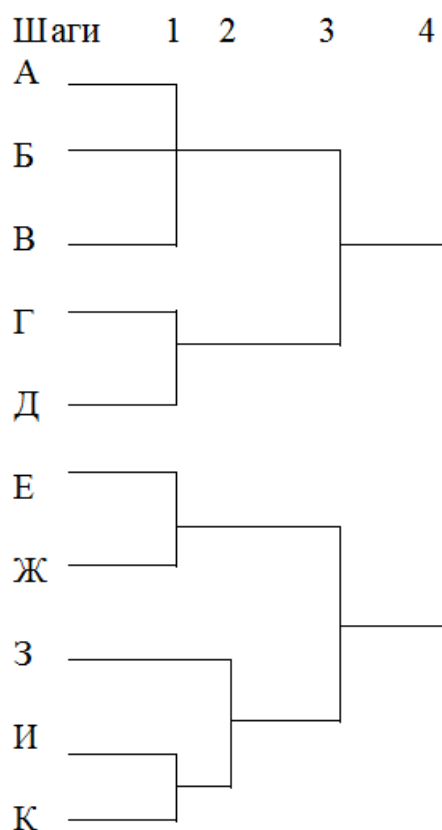

Рис. 2. Дендрограмма с использованием метода Варда

Кластер А объединяет 38 человек, большинство из которых (76,3%) по данным первого этапа попали в группу 6 (Т-, А-, психотравмирующая ситуация). В кластере Б (48 человек) также преобладают представители группы 6 (37,5%), но к ним добавляются обвиняемые из группы 2, схожие по соотношению про- и антиагрессивных личностных факторов, но проявившие криминальную агрессию в нейтральных ситуациях (20,8%). В кластере В (36 человек) оказались в основном обвиняемые (47,2%) из группы 1 (Т-, А+, нейтральная ситуация) и группы 2 (22,2%). В свою очередь, эти кластеры (А-Б-В) объединяются в более крупную таксономическую единицу агломеративного дерева, основу которой составляют подэкспертные групп 2 и 6, т. е. лица с низким уровнем агрессивности и невыраженностью личностных структур, оказывающих тормозящее влияние на агрессивные намерения (в нейтральных ситуациях) или побуждения (при психотравмирующих воздействиях на них).

Кластер Г (29 человек) по составу смешанный: в него вошли представители групп 1 (Т-, А+, нейтральная ситуация) и 5 (Т-, А+, психотравмирующая ситуация) – 58,6% и 41,4% соответственно. Кластер Д (27 человек) более однородный, состоит из обвиняемых, попавших по результатам первого этапа в группу 1 (85,2%). Эти два кластера объединяются в более крупную группу (Г-Д), в состав которой входят подэкспертные с высокой агрессивностью и невыраженностью антиагрессивных личностных факторов.

На следующем шаге кластеризации все эти группы объединяются в единый крупный кластер (А-Б-В-Г-Д), общим основанием которого является низкий уровень сформированности личностных структур, тормозящих агрессивные проявления (Т-).

В кластер Е попали 34 подэкспертных преимущественно из группы 7 (Т+, А-, психотравмирующая ситуация) и группы 3 (Т+, А-, нейтральная ситуация) – 64,7% и 14,7% соответственно. Кластер Ж (38 человек) оказался достаточно однородным, его костяк образуют обвиняемые из группы 7 (86,8%). На следующем шаге эти кластеры объединяются в более крупный кластер (Е-Ж), общим свойством вошедших в него является сочетание низкого уровня проагрессивных личностных факторов и развитый личностный контроль и регуляция агрессии (А-, Т+) вне зависимости от ситуативных условий.

Кластеры З (26 человек) и И (24 человека) схожи – в них входят лица, попавшие по результатам первого этапа исследования в группы 7 и 8. Только в кластере З преобладают подэкспертные из группы 7 (53,8% против 38,5%), а в кластере И – из группы 8 (29,2% против 25%). Основу кластера К (29 человек) образуют обвиняемые (31%) из группы 8 (Т+, А+, психотравмирующая ситуация) но в него входят и обвиняемые (17,2%) из групп 4 (образующие на предыдущем шаге кластеризации довольно компактное объединение) и 7 (13,8%). На более высоком уровне дендрограммы мы видим связывание этих кластеров в более крупный (З-И-К), общим основанием которого является сочетание высокой агрессивности с выраженными личностными факторами, тормозящими агрессию.

На следующем шаге в единую группировку объединяются кластеры Е-Ж и З-И-К. Общим свойством лиц, составляющих данный крупный кластер, является сформированность антиагрессивных личностных факторов (Т+).

Анализ состава кластеров на начальных шагах кластеризации показывает, что они в целом являются достаточно однородными. Полной гомогенности кластеров получить не удалось в силу сочетания двух причин: как известно, метод Варда, имея множество преимуществ перед другими способами кластер-анализа, все же «стремится» создавать кластеры малого размера приблизительно равного объема (в нашем случае варьирование количества лиц, входящих в кластеры начального шага – от 24 до 48 человек), что входит в противоречие с довольно большим разбросом числа обвиняемых в криминально-агрессивных деяниях, попавших в каждую из 8 групп по результатам первого этапа исследования – от 8 до 81 человека (табл. 3). Поэтому не случайно представители относительно малочисленных групп 2, 3, 4, 8 не объединились в полностью однородные группы, а оказались «привязанными» к кластерам, составленным из лиц со схожими сочетаниями про- и антиагрессивных личностных факторов (кластеры Б, Г, Е) или со схожим одним параметром – про- или антиагрессивным фактором (кластеры В, З, И, К).

Более наглядно принцип распределения обвиняемых по типам криминальной агрессии можно понять, если представить схему кластеризации не в агломеративной (объединяющей), а в дивизимной (разделяющей) логике (табл. 4).

Таблица 4

Основания объединения обвиняемых в криминальной агрессии в отдельные типы (от более крупных кластеров к более мелким)

Крупные кластеры	→	Мелкие кластеры
Т- Кластер А-Б-В-Г-Д	Т-, А- Кластер А-Б-В	Т-, А-, психотравмирующая ситуация Кластер А, часть кластера Б
	Т-, А+ Кластер Г-Д	Т-, А-, нейтральная ситуация Кластер В, часть кластера Б
Т+ Кластер Е-Ж-З-И-К	Т+, А- Кластер Е-Ж	Т-, А+, психотравмирующая ситуация Кластер Д, часть кластера Г
	Т+, А+ Кластер З-И-К	Т-, А+, нейтральная ситуация Часть кластера Г
		Т+, А-, психотравмирующая ситуация Кластер Ж, часть кластера Е
		Т+, А-, нейтральная ситуация Часть кластера Е
		Т+, А+, психотравмирующая ситуация Часть кластера З, И, К
		Т+, А+, нейтральная ситуация Часть кластера К

Как видно, наиболее мощным фактором, определяющим типы криминальной агрессии, является не уровень агрессивности, а совокупность личностных ингибиторов агрессии. Результаты первого этапа исследования показывают (табл. 3), что агрессивное поведение свойственно лицам не только с высоким, но и с низким уровнем агрессивности, более того, даже неагрессивным людям с развитым самоконтролем и саморегуляцией (группы 3 и 7). Разные сочетания про- и антиагрессивных личностных факторов в нейтральных и психотравмирующих ситуациях определяют разнообразные психологические механизмы криминальной агрессии [7]. При этом выявляется, что обвиняемые с низким уровнем агрессивности и выраженными личностными структурами, оказывающими тормозящее влияние на агрессивные побуждения, проявляют агрессию преимущественно в психотравмирующих ситуациях: фактор психотравмирующей ситуации отрицательно коррелирует с агрессивностью и положительно – с антиагрессивными переменными (табл. 5).

Таблица 5

Корреляционный анализ личностных и ситуативных факторов (корреляция Пирсона)

	Психотравмирующая ситуация	Антиагрессивные факторы (Т+)	Проагрессивные факторы (А+)
Психотравмирующая ситуация	1	0,502**	- 0,443**
Антиагрессивные факторы (Т+)	0,502**	1	- 0,279**

Проагрессивные факторы (А+)	- 0,443**	- 0,279**	1
-----------------------------	-----------	-----------	---

Примечание: «**» – корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

Третий этап. Выявлены некоторые значимые корреляции между видами пограничных психических расстройств и типами криминальной агрессии (табл. 6).

Таблица 6

Корреляционный анализ психического расстройства и типа криминальной агрессии (корреляция Пирсона)

Диагноз	Тип криминальной агрессии							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Психически здоров	-0,171**	-0,126*	0,101	-,050	-,034	-,088	0,236**	0,144**
Расстройство личности (РЛ)	0,176**	-0,004	-,078	0,49	0,129*	-0,110*	-0,138*	-,058
В том числе. РЛ возбудимого круга	0,001	-0,060	-0,033	0,030	0,202**	0,019	-0,120*	-0,069
В том числе. РЛ истеро-возбудимого круга	0,137*	0,067	-0,031	-0,041	0,129*	-0,091	-0,111*	-0,064
В том числе РЛ тормозимого круга	-0,041	-0,022	-0,012	-0,016	-0,029	-0,037	0,137*	-0,026
Органическое психическое расстройство (ОПР)	0,042	0,028	-0,018	-0,062	-0,035	0,137*	-0,071	-0,058
В том числе ОПР с психопатизацией	0,125*	0,034	-0,059	-0,078	0,123*	0,044	-0,169*	-0,059

Примечание: «**» – корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя); «*» – корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя).

Психически здоровые обвиняемые (из выборки подэкспертных) характеризуются преимущественно развитыми антиагрессивными факторами, которые могут сочетаться с любым уровнем агрессивности (группы 7 и 8), и совершают преступления, как правило, в условиях длительной психотравмирующей ситуации.

Психопатические личности и лица с органическими психическими расстройствами с психопатизацией (органическим личностным расстройством) в целом отличаются высоким уровнем агрессивности, в основном за счет возбудимых и истеро-возбудимых личностей (группы 1 и 5), и слабой выраженностью ингибиторов агрессии, за исключением расстройств личности тормозимого круга (у возбудимых – отрицательные корреляции с группой 7, у тормозимых – положительные).

У лиц с пограничными органическими расстройствами (умеренно и маловыраженным психоорганическим синдромом, легким когнитивным расстройством, эмоционально-волевой неустойчивостью) также отмечается слабая выраженность тормозящих агрессию личностных структур, что проявляется в агрессии в психотравмирующих ситуациях (группа 6).

Таким образом, влияние психических расстройств, не исключая вменяемости, преимущественно состоит не столько в высокой агрессивности психически больных, сколько в том, что характерной особенностью агрессивных преступлений, совершенных обвиняемыми с психическими аномалиями в отличие от психически здоровых, является недостаточность регуляторного влияния на поведение. Вследствие этого для аномальных личностей более характерны непосредственные формы реагирования на ситуационные воздействия. Даже при невысокой их личностной агрессивности несформированность у них регуляторных механизмов легко проявляется в агрессивном поведении под воздействием различных экзогенных факторов – алкогольного опьянения, групповых воздействий, психотравмирующих обстоятельств.

Выводы. Кластерный анализ подэкспертных в целом показал обоснованность выбора трех обобщенных оснований типологии криминальной агрессии, отражающих как взаимодействие личностных и ситуационных факторов, так и взаимодействие про- и антиагрессивных переменных в генезе противоправной агрессии. При этом наиболее сильным дискриминатором типов агрессии являются личностные структуры, оказывающие преградное воздействие на агрессивные импульсы, и менее выраженными оказались факторы высокой агрессивности и характеристики ситуации. Влияние пограничных психических расстройств на криминально-агрессивные действия также в большей мере определяется не высокой агрессивностью, а личностными инстанциями контроля и регуляции агрессивности. Возвращаясь к актуальной проблеме, сформулированной в начале данной статьи (табл. 1, 2), можно заключить, что большинство психологических исследований в поисках причин агрессии (в том числе криминальной) не учитывают в должной мере всей сложности проблемы и игнорируют целостную картину личностно-ситуационных истоков генеза агрессивных преступлений.

Литература

1. Генисаретский О.И. Методологическая организация системной деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем и проектирования. М., 1975. С. 409–512.

2. Калашникова А.С. Личностные особенности лиц, совершивших гетеро- и аутоагрессивные действия // Неврологический вестник. Журнал имени В.М. Бехтерева. 2008. Т. XL. № 1. С. 14–16.
3. Калашникова А.С. Научно-практические рекомендации по организации судебно-психологической экспертной оценки разнонаправленной агрессии [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. URL: http://www.psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2011_1_2053.pdf (дата обращения: 02.10.2017).
4. Калашникова А.С., Василенко Т.Г. Особенности проявления проагрессивных и ингибирующих агрессию структур у лиц, совершивших агрессивные правонарушения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63789.shtml> (дата обращения: 03.10.2017).
5. Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза обвиняемых в криминально-агрессивных действиях: диагностические и экспертные оценки. М.: ГНЦ ССП имени В.П. Сербского, 2002. 64 с.
6. Сафуанов Ф.С. Психологическая типология криминальной агрессии // Психологический журнал. 1999. № 6. С. 24–35.
7. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
8. Титова Т.С., Сафуанов Ф.С. К истокам изучения личности преступника и преступности // Российский психиатрический журнал. 2017. № 1. С. 52–58.
9. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. 860 с.

Clinical and psychological factors for criminal aggression

Safuanov F.S., Dr.Sci. (Psychology), Professor, Head of the Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Psychology, Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (safuanovf@rambler.ru)

Kalashnikova A.S., PhD, associate Professor of Clinical and Forensic psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, senior researcher, Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (kaspsy@mail.ru)

Carkov A.V., graduate of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (celtic.gua@gmail.com)

The article substantiates approach to the study of crime of aggression, taking into account the analysis of the behavior principles of interaction of personal and situational factors; interaction of aggressive and antiaggressive personal factors. Three-dimensional typology of crime of aggression formed three axles: high – low aggressiveness; formation – aborted personal aggression inhibitors; neutral – a legally significant traumatic situation. This typology has been verified on the basis of empirical material, including 329 people (257 males and 72 women aged 18 to 70 years) charged with violent crimes. All of the defendants (33 % mental health 67 % – with a variety of mental disorders not excluding sanity) were examined in the production of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination. A cluster analysis of the subjects (Ward's method) showed the validity of the choice of three bases of a typology of criminal aggression. The most powerful discriminator of types of aggression were personal inhibitors of aggression, less severe factors of high aggressiveness and characteristics of the situation. Identified correlations between various mental disorders and types of aggression.

Keywords: aggression, criminal aggression, a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination, control of aggression, self-regulation, a mental disorder, not excluding sanity, statistical verification.

References

1. Genisaretskii O.I. Metodologicheskaya organizatsiya sistemnoi deyatelnosti [Methodological organization of system activities]. *Razrabotka i vnedrenie avtomatizirovannykh sistem i proektirovaniya* [Development and implementation of automated systems and design]. Moscow, 1975, pp. 409-512.
2. Kalashnikova A.S. Lichnostnye osobennosti lits, sovershivshikh getero- i autoagressivnye deistviya [Personality characteristics of perpetrators of hetero - and

- autoaggressive actions]. *Nevrologicheskii vestnik. Zhurnal im. V.M. Bekhtereva* [*Neurological Bulletin. Journal named after V. M. Bekhterev*], 2008, T. XL, no. 1, pp. 14-16.
3. Kalashnikova A.S. Nauchno-prakticheskie rekomendatsii po organizatsii sudebno-psikhologicheskoi ekspertnoi otsenki raznonapravlennoi agressii [Scientific-practical recommendations on the organization of forensic psychological expert evaluation of multidirectional aggression]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [*Psychological science and education*], 2011, no. 1. URL: http://www.psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2011_1_2053.pdf (Accessed 02.10.2017).
  4. Kalashnikova A.S., Vasilenko T.G. Osobennosti proyavleniya proagressivnykh i ingibiruyushchikh agressiyu struktur u lits, sovershivshikh agressivnye pravonarusheniya [Elektronnyi resurs] [Peculiarities of manifestation of aggressive and inhibiting aggression structures in individuals who have committed aggressive offenses]. *Psikhologiya i pravo* [*Psychology and law*], 2013, no. 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63789.shtml> (Accessed 03.10.2017).
  5. Safuanov F.S. Kompleksnaya sudebnaya psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza obvinyaemykh v kriminal'no-agressivnykh deistviyakh: diagnosticheskie i ekspertnye otsenki [Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of the accused in the criminal aggressive actions: diagnostic and evaluation]. Moscow: Publ. GNTS SSP named after V.P. Serbsky, 2002. 64 p.
  6. Safuanov F.S. Psikhologicheskaya tipologiya kriminal'noi agressii [The psychological typology of criminal aggression]. *Psikhologicheskii zhurnal* [*Psychological journal*], 1999, no. 6, pp. 24-35.
  7. Safuanov F.S. Psikhologiya kriminal'noi agressii [The psychology of criminal aggression]. Moscow: Publ. Smysl, 2003. 300 p.
  8. Titova T.S., Safuanov F.S. K istokam izucheniya lichnosti prestupnika i prestupnosti [To the origins of the study of the individual offender and crime]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal* [*Russian journal of psychiatry*], 2017, no. 1, pp. 52-58.
  9. Khekkhauzen Kh. Motivatsiya i deyatel'nost' [Motivation and activity]. Saint Petersburg: Publ. Piter; Moscow: Publ. Smysl, 2003. 860 p.
  10. Nauchnaya elektronnyaya biblioteka Elibrary [Elektronnyi resurs] [Scientific electronic library Elibrary]. URL: <https://elibrary.ru> (Accessed 02.10.2017).

Психологические особенности информационной безопасности несовершеннолетних с девиантным поведением

Богданович Н.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (bogdanovichnv@mgppri.ru)

Будыкин А.В., выпускник кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (mosvao@yandex.ru)

В статье приводятся данные исследования психологических особенностей информационной безопасности подростков с девиантным и нормативным поведением. Обследовано 46 человек из двух московских школ комплексом из четырех методик, одна из которых — «Анкета на информационную безопасность» — используется впервые. Кроме того, с экспериментальными подгруппами было проведено просвещение (просмотр видеороликов о правилах безопасности в Интернете) и было оценено, насколько оно оказало влияние на ответы подростков на спам-рассылку. На основании полученных результатов делается вывод о том, что подростки с девиантным поведением менее (по сравнению с подростками с нормативным поведением) подвержены воздействию негативной информации ввиду их личностных особенностей и недоверия к окружающим. Однако по этой же самой причине они менее поддаются и убеждающему просветительскому воздействию, в том числе, касающемуся информационной безопасности в Интернете. Таким образом, именно подростки с нормативным поведением являются теми, кто нуждается в просвещении об информационной безопасности, и эффективность такого просвещения должна проверяться различными психологическими методами.

Ключевые слова: информационная безопасность, девиантное поведение, просвещение, особенности подросткового возраста.

Для цитаты:

Богданович Н.В., Будыкин А.В. Психологические особенности информационной безопасности несовершеннолетних с девиантным поведением. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 4. С. 59-78. doi: 10.17759/psylaw.207070406

For citation:

Bogdanovich N.V., Budykin A.V. Psychological characteristics of information security of adolescents with deviant behavior. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 4. pp.59-78. doi: 10.17759/psylaw.2017070406

В последние десятилетия, благодаря новым технологиям и Интернету, появилась новая, мало исследованная, постоянно меняющаяся реальность, в которой каждый, имеющий доступ в Интернет – и взрослый, и подросток, обязательно живет хотя бы несколько часов в день, – это виртуальный мир, где поддерживаются существующие и создаются новые связи и знакомства, есть возможности для обучения, развития, исследований и творчества.

Однако все больше возникают вопросы о достоверности информации, о «дозировке» информации, о доступе детей и подростков к тому или иному контенту. Информация в сети может быть как полезной, так и вредной. Все вопросы, связанные с безопасностью личности в информационной среде, должны стать предметом тщательного исследования, так как здесь мы балансируем на очень тонкой грани между защитой личности, прежде всего детей и подростков, и цензурой, а также основными правами человека, в частности, правом на достоверную информацию.

Информационная безопасность личности и общества в психологическом аспекте является комплексной проблемой, которую необходимо решать совместными усилиями многих наук и социальных институтов. Согласно ФЗ № 436, информационная безопасность детей – это состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию [7].

Уже в Концепции информационной безопасности детей и подростков психолого-педагогический аспект «... является одним из ее ключевых элементов, акцентирующим внимание на социально-психологических механизмах явления и на связанных с ними когнитивных, аффективных, мотивационных и поведенческих аспектах детского развития» [3].

В данной статье акцент делается на особенностях информационно-психологической безопасности тех подростков, которые находятся в конфликте с законом, т. е. тех, кто отличается девиантным поведением.

Многие авторы концепции информационной безопасности говорят о необходимости разработки и введения в образовательный процесс программ информационного просвещения [1; 5]. Однако встает вопрос о его эффективности, особенно по отношению к тем подросткам, которые в целом часто выпадают из образовательного процесса – стоящих на учете из-за отклоняющегося поведения.

Таким образом, целью данного исследования являлось определение психологических особенностей информационной безопасности подростков с девиантным поведением.

Нами были выдвинуты следующие *гипотезы* исследования.

1. Существуют различия в информационной безопасности подростков с девиантным и нормативным поведением.

2. Просвещение в области информационной безопасности (демонстрация видеороликов о безопасном поведении в Интернете) оказывает положительное воздействие на поведение подростков в сети Интернет.

В исследовании приняли участие учащиеся 8-х классов в количестве 46 человек, 21 человек из специальной общеобразовательной школы (подростки с девиантным поведением) и 25 человек из средней общеобразовательной школы (подростки с условно нормативным поведением). Возраст испытуемых – 14–16 лет. Распределение по гендерному признаку – 30 мальчиков, 16 девочек.

Исследование проводилось в несколько этапов.

На первом этапе со всеми участниками исследования были проведены следующие методики.

- Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла (форма С).
- Опросник «Способы совладания (копинг-тест)» Р. Лазаруса.
- Методика «Шкала реактивной и личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергера (адаптация А.Д. Андреевой, 1998).
- Авторская анкета на информационную безопасность.

Перед вторым этапом учащиеся были разделены на подгруппы:

- в специальной школе:
  - 11 несовершеннолетних – экспериментальная группа;
  - 10 несовершеннолетних – контрольная группа;
- в средней общеобразовательной школе:
  - 13 несовершеннолетних – экспериментальная группа;
  - 12 несовершеннолетних – контрольная группа.

На втором этапе проводилась демонстрация видеороликов об информационной безопасности (3 видеоролика) для экспериментальной группы.

На третьем этапе всем исследуемым группам предлагалось ответить на пять электронных писем, содержащих различного вида спам. Экспериментальные группы получили электронные письма после просмотра трех видеороликов на тему

информационной безопасности. Целью электронных писем было определение эффективности проведения психологического просвещения с экспериментальными группами.

Результаты анализировались при помощи математико-статистического анализа (Т-критерий Стьюдента и коэффициент корреляции Пирсона).

Анализ и обсуждение результатов эмпирического исследования

В начале исследования нами было проведено анкетирование, которое позволило выявить частоту использования информационных средств среди группы подростков с девиантным поведением и подростков с нормативным поведением (рис. 1).

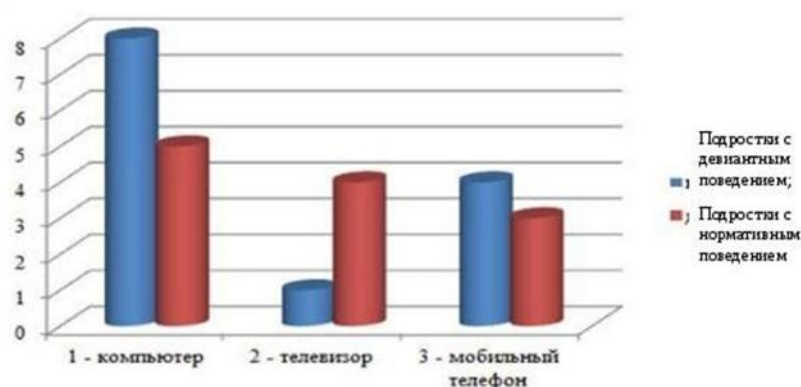

Рис. 1. Показатель пользования информационными средствами среди подростков с девиантным поведением и подростков с нормативным поведением

Подростки с девиантным поведением больше времени проводят за просмотром телевизора, а подростки с нормативным поведением предпочитают проводить свободное время за компьютером, как выяснилось, в основном общаясь в социальных сетях или играя в online игры.

Для исследования профиля личности подростков был использован многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (форма С). При сравнении данных по группам были обнаружены достоверные различия по шкалам А (Замкнутость–Открытость) и I (Жесткость–Чувствительность), по которым у подростков с нормативным поведением показатели существенно выше (рис. 2). Таким образом, группа нормы характеризуется открытостью и чувствительностью, а группа подростков с девиантным поведением – замкнутостью и жесткостью. По остальным шкалам многофакторной личностной методики Р. Кеттелла различий не выявлено.

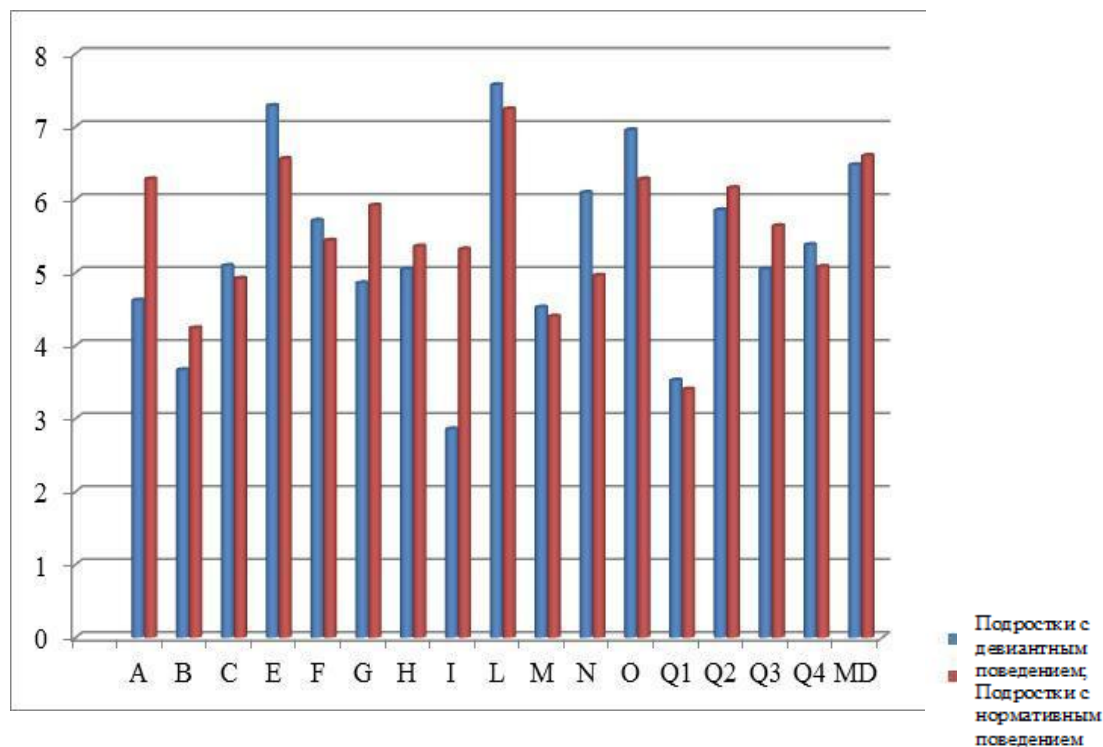

Рис. 2. Личностные особенности подростков с нормативным и девиантным поведением (методика Р. Кеттелла – форма С)

Также, для того чтобы исключить влияние дополнительных факторов, была проведена методика «Шкала реактивной и личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергера. При сравнении данных по группам были обнаружены достоверные различия по шкалам общей Тревожности (обычно) и ситуативной Тревожности (на уроке), у группы нормы показатели выше. Кроме того, шкала Познавательной активности (на уроке) серьезно выше у нормы, чем у подростков с девиантным поведением (рис. 3). Содержание шкалы Тревожность означает, что группа норма характеризуется более высоким показателем тревожности, как в обычном состоянии, так и в конкретной ситуации, в нашем случае это тревожность, возникающая на уроке. А высокий уровень по шкале Познавательной активности характеризует подростков, включенных в группу нормы, как сосредоточенных, умеющих сконцентрировать внимание на изучаемом предмете и готовых активно участвовать на уроке.

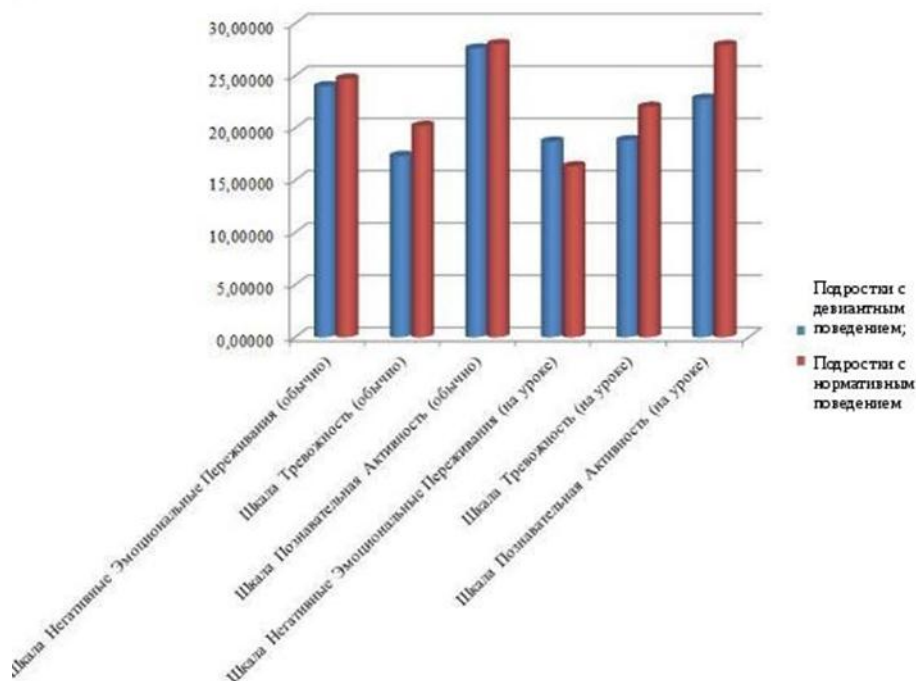

Рис. 3. Сравнение группы подростков с девиантным поведением и подростков с нормативным поведением по методике Ч.Д. Спилбергера

Для группы подростков с девиантным поведением и подростков с нормативным поведением была проведена методика «Способы совладания (копинг-тест)» Р. Лазаруса. При сравнении данных по группам были обнаружены достоверные различия по шкалам «Поиск социальной поддержки» и «Принятие ответственности», у группы нормы показатели по данным шкалам выше (рис. 4). Это говорит о том, что подростки с девиантным поведением не умеют использовать и запрашивать внешнюю помощь и поддержку. Также группа подростков с девиантным поведением характеризуется низким уровнем принятия ответственности, т. е. в случае возникновения проблем подростки с девиантным поведением не принимают ответственность за себя, за трудности, которые возникли, соответственно, они более склонны к внешним обвинительным реакциям.

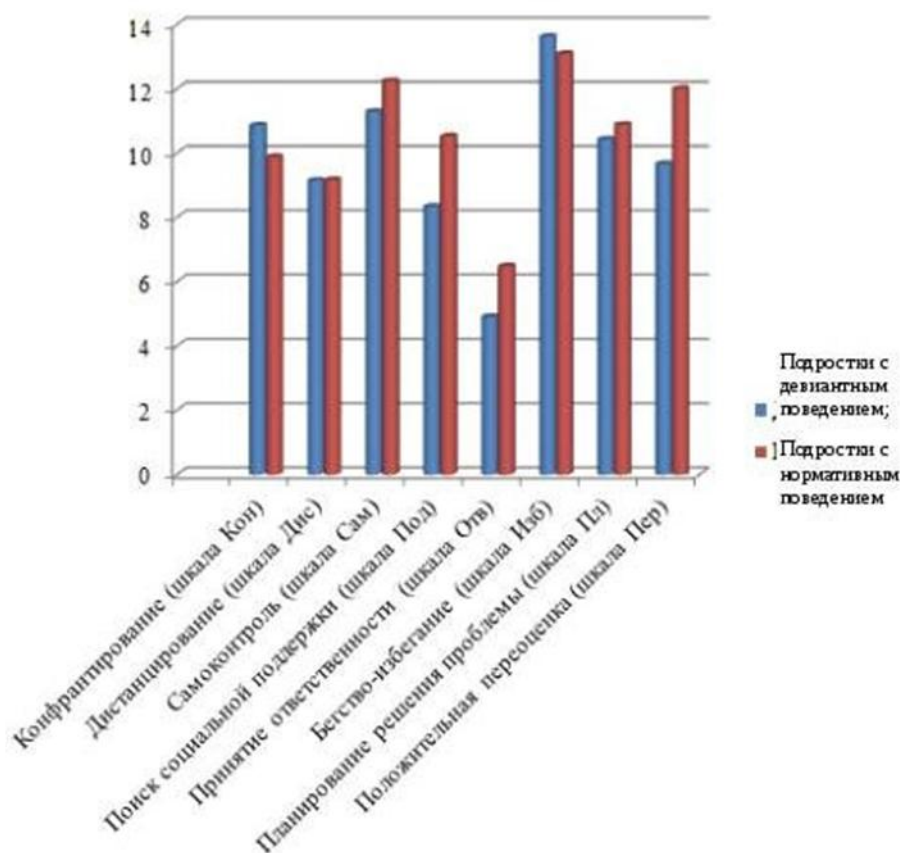

Рис. 4. Особенности копинг-стратегий подростков с девиантным и нормативным поведением

На втором этапе двум экспериментальным группам (как подросткам с девиантным поведением, так и подросткам с нормативным поведением) были показаны три видеоролика на тему информационной безопасности. Особенностью представления информации во всех видеороликах являются анимированные мультипликационные персонажи со звуковым сопровождением, и при этом полностью отсутствует текстовая информация.

Первый ролик был на тему «Развлечения и безопасность в Интернете» [6]. Ролик рассказывает о том, что сеть Интернет похожа на реальную жизнь, и какие правила безопасности необходимо соблюдать.

Второй видеоролик был на тему «Остерегайся мошенничества в сети» [4]. Ролик рассказывает о том, как понять, чему можно доверять в Интернете и что может навредить подростку и его компьютеру (Интернет-мошенничество, сбор данных через «забавные» онлайн тесты, Интернет-фишинг). Потом даются правила, позволяющие избежать проблем.

Третий видеоролик был на тему «Как обнаружить ложь и остаться правдивым? Грамотность и сознательность в сети» [2]. Чтобы разобраться в том, какой информации в сети можно доверять, а какой нет, в видеоролике приводятся правила. Вторая часть третьего видеоролика рассказывает о том, как предоставлять достоверную информацию.

После просмотра роликов подросткам было предложено еще раз заполнить анкету, в результате чего были получены следующие результаты.

Эмоциональное восприятие Интернета

По данным, полученным в контрольной группе (подростки с девиантным поведением) в первом и втором срезах, в восприятии Интернета преобладают положительные эмоции: радость, интерес, любопытство, удовольствие и восхищение (рис.

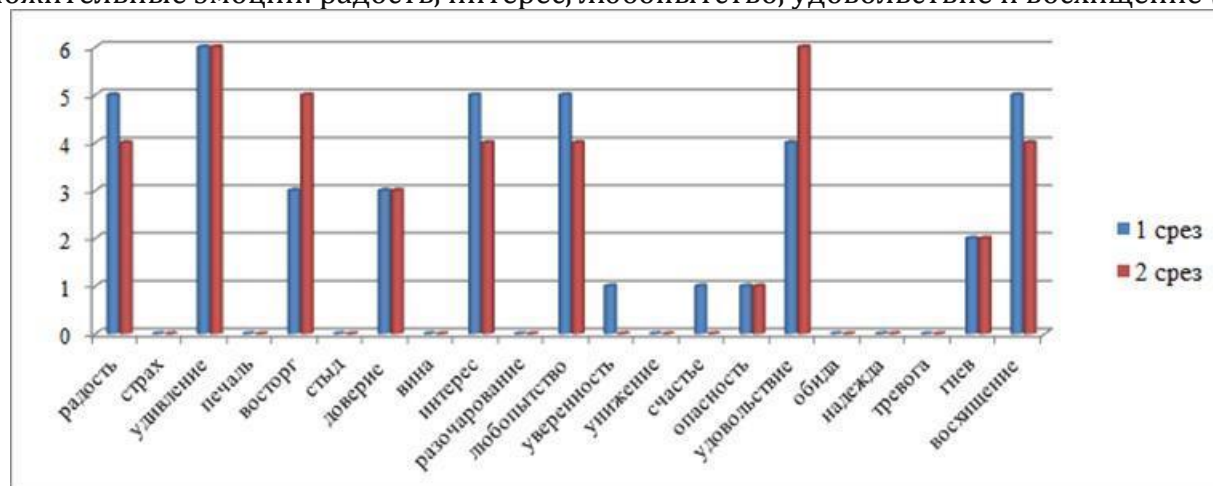

Рис. 5. Эмоциональное восприятие Интернета испытуемыми контрольной группы (подростки с девиантным поведением)

При сравнении показателей первого и второго срезов эмоционального восприятия Интернета (в контрольной группе) значительных изменений не выявлено.

В экспериментальной группе в первом и втором срезах в восприятии Интернета преобладают: радость, интерес, удовольствие и восхищение (рис. 6).

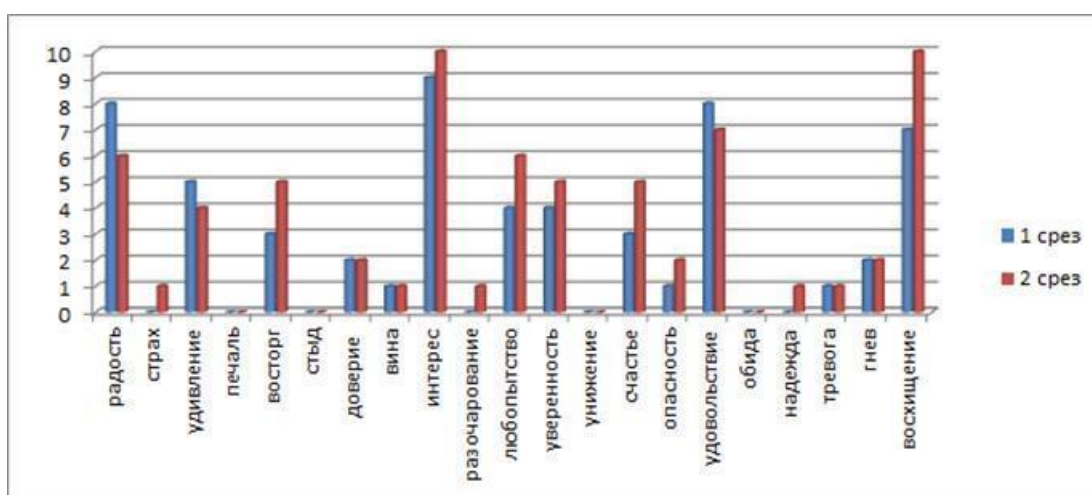

Рис. 6. Эмоциональное восприятие Интернета испытуемыми экспериментальной группы (подростки с девиантным поведением)

При сравнении показателей первого и второго срезов эмоционального восприятия Интернета (в экспериментальной группе) выявлено незначительное увеличение числа школьников, испытывающих в связи с интернетом такие эмоции, как восхищение, т. е. после просмотра видеороликов на тему информационной безопасности, испытуемые стали больше восхищаться Интернетом (рис. 6).

При сравнении данных первого и второго срезов экспериментальной группы подростков с девиантным поведением достоверных различий в эмоциональном отношении также не обнаружено.

У контрольной группы (подростки с нормативным поведением) в первом и втором срезах в восприятии Интернета также преобладают положительные эмоции: радость, интерес, любопытство, удовольствие и восхищение (рис. 7).

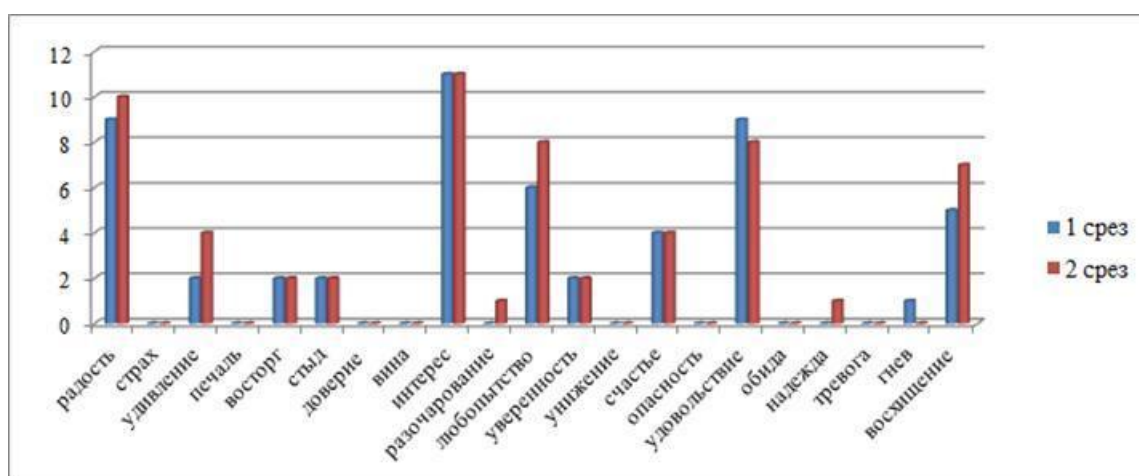

Рис. 7. Эмоциональное восприятие Интернета испытуемыми контрольной группы (подростки с нормативным поведением)

При сравнении показателей первого и второго срезов эмоционального восприятия Интернета (в контрольной группе) значительных изменений не выявлено (рис. 7).

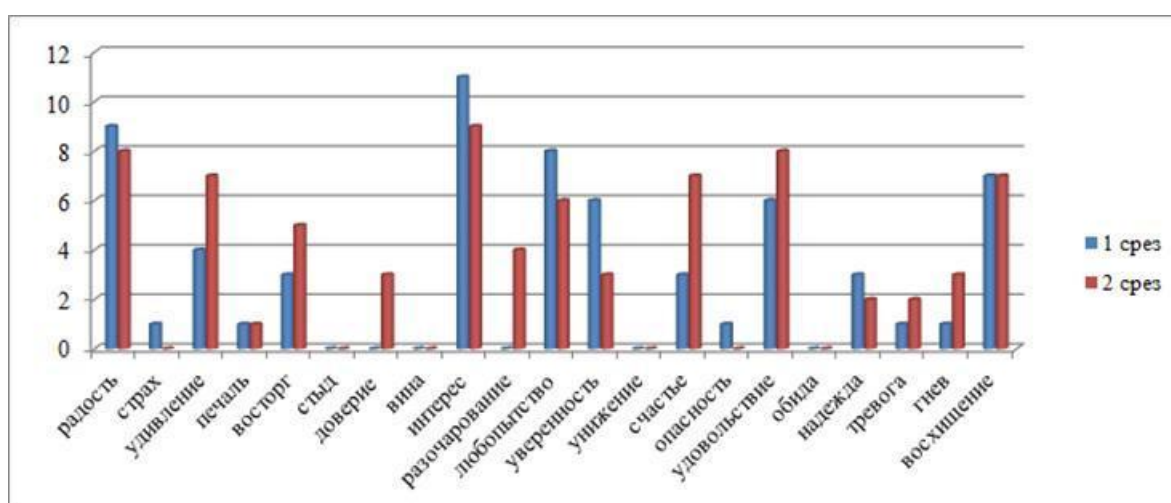

Рис. 8. Эмоциональное восприятие Интернета испытуемыми экспериментальной группы (подростки с нормативным поведением)

При сравнении показателей первого и второго срезов эмоционального восприятия Интернета (в экспериментальной группе подростков с нормативным поведением) выявлено уменьшение интереса по отношению к Интернету, но при этом испытуемые стали более счастливыми при пользовании Интернетом (рис. 8). Также следует отметить, что после просмотра видеороликов на тему информационной безопасности, при восприятии Интернета подростки стали больше отмечать свое удивление, вероятно, это связано с тем, что испытуемые из видеороликов узнали ранее неизвестные угрозы, которые представляет Интернет.

При сравнении данных по двум срезам, до демонстрации видеороликов и после, были обнаружены достоверные различия по шкале «Разочарование», т. е. во втором предъявлении, после демонстрации видеороликов на тему информационной безопасности, испытуемые разочаровались в Интернете. Также по шкале «Доверие» коэффициент (0,70) – почти значимый. Таким образом, в экспериментальной группе, после просмотра видеороликов, испытуемые не только разочаровались в Интернете, но и стали меньше доверять Интернету.

При анализе достоверности различий первичного предъявления анкеты и предъявления после демонстрации видеороликов на тему информационной безопасности (первый и второй срезы) в экспериментальной группе подростков, входящих в группу нормы, обнаружены следующие различия.

1. По вопросу «В Интернете я реализуюсь как личность лучше, чем в реальной жизни» во втором срезе, после проведения эксперимента, испытуемые достоверно чаще сообщают, что в Интернете они реализуются лучше, чем в реальной жизни, нежели в первом срезе ($p < 0,01$).

2. По вопросу «Бывает, что я трачу много времени на просмотр ненужной мне информации» во втором срезе, после проведения эксперимента, испытуемые достоверно реже сообщают, что бывает так, что они много времени тратят на просмотр ненужной информации, нежели в первом срезе ($p < 0,05$).

3. По вопросу «Бывает, в социальных сетях я добавляю в круг друзей незнакомых (малознакомых) людей» во втором срезе, после проведения эксперимента, испытуемые достоверно реже сообщают, что добавляют малознакомых людей в круг друзей, нежели в первом срезе ($p < 0,000$).

При анализе достоверности различий первичного и вторичного предъявления анкеты (первый и второй срезы) в контрольной группе подростков, входящих в группу нормы, обнаружены следующие различия: по вопросу «В Интернете я реализуюсь как личность лучше, чем в реальной жизни» во втором срезе достоверно чаще испытуемые сообщают, что в Интернете они реализуются лучше, чем в реальной жизни, нежели в первом срезе ($p < 0,03$).

По другим вопросам, достоверных различий не выявлено.

При анализе достоверности различий первичного предъявления анкеты и предъявления после демонстрации видеороликов на тему информационной безопасности (первый и второй срезы) в экспериментальной группе подростков с девиантным поведением обнаружены следующие различия.

1. По вопросу «Когда я захожу в Интернет, я точно знаю, чего хочу» во втором срезе, после проведения эксперимента, испытуемые достоверно реже сообщают, что когда заходят в Интернет, знают, чего хотят, нежели в первом срезе ($p < 0,009$).

2. По вопросу «В Интернете я реализуюсь как личность лучше, чем в реальной жизни» во втором срезе, после проведения эксперимента, испытуемые достоверно чаще сообщают, что в Интернете они реализуются лучше, чем в реальной жизни, нежели в первом срезе ($p < 0,009$).

При анализе достоверности различий первичного и вторичного предъявления анкеты (первый и второй срезы) в контрольной группе подростков с девиантным поведением обнаружены следующие различия.

1. По вопросу «Бывает, когда я ищу в Интернете нужную информацию, я забываю о своем первоначальном намерении» во втором срезе, достоверно чаще испытуемые сообщают, что бывает так, что когда они ищут нужную информацию, то забывают о первоначальном намерении входа в Интернет, нежели в первом срезе ($p < 0,02$).

Также следует отметить, что по вопросам «В Интернете я реализуюсь как личность лучше, чем в реальной жизни» и «Происходящее в сети зачастую гораздо интереснее того, что происходит в реальной жизни» коэффициент почти значимый ($p < 0,07$).

При сравнении достоверности различий между подростками с нормативным поведением и подростками с девиантным поведением существенных достоверных различий не выявлено, однако на уровне тенденции находится вопрос «Бывает, в социальных сетях я добавляю в круг друзей незнакомых (малознакомых) людей» ($p < 0,000$). Подростки с девиантным поведением реже, чем подростки с нормативным поведением, общаются с малознакомыми людьми в Интернете. Также испытуемые с нормативным поведением чаще сталкиваются с мошенничеством в Интернете, чем подростки с девиантным поведением ($p < 0,09$).

Таким образом, важно отметить тенденцию, свойственную обеим группам, а именно, в виртуальном мире (жизни) испытуемые чувствуют себя комфортнее, лучше развиваются и осознают дальнейшие перспективы, нежели в реальной жизни.

Основной частью исследования стала ситуация получения спам-рассылки всеми испытуемыми (как получившими информацию по информационной безопасности, так и не получившими такой информации). Для анализа поведения при получении спама были отобраны следующие виды писем: 1) предложение денежной помощи при сообщении персональных данных; 2) письмо-счастье, которое надо переслать друзьям; 3) письмо-обвинение; 4) письмо с просьбой о помощи; 5) письмо-предложение познакомиться.

Исследование проводилось в компьютерном классе. Каждому подростку предлагалось прочитать письма, пришедшие ему на e-mail.

Письмо 1

Дорогой друг!

Как Ваши дела? Надеюсь, все хорошо с Вами и Вашей семьей. Меня зовут Питер Бенсон, мне 40 лет и я из Великобритании.

Я люблю помогать людям с их проблемами, и поэтому я решил связаться с Вами.

Я видел Ваш контакт в Интернете, и я решил узнать, сколько Вам нужно, чтобы помочь в решении Ваших проблем. Я дал обещание Богу, что я помогу одному человеку из интернета сегодня.

Мне хотелось бы подарить деньги Вам, потому что я знаю, что у Вас много проблем, и для их решения необходимы деньги.

Так что, мой дорогой друг, вышлите мне полную информацию о Вас, номер паспорта и домашний адрес, включая номер телефона, чтобы я мог общаться с Вами, а также общая сумма, которая вам нужна.

Письмо 2

Можно купить дом

Но не очаг

Можно купить кровать

Но не сон

Можно купить часы

Но не время

Можно купить книгу

Но не знание

Можно купить положение

Но не уважение

Можно заплатить за доктора

Но не за здоровье

Можно купить душу

Но не жизнь

Китайское наставление приносит удачу. Оригинал хранится в Нидерландах. Это наставление уже восемь раз облетело вокруг мира. И, однако же, на этот раз оно принесет

удачу тебе. После получения этого письма ты станешь счастливым. Это не шутка. К тебе придет удача. Перешли по почте или Интернету это письмо тем людям, которые нуждаются в счастье. Не посылай деньги, потому что счастье не купишь. Не храни письмо более 96 часов, в течение этого времени его нужно переслать.

Письмо 3

Вещи про тебя пишут... даже не знаю как тебе после этого верить... Я конечно понимаю всякие жизненные ситуации бывают, но все равно не до такого же!! Я не знаю даже как с тобой после этого общаться... Вот ещё подробности выложили, ну мне даже стыдно за тебя... Я не знаю, как после всего, что я о тебе узнал с тобой общаться...

Письмо 4

Здравствуйте. Меня зовут Юля.

Я мать одиночка, помощи ждать неоткуда. Моему сыну в год поставили диагноз ДЦП. Сейчас ему 7 лет. Ужасно больно смотреть на мучения, боли невинного ребенка и чем позднее он будет прооперирован, тем тяжелее будет восстановить его здоровье.

В Москве есть клиники, где делают операции, лечат по новым методикам, возвращают к жизни... но у меня нет возможности оплатить это лечение. Когда я читаю ответы из клиник, то испытываю шок. Шок – потому что самой мне никогда не достать таких денег. Поэтому я решила обратиться к Вам за помощью. Осталась только вера в людскую доброту. Если можете, не откажите в посильной помощи. Надеюсь собрать на операцию, как говорится, с миру по нитке. Умоляю, если сможете, помогите.

Могу выслать (по e-mail) фото, справку об инвалидности, свои паспортные данные, страховой полис для подтверждения моей беды.

Умоляю, если сможете, помогите.

Письмо 5.

Здравствуй!

Мы не знакомы. Я случайно увидел(а) твои фотографии, которые мне очень понравились. Я бы хотел(а) с тобой познакомиться. У тебя красивые глаза, улыбка.

Решил(а) написать на mail, т. к. никак не решусь к тебе подойти. Буду очень рад(а), если ты ответишь на моё сообщение. Жду ответа!!!

При анализе писем, предоставленных для ответов испытуемым, подсчитывалось количество людей, давших те или иные ответы на спам-письма. Для удобства обработки данных, все ответы шкалировались по следующей схеме:

- нет ответа – 0;
- отрицательный ответ – 1;

- нейтральный ответ – 2;
- положительный ответ – 3.

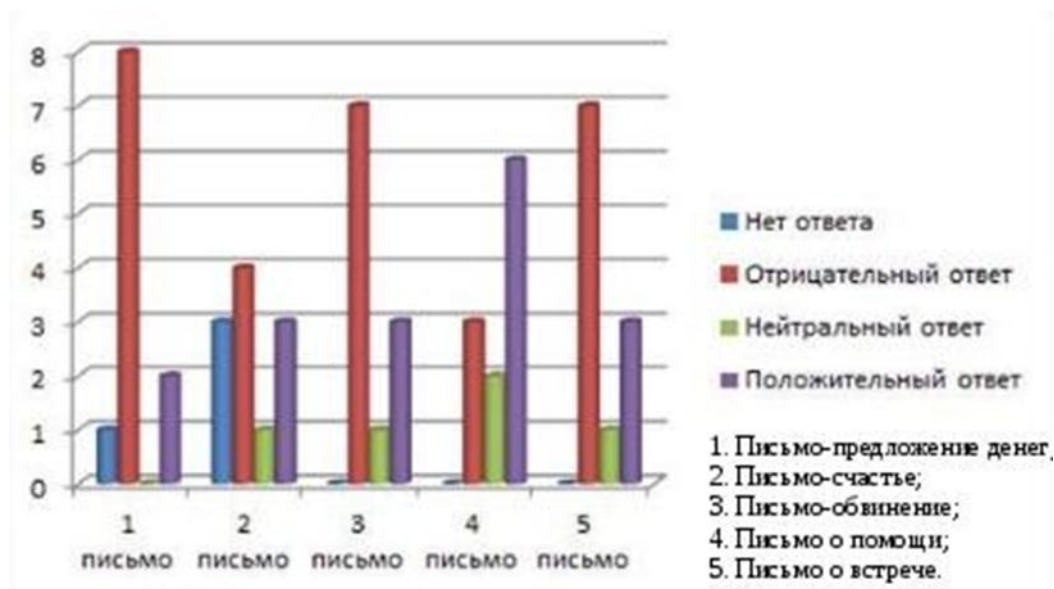

Рис. 9. Ответы испытуемых экспериментальной группы (подростки с девиантным поведением)

По результатам анализа ответов на письма следует отметить, что подростки с девиантным поведением (экспериментальная группа) (рис. 9) преимущественно реагировали отрицательно (в основном ответы состояли из ненормативной лексики). По вертикали шкала количества испытуемых, давших ответ.

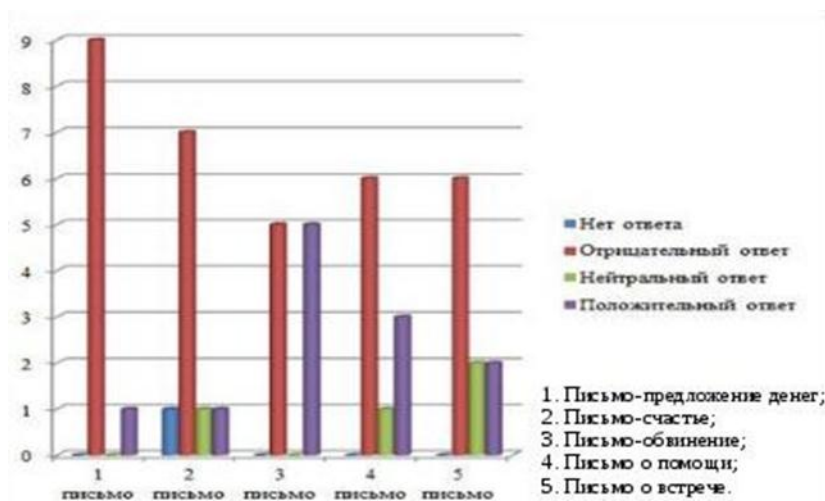

Рис. 10. Ответы испытуемых контрольной группы (подростки с девиантным поведением)

В контрольной группе подростков с девиантным поведением (рис. 10) более ярко выражена негативная реакция (отрицательные ответы). В контрольной группе, так же как и в экспериментальной, большинство ответов состояли из краткой ненормативной лексики.

При анализе достоверности различий между экспериментальной и контрольной группами подростков с девиантным поведением не выявлено. Таким образом, видеоролики

на тему информационной безопасности не оказали никакого воздействия на экспериментальную группу подростков с девиантным поведением.

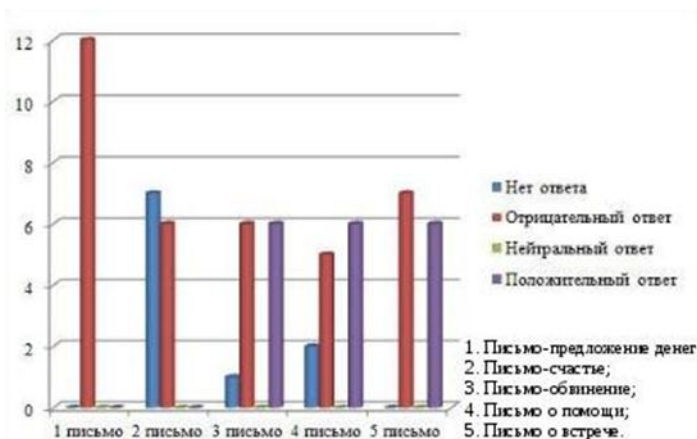

Рис. 11. Ответы испытуемых экспериментальной группы (подростки с нормативным поведением)

По результатам анализа ответов на письма подростков с нормативным поведением (экспериментальная группа) (рис. 11), следует отметить, что преимущественно испытуемые реагировали отрицательно. Однако присутствовали и положительные ответы. На первое письмо все испытуемые дали отрицательный ответ.

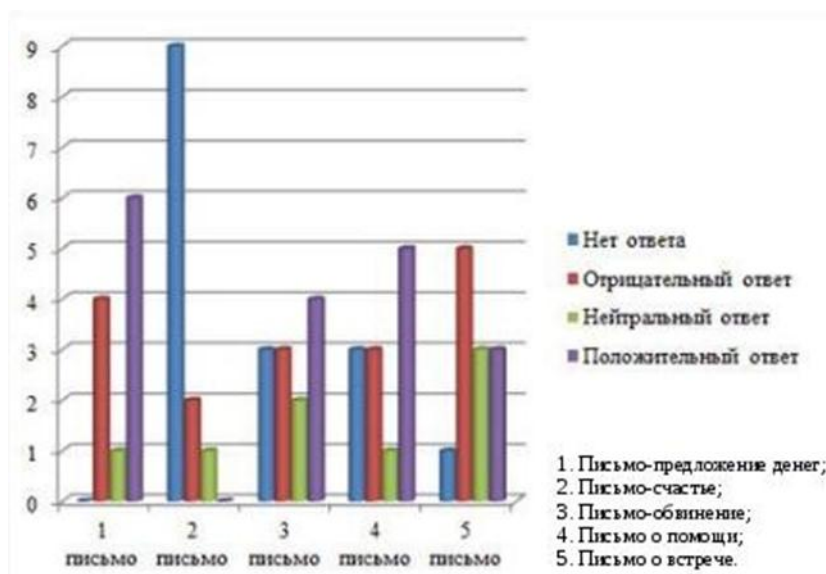

Рис. 12. Ответы испытуемых контрольной группы (подростки с нормативным поведением)

В контрольной группе подростков с нормативным поведением получены преимущественно ответы с положительной реакцией, хотя есть и отрицательные ответы.

При анализе достоверности различий между экспериментальной и контрольной группами подростков с нормативным поведением выявлены различия по первому письму. Учащиеся из экспериментальной группы существенно реже отвечали на первое письмо. Снижение количества ответов и негативная реакция на письмо свидетельствует о том, что

видеоролики на тему информационной безопасности оказали частичное влияние на испытуемых. Однако по остальным письмам различий не выявлено.

Анализ корреляционных взаимосвязей

Акцент делался на корреляционные связи исследуемых особенностей личности с результатами эксперимента с электронными письмами. Кроме того, этот анализ проводился для всех испытуемых без разделения на группы.

Положительный ответ на первое письмо (письмо-предложение денег) более склонны давать учащиеся с доминированием стратегии поиска социальной поддержки, на второе – с доминированием стратегии конфронтации в трудных жизненных ситуациях. Остальные стратегии совладания значимых связей со склонностью к ответу на электронные спам-письма не показали. При доминировании конфронтации они, скорее всего, давали отрицательные ответы, а при доминировании стратегии поиска социальной поддержки – положительные или нейтральные.

При росте уровня тревожности учащиеся были склонны оставлять письма без ответа.

Учащиеся более склонны отвечать на письма при доминировании факторов В (интеллект), С (эмоциональная неустойчивость – эмоциональная устойчивость), Н (робость – смелость), L (доверчивость – подозрительность), М (практичность – мечтательность). Но это касается разных писем. Нет ни одного фактора, который был бы связан со склонностью отвечать на все предлагаемые спам-рассылки. Больше всего на ответы провоцируют высокие баллы по фактору С (эмоциональная неустойчивость – эмоциональная устойчивость) (письмо-обвинение; письмо о помощи), и менее всего – высокие баллы по фактору I (жесткость – чувственность) (письмо-счастье). Остальные факторы со склонностью учащихся как-то реагировать на письма не связаны.

Эмоции, которые вызывает Интернет у учащихся, также повлияли на то, отвечали они на письма или нет. Например, радость и доверие влияли на склонность позитивно отвечать на пятое письмо (письмо о встрече), стыд – на первое письмо (письмо-предложение денег), доверие – на второе письмо (письмо-счастье), чувство опасности в Интернете и тревога – на третье письмо (письмо-обвинение).

Связь особенностей личности учащихся и отдельных вопросов анкеты рассматривалась только для первого предъявления анкеты. Это дает возможность оценить, в зависимости от чего учащиеся дают те или иные ответы на вопросы анкеты.

Рассмотрим эмоции, которые испытывают школьники в Интернете.

Удивление, доверие и стыд они реже испытывают при высокой познавательной активности. Любопытство – при высокой тревожности на уроке.

При предпочтении стратегий самоконтроля и конфронтации школьники чаще испытывают в Интернете радость, при предпочтении стратегии дистанцирования – реже испытывают удивление, при стратегии поиска социальной поддержки – меньше испытывают радость, при стратегии планового решения проблем – меньше любопытство, при стратегии принятия ответственности – больше страх и меньше доверие к Интернету. То

есть эмоции, которые испытывают школьники в Интернете, связаны с тем, какие стратегии поведения в стрессе они чаще используют.

Страх и надежда в Интернете связаны с повышением факторов I (жесткость – чувственность), страх и опасность – с ростом фактора Q3 (низкий самоконтроль – высокий самоконтроль), радость, тревога и счастье – с ростом фактора L (доверчивость – подозрительность), доверие – с ростом фактора Q1 (консерватизм – радикализм), гнев – с повышением фактора Q2 (зависимость от группы – самостоятельность). При росте фактора Q4 (расслабленность – напряженность) снижается интерес к Интернету, а при повышении фактора N (прямолинейность – дипломатичность) учащиеся испытывают в Интернете меньше печали, любопытства и надежды. Следовательно, эмоции, которые переживают учащиеся в Интернете, связаны с их характером.

Выводы

Наше исследование показало, как остро стоят вопросы обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних. Многие подростки считают, что только в Интернете могут реализовать себя как личность, что является тревожным сигналом, показывающим актуальность проведения просветительских мероприятий с подростками на тему информационной безопасности и поведения в Интернете.

В ходе эксперимента было выявлено, что подростки с девиантным поведением менее всего подвержены воздействию негативной информации ввиду их личностных особенностей и недоверия к окружающим. Однако по этой же самой причине они менее поддаются и убеждающему просветительскому воздействию, в том числе касающемуся информационной безопасности в Интернете. Этот вопрос требует дальнейшего детального исследования, так как не исключено, что этот эффект отчасти может быть связан с социальной стигматизацией подростков, возникшей в связи с направлением их в специализированное учебное заведение.

Подростки с нормативным поведением (учащиеся средней общеобразовательной школы) остро нуждаются в образовательных мероприятиях, направленных на повышение уровня их психологической безопасности в интернете и информационной безопасности, так как в ходе эксперимента было выявлено, что они подвержены влиянию негативной информации и менее осторожны в сети.

Тема данного исследования является крайне актуальной и нуждается в дальнейшей исследовательской и экспериментальной разработке. Необходимо искать эффективные методы обучения подростков методам противодействия информационным угрозам и самостоятельному обеспечению своей информационной безопасности. Проведенный в ходе исследования формирующий эксперимент вносит свой вклад в создание этих просветительских методов, а проведенное исследование – в понимание механизмов того, как эти методы влияют на личность подростка.

Литература

1. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гаямова С.Ю., Милёхин А.В., Будыкин С.В. Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей. Ч. 1 [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 1–12. doi:10.17759/psylaw.2017070101
2. Как обнаружить ложь и остаться правдивым? Грамотность и сознательность в сети [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=5YhdS7rrxt8> (дата обращения: 23.06.2017).
3. Методология концепции информационной безопасности детей и подростков [Электронный ресурс] // Концепция информационной безопасности детей. URL: http://rkn.gov.ru/docs/Razdel_4.pdf (дата обращения: 23.06.2017).
4. Остерегайся мошенничества в сети [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=AMCsvZXCd9w> (дата обращения: 23.06.2017).
5. Пимонов В.А. Основные проблемы обеспечения информационной безопасности субъектов образовательного процесса [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49302.shtml> (дата обращения: 23.06.2017).
6. Развлечения и безопасность в Интернете [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=3Ap1rKr0RCE> (дата обращения: 23.06.2017).
7. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12181695/> (дата обращения: 23.06.2017).

Psychological characteristics of information security of adolescents with deviant behavior

Bogdanovich N.V., PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (bogdanovichnv@mgppu.ru)

Budykin A.V., Graduate, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (mosvao@yandex.ru)

The article adduces a research of psychological characteristics of information security of adolescents with deviant and normative behavior. 46 people from two Moscow schools were examined with a complex of four methods, one of which was the "Information Security Questionnaire" - is used for the first time. In addition, two experimental subgroups viewed videos about Internet security rules and then it was assessed how much it had influenced the responses of adolescents to spam mailing. A conclusion based on the obtained results was made, that adolescents with deviant behavior are less likely (in comparison with adolescents with normative behavior) to be exposed to negative information because of their personal characteristics and distrust of others. However, for the same reason, they are less susceptible to persuasive educational impact, including those related to information security on the Internet. Thus, it is teenagers with normative behavior who are the ones who need information security education, and the effectiveness of such education should be tested with various psychological methods.

Keywords: information security, deviant behaviour, problems of adolescence, education.

References

1. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Gayamova S.Yu., Milekhin A.V., Budykin S.V. Sotsial'nye predstavleniya i informatsionnaya bezopasnost' detei i podroستkov: tochka zreniya uchitelei (Chast' 1) [Social representations and information security of children and adolescents: the point of view of teachers (Part 1)] *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2017, no 1. pp. 1-12. doi:10.17759/psylaw.2017070101
2. Kak obnaruzhit' lozh' i ostat'sya pravdivym? Gramotnost' i soznatel'nost' v seti [How to detect lies and remain truthful? Literacy and consciousness in the network] [Elektronnyi resurs] <https://www.youtube.com/watch?v=5YhdS7rrxt8> (Accessed: 23.06.2017)
3. Metodologiya kontseptsii informatsionnoi bezopasnosti detei i podroستkov [Elektronnyi resurs]. Kontseptsiya informatsionnoi bezopasnosti detei [Methodology of the concept of information security for children and adolescents] URL: http://rkn.gov.ru/docs/Razdel_4.pdf (Accessed: 23.06.2017)

4. Osteregaisya moshennichestva v seti [Beware of network fraud] [Elektronnyi resurs] <https://www.youtube.com/watch?v=AMCsvZXCd9w> (Accessed: 23.06.2017)
5. Pimonov V.A. Osnovnye problemy obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti sub"ektov obrazovatel'nogo protsessa [The main problems of ensuring information security of subjects of the educational process] [Elektronnyi resurs] *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2011, no 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49302.shtml> (Accessed: 23.06.2017)
6. Razvlecheniya i bezopasnost' v Internete [Entertainment and security on the Internet] [Elektronnyi resurs] <https://www.youtube.com/watch?v=3Ap1rKrORCE> (Accessed: 23.06.2017)
7. Federal'nyi zakon ot 29 dekabrya 2010 g. N 436-FZ «O zashchite detei ot informatsii, prichinyayushchei vred ikh zdorov'yu i razvitiyu» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Federal law of 29 December 2010 №436 of the Federal law "On the protection of children from information harmful to their health and development" (with changes and additions)][Elektronnyi resurs]. URL: <http://base.garant.ru/12181695/> (Accessed: 23.06.2017)

Черты «асоциальной личности» у несовершеннолетних правонарушителей

Старикова В. О., магистрант кафедры юридической психологии и права, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный психолого-педагогический университет» (*starvictory1989@gmail.com*)

Дебольский М. Г., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный психолого-педагогический университет»; ведущий научный сотрудник, ФКУ НИИ ФСИН России (*mdebolsky@mail.ru*)

Ошевский Д. С., кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ); старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (*oshevsky@serbsky.ru*)

В статье представлены результаты эмпирического исследования черт так называемой «асоциальной личности» у несовершеннолетних правонарушителей. В воспитательной колонии ФКУ Алексинская ВК УФСИН России по Тульской области и ГБПУ «Финансовый колледж № 35» г. Москвы обследовано 28 осужденных и 17 подростков с условно-нормативным поведением. Для описания индивидуальных особенностей, характеризующих черты «асоциальной личности», подобран комплект психологических методик (тестов и опросников). Составлена карта обследования, в которую включены параметры, касающиеся истории жизни подростков-правонарушителей. Показано, что у несовершеннолетних осужденных отмечается заострение ряда черт, которые могут рассматриваться как предикторы противоправного поведения. В соответствии с зарубежными медицинскими классификаторами (ICD-10, DSM-5) и структурированными методами оценки (PCL-R) их обозначают как черты «асоциальной личности». Определена специфичность черт «асоциальной личности» у несовершеннолетних осужденных.

Ключевые слова: черты «асоциальной личности», несовершеннолетние правонарушители.

Для цитаты:

Старикова В.О., Дебольский М.Г., Ошевский Д.С. Черты «асоциальной личности» у

несовершеннолетних правонарушителей. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 4. С. 79-91.
doi: 10.17759/psylaw.207070407

For citation:

Starikova V.O., Debolsky M.G., Oshevsky D.S. Traits of antisocial personality of juvenile offenders. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 4. pp.79-91.
doi: 10.17759/psylaw.2017070407

Введение

По разным данным, от 40 до 60% несовершеннолетних правонарушителей имеют те или иные отклонения в психическом развитии. Эти девиации могут варьировать от клинически очерченных форм до заострения некоторых индивидуальных черт, приводящих к социальной дезадаптации и нередко к нарушению закона [1; 3; 4; 7; 13; 14, 16; 18]. Безусловно, такие подростки требуют особого подхода в коррекции, реабилитации и сопровождении.

В отечественной психологии, основывающейся на культурно-исторической парадигме и теории деятельности, накоплен богатый практический опыт работы с детьми и подростками, имеющими отклонения в психическом развитии. Фундаментальный принцип Л.С. Выготского о том, что логика развития аномального ребенка подчиняется тем же закономерностям, что и в норме, позволяет проводить структурно-динамический анализ психического развития несовершеннолетних, в том числе вступивших в конфликт с законом [2]. В русле юридической психологии предложены различные модели изучения личности подростков-правонарушителей [5; 6; 22]. Они успешно используются при проведении комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз несовершеннолетних, психологическом сопровождении осужденных подростков и т. п.

Исследователи указывают на то, что сочетание дисгармоничных личностных черт у несовершеннолетних может существенно повышать риск противоправного поведения. Причем дисгармония личностного развития – это не только заострение ряда характерологических особенностей, но и способы реагирования в различных ситуациях, определенные паттерны поведения, установки, в соответствии с которыми подросток реализует свои потребности и мотивы [6]. В клинко-психологических работах показано, что дисгармоничное развитие отличается от нормальной диспропорциональности. При относительно сохранном интеллекте она проявляется, прежде всего, в эмоциональной и социальной сферах [6; 14; 21].

Зарубежные исследования, проведенные на обширном материале, также свидетельствуют о том, что заострение определенных черт повышает риск противоправного поведения. «Опросник для выявления психопатий» – Hare Psychopathy Checklist Revised (PCL-R), разработанный Р. Хаэром, доказал свою эффективность при выявлении «асоциальных черт» и оценке вероятности рецидивов у их носителей [25]. В пенитенциарной системе северной Америки и Европы для прогноза противоправного поведения, в том числе у несовершеннолетних, применяется целый ряд структурированных инструментов. Исходя из полученных результатов, планируют индивидуальные программы

коррекции и сопровождения. В рамках такого подхода обязательно оцениваются индивидуальные свойства подростка-правонарушителя. Особое внимание обращают на комплекс особенностей, которые принято обозначать как черты «асоциальной личности». В него включают асоциальную направленность, лживость, импульсивность, агрессивность, рискованность, безответственность, отсутствие чувства вины и т. п. Если эти свойства достигают клинически очерченного уровня и приводят к стабильной социальной дезадаптации, сочетающейся с рецидивирующим противоправным поведением, в соответствии с ICD-10 в DSM-V их принято квалифицировать как «антисоциальное расстройство личности» [23]. Вместе с тем подчеркивается, что в подростковом возрасте, когда интенсивно происходит процесс психического развития, следует избегать стигматизирующих психиатрических диагнозов [11; 13; 25; 26]. С другой стороны, показано, что вследствие неверно и несвоевременно диагностированных клинически очерченных проблем, неточной оценки факторов риска противоправного поведения и ресурсных сторон личности несовершеннолетнего вероятность повторных, прежде всего агрессивных, деликтов повышается даже у тех подростков, которые ранее привлекались к ответственности за неагрессивные правонарушения [17].

В связи со сказанным выше представляется продуктивным провести оценку черт «асоциальной личности» у несовершеннолетних осужденных. Это позволит определить проблемные стороны личности подростков-правонарушителей и с учетом возможного психического неблагополучия организовать их комплексное клиничко-психологическое сопровождение, в том числе в условиях пенитенциарной системы.

Материал и методы

Основную группу испытуемых составили 28 несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в ФКУ Алексинская ВК УФСИН России по Тульской области. Средний возраст – $17,1 \pm 0,45$ лет. В контрольную группу вошли 17 подростков с условно-нормативным поведением – учащихся Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Финансовый колледж № 35» г. Москвы. Средний возраст – $16,6 \pm 0,71$ лет. Группы были уравнены по возрастному и гендерному параметрам (обследовались только юноши).

Методический комплекс подбирался таким образом, чтобы была возможность исследовать черты «асоциальной личности», выделенные в PCL-R и медицинской классификацией DSM-V [23; 25]. Это позволило охватить более широкий спектр характеристик несовершеннолетних. В эмпирическом исследовании использовались следующие методики.

- «Неспособность соответствовать социальным нормам, уважать законы» исследовалась с помощью опросника «Склонность к отклоняющемуся поведению» (СОП) [12].
- «Лицемерие, проявляющееся в частой лжи» определялось шкалой «Макиавеллизм» Р. Кристи, Ф. Гейс [8].
- «Импульсивность, или неспособность планировать заранее» проверялась опросником «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В.И. Моросановой, опросником СОП (шкала «Волевой контроль эмоциональных реакций») и Индивидуально-типологическим

опросником (подростковый вариант ИТДО) Л.Н. Собчик (шкала «Эмоциональная лабильность») [12; 15; 20].

- «Раздражительность и агрессивность» измерялись с помощью опросника СОП (шкала «Склонность к агрессии и насилию»), ИТДО (шкала «Агрессивность»), опросника «Массачусетский юношеский скрининговый инструмент» – «Massachusetts Youth Screening Instrument» (MAYSI-2), T. Grisso, R. Barnum (русский авторизованный перевод Дозорцевой Е.Г., шкала «Гнев, раздражительность»), [12; 20; 24].

- Использование теста «Готовность к риску» (А.Г. Шмелев) и опросника СОП (шкалы «Склонность к аддиктивному поведению», «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению») было призвано выявлять «Рискованность без учета безопасности для себя и окружающих»[9; 12].

- Для оценки «Последовательной безответственности» применялась методика «Ответственность как системное качество личности» (ОСКЛ) В.П. Прыдеина [19].

- «Отсутствие сожалений» выявлялось методикой Дж. П. Тангней «Измерение чувства вины и стыда» – «Test of Self-Conscious Affect» (TOSCA) [10].

- Для учета возможного психического неблагополучия несовершеннолетних правонарушителей был использован MAYSI-2 [24].

С целью объективизации результатов проводился анализ личных дел осужденных.

При обработке данных применялись математико-статистические методы с использованием программного обеспечения STATISTICA Version 10 (Eng.).

Результаты и обсуждение

В ходе исследования были выявлены значимые различия по ряду черт «асоциальной личности» между несовершеннолетними осужденными (О) и подростками с условно-нормативным поведением (Н). Обобщенные результаты представлены в табл. 1. (в таблице представлены только достоверные различия и различия на уровне тенденций).

Обнаружено, что у испытуемых основной группы обобщенная характеристика «Неспособность соответствовать социальным нормам, уважать законы» имеет существенное заострение. Так, по целому ряду шкал методики СОП результаты несовершеннолетних осужденных достоверно выше, чем у подростков контрольной группы. Наибольшие отличия получены по параметрам «Склонность к агрессии и насилию», «Склонность к делинквентному поведению» и «Склонность к аддиктивному поведению». Повышенная агрессивность подростков-правонарушителей сочетается со слабой способностью придерживаться социальных норм и правил. Причем делинквентное поведение начинает проявляться достаточно рано – еще в младшем школьном возрасте. Поисковая активность подростков-правонарушителей нередко приводит к употреблению психоактивных веществ (ПАВ) и алкоголя. Анализ личных дел свидетельствует о том, что во многих случаях противоправные деяния совершались в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения. Завышенные показатели по шкале СОП «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению» свидетельствуют о том, что агрессивные побуждения нередко направляются не только на других, но и на себя.

Аутоагрессивные действия реализуются в виде нанесения самопорезов, прижигания тела сигаретами и т. п.

Оценка по параметру «Лицемерие, проявляющееся в частой лжи» не выявило значимых различий в исследуемых группах. Не исключено, что шкала «Макиавеллизм» недостаточно хорошо дифференцирует эти свойства у подростков.

Аналогичным образом при исследовании черты «Импульсивность, неспособность планировать заранее» с помощью ССПМ не отмечено нарушений различных звеньев саморегуляции. Однако не исключено, что специфические условия пребывания в воспитательной колонии с простроенными границами (четкий распорядок дня, необходимость соблюдать правила поведения, санкции за их нарушения и т. п.) являются внешними регуляторами поведения и компенсируют дефицит внутренней регуляции собственной деятельности. Вместе с тем по методике ИТДО у несовершеннолетних осужденных наблюдаются достоверно более высокие показатели по шкалам «Эмоциональная лабильность», «Экстраверсия». Сочетание эмоциональной неустойчивости, частой смены настроения с поверхностным недифференцированным общением, нередко приводит к реакциям группирования. Это может рассматриваться как фактор риска групповых деликтов. Анализ личных дел показывает, что большинство (63%) обследованных осужденных совершали правонарушения в группе сверстников.

Оценка черты «Раздражительность и агрессивность» показала значимые различия по шкале «Склонность к агрессии и насилию» методики СОП и шкале «Гнев, раздражительность» опросника MAYSI-2. У осужденных подростков результаты достоверно выше. Для них характерны повышенный уровень агрессивности и склонность к реализации агрессивных побуждений в межличностном взаимодействии.

Таблица 1

Черты «асоциальной личности» у несовершеннолетних осужденных (О) и подростков с условно-нормативным поведением (Н)

Методика (шкала методики)	Черта	Группы		Интервал достоверности, (U-критерий Манна-Уитни)
		О	Н	
«Неспособность соответствовать социальным нормам, уважать законы»				
СОП, шкала «Склонность к аддиктивному поведению»		54,78	48,63	0,02
СОП, шкала «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению»		54,87	44,31	0,01
СОП, шкала «Склонность к агрессии и насилию»		56,74	47,44	0,01
СОП, шкала «Склонность к делинквентному поведению»		57,04	48,88	0,00
«Импульсивность или неспособность планировать заранее»				
ИТДО, шкала «Экстраверсия»		4,00	3,06	0,04
ИТДО, шкала «Эмоциональная лабильность»		2,96	2,19	0,04
«Раздражительность и агрессивность»				
СОП, шкала «Склонность к агрессии и насилию»		56,74	47,44	0,01
МАУСИ-2, шкала «Гнев, раздражительность»		3,68	1,36	0,00
«Рискованность без учёта безопасности для себя и окружающих»				
СОП, шкала «Склонность к аддиктивному поведению»		54,78	48,63	0,02
СОП, шкала «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению»		54,87	44,31	0,01
«Последовательная безответственность»				
ОСКЛ, шкала «Динамическая азгичность»		16,17	19,94	0,02
ОСКЛ, шкала «Регуляторная интернальность»		21,70	24,81	0,06
«Отсутствие сожалений»				
TOSCA, шкала «Вина»		43,22	49,56	0,07
TOSCA, шкала «Бета-гордость»		15,87	17,81	0,07

При исследовании черты «Рискованность без учета безопасности для себя и окружающих» по тесту «Готовность к риску» не обнаружено значимых различий в

исследуемых группах. Однако значительное повышение показателей по ряду шкал СОП («Склонность к аддиктивному поведению» и «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению») позволяет заключить, что осужденные подростки более склонны к реализации рискованных форм поведения. Потребность в ярких внешних впечатлениях приводит к совершению необдуманных высоко рискованных действий («руферство», «зацеперство»), экспериментированию с различными ПАВ.

С помощью методики ОСКЛ получены значимые различия по двум шкалам «Динамическая азргичность», и «Регуляторная интернальность», характеризующим черту «Последовательная безответственность». По-видимому, такое дискорданное сочетание высокой активности, самоуверенности и утрированного стремления к самостоятельности в принятии решений, наряду с низким уровнем ответственности за собственные поступки, свидетельствует о недостаточной критичности к себе и тенденции к переоценке собственных возможностей.

При изучении черты «Отсутствие сожалений» методикой TOSCA были выявлены различия на уровне тенденций по шкалам «Вина» и «Бета-гордость». Несовершеннолетние осужденные менее склонны испытывать чувство вины за свои действия, для них характерно самооправдание поступков, нередко это делается с бравадой. Повышенный эгоцентризм, нежелание понять позицию другого человека, сопровождающиеся категоричностью суждений, могут выступать серьезным препятствием при коррекции и сопровождении таких подростков.

Скрининговая оценка возможного психического неблагополучия осужденных подростков, проведенная с помощью опросника MAYSI-2, показала достоверные различия практически по всем шкалам методики (табл. 2).

Таблица 2

Скрининговая оценка возможного психического неблагополучия несовершеннолетних осужденных (О) и подростков с нормативным поведением (Н) (по данным методики MAYSI-2)

Шкалы методики	Группы		Интервал достоверности U-критерий Манна-Уитни
	О	Н	
Употребление наркотиков и алкоголя	4,00	0,21	0,00
Гнев, раздражительность	3,68	1,36	0,00
Депрессия, тревога	3,45	1,43	0,00
Соматические жалобы	2,64	1,86	0,12
Суицидальные мысли	1,36	0,29	0,02
Нарушение мышления	3,18	0,50	0,00
Травматический опыт	2,18	0,71	0,00

Полученные данные свидетельствуют о том, что для несовершеннолетних осужденных характерен пониженный фон настроения, сочетающийся с высоким уровнем психического напряжения и тревоги. Это во многом связано с массивным травматическим

опытом. Анализ личных дел показывает, что отличительной особенностью семейного контекста у подростков основной группы было то, что они воспитывались в условиях диссоциального окружения, где преобладали неадекватные и непоследовательные модели воспитания. Их родители использовали неприемлемые воспитательные средства, связанные с агрессией и насилием.

Эмоциональный дискомфорт, в том числе имеющий соматические корреляты (шкала «Соматические жалобы»), нередко приводит к суицидальным мыслям и намерениям. Все это выступает предиспозицией для агрессивного и аутоагрессивного поведения. Для снятия психического напряжения несовершеннолетние осужденные часто прибегали к употреблению алкоголя и наркотиков (соответствующая шкала MAYSI-2).

Проблемы в эмоциональной сфере сопровождаются неверной оценкой социальных ситуаций (шкала «Нарушение мышления»). Такое сочетание является благоприятной почвой для проявления реакций гнева и раздражительности. Корреляционный анализ между параметрами MAYSI-2 и шкалой СОП «Волевой контроль эмоциональных реакций» (соответственно со шкалами «Гнев, раздражительность» и «Депрессия, тревога» – $r = -0,73$ и $r = -0,56$, при $(p < 0,001)$) свидетельствует о том, что эмоциональное неблагополучие несовершеннолетних осужденных сопровождается их сниженной способностью к произвольной регуляции своего поведения.

Заключение

Проведенное исследование показало, что у несовершеннолетних осужденных отмечается заострение ряда черт, которые характеризуют так называемую «асоциальную личность». У них наблюдается склонность к нарушению социальных норм и правил, сочетающаяся со слабым пониманием границ дозволенного и пониженным чувством вины за совершенные поступки. У подростков-правонарушителей отмечаются эмоциональная нестабильность, психическое напряжение и тревога в сочетании со слабостью контроля над возникающими побуждениями. Они склонны к реализации рискованных форм поведения без должного учета последствий возможной опасности для себя и окружающих. При этом потребность в ярких внешних впечатлениях нередко приводит к употреблению психоактивных веществ, что, в свою очередь, также снижает способность к саморегуляции. Повышенный уровень агрессивности и импульсивность могут провоцировать агрессивное и аутоагрессивное поведение. Наличие возможных клинически очерченных проблем, а также травматического опыта и суицидальных мыслей делает целесообразной скрининговую оценку психического неблагополучия осужденных подростков. Это позволит учесть клинические факторы риска противоправного поведения подростков и при необходимости организовать для них многопрофильное, комплексное клиничко-психологическое сопровождение.

Литература

1. Антонян Ю.М. Преступность и психические аномалии // Сов. государство и право. 1977. № 7. С. 100–115.
2. Выготский Л.С. Психология развития ребенка. М.: Смысл, 2004. 512 с.
3. Горьковая И.А. Психические аномалии и противоправное поведение несовершеннолетних // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. 2009. № 100. С. 178–

191.

4. Гурьева В.А. Клиническая и судебная подростковая психиатрия. М.: Генезис ЦСПА, 2001. 478 с.
5. Дебольский М.Г. Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право PSYJOURNALS.ru. 2014. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68316.shtml> (дата обращения: 26.05.2017).
6. Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением. М.: ГНЦ ССП имени В.П. Сербского, 2004. 352 с.
7. Закалюк А.П. Допреступное поведение и механизм совершения преступления при нарушениях психики пограничного характера // Проблемы изучения личности правонарушителя: сб. научных трудов. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР. 1984. С. 143–156.
8. Знаков В.В. Методика исследования макиавеллизма личности. М.: Смысл, 2001. 20 с.
9. Ильин Е.П. Психология риска. СПб.: Питер, 2012. 288 с.
10. Ильин Е.П. Психология совести. Вина, стыд, раскаяние. СПб.: Питер, 2016. 289 с.
11. Кил К.А. Психопаты. Достоверный рассказ о людях без жалости, без совести, без раскаяния. М.: Центрполиграф, 2015. 319 с.
12. Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения. М.: Сфера, 2004. 160 с.
13. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Речь, 2010. 256 с.
14. Макушкин Е.В. Клинико-эволютивная систематика и судебно-психиатрическое значение дизонтогенетических и поведенческих расстройств у подростков: автореф. дисс. ... д-ра мед. наук. М., 2002. 52 с.
15. Моросанова В.И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» [Электронный ресурс] // Энциклопедия психодиагностики. URL: <http://psylab.info> (дата обращения: 23. 11. 2016).
16. Назарова Н.Г., Ошевский Д.С. Психологические факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних осужденных // Юридическая психология. 2013. № 4. С. 15–19.
17. Ошевский Д.С., Дозорцева Е.Г. Перспективы использования структурированных методов оценки риска повторных деликтов при психологическом сопровождении несовершеннолетних правонарушителей с психическими расстройствами // Психическое здоровье. 2014. № 7 (98). С. 3–11.
18. Ошевский Д.С., Зубкова А.А. Индивидуально-психологические и социальные факторы риска агрессивного криминального поведения у несовершеннолетних с органическим поражением головного мозга [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Т. 6. № 3. С. 48–60. doi:10.17759/psylaw.2016060305 (дата обращения: 02. 06. 2017).

19. *Прядеин В.П.* Психодиагностика личности: Избранные психологические тесты: практикум. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2014. 215 с.
20. *Собчик Л.Н.* Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. М.: Речь, 2008. 624 с.
21. *Сухарева Г. Е.* Клинические лекции по психиатрии детского возраста. М.: Медгиз, 1955. 459 с.
22. *Филонов Л.Б.* Психологические способы изучения личности обвиняемого: учеб. пособие. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1983. 80 с.
23. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. 5th ed. (DSM-V). Washington, DC: American Psychiatric Association, 2013. 970 p.
24. *Grisso T.* Double jeopardy: Adolescent offenders with mental disorders. Chicago, 2004. 200 p.
25. *Hare R. D.* Psychopathy and Antisocial Personality Disorder: A Case of Diagnostic Confusion // Psychiatric Times. 1996. № 2. P. 39–40.
26. *Karpman B.* The Myth of Psychopathic Personality // American Journal of Psychiatry. 1948. № 104, March. P. 523–534.

Traits of antisocial personality of juvenile offenders

Starikova V. O., Master Student, Chair of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (starvictory1989@gmail.com)

Debolsky M. G., PhD in Psychology, Associate Professor, Professor, Department of legal psychology and law, faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education; senior researcher, PKU research Institute of the Federal penitentiary service of Russia (mdebolsky@mail.ru)

Oshevsky D. S., PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Legal Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, senior research associate, V.P. Serbsky State Research Center of Social and Forensic Psychiatry (oshevsky@serbsky.ru)

The article presents the results of an empirical study of the so-called traits of an «antisocial personality» in juvenile offenders. In the educational colony of the PKU, the Aleksinsky VK of the UFSIN of Russia in the Tula region and the GSPU "Financial College No. 35" in Moscow, 28 convicts and 17 teenagers with conditional-normative behavior were examined. To describe the individual characteristics that characterize the traits of «antisocial personality», a set of psychological techniques (tests and questionnaires) is selected. A survey map is drawn up, which includes parameters relating to the history of the life of adolescent offenders. It is shown that juvenile convicts are marked by a number of traits that can be considered as predictors of unlawful behavior. In accordance with the foreign medical classifiers (ICD-10, DSM-5) and structured evaluation methods (PCL-R), they are designated as traits of an «antisocial personality». The individual specificity of the traits of the «asocial personality» has been determined.

Keywords: antisocial personality traits, juvenile delinquents.

References

1. Antonyan Ju.M. Prestupnost' I psihicheskie anomalii [Criminality and mental anomalies]. Sov. Gosudarstvo I pravo [The modern state and law], 1977, no. 7, pp. 100–115.
2. Vygotskii L.S. Psikhologiya razvitiya rebenka [Child developmental psychology]. Moscow: Smysl, 2004. 512 p.
3. Gor'kovaya I.A. Psihicheskie anomalii protivopravnoe povedeniene sovershennoletnih [Mental anomalies and unlawful behavior of minors]. Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen], 2009, no. 100, pp. 178–191.
4. Gur'eva V.A. Klinicheskaja i sudebnaja podrostkovaja psihiatrija [Clinical and judicial teenage psychiatry]. Moscow: Genezis CSPA, 2001. 478 p.

5. Debol'skii M.G. Problemy riska recidiva pr iuslovno–dosrochnom osvobozhdenii osuzhdennyh [Elektronnyi resurs] [Problems of the risk of relapse with conditional early release of prisoners]. Psihologiya I pravo [Psychology and Law], 2014, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68316.shtml> (Accessed: 26.05.2017)
6. Dozorceva E.G. Anomal'noe razvitie lichnosti u podrostkov s protivopravnym povedeniem [Abnormal personality development in adolescents with unlawful behavior]. Moscow: GNC SSP im. V.P. Serbskogo, 2004. 352 p.
7. Zakalyuk A.P. Doprestupnoe povedenie i mehanizm soversheniya prestupleniya pri narusheniyah psihiki pogranichnogo haraktera [Pre–criminal behavior and the mechanism of committing a crime in borderline mental disorders]. Problemy izucheniya lichnosti pravonarushitelya. Sbornik nauchnyh trudov [Problems of studying the identity of the offender]. Moscow: VNII MVD SSSR. 1984, pp. 143–156.
8. Znakov V.V. Metodika issledovaniya makiavellizma lichnosti [Methods of studying the Machiavellian personality]. Moscow: Smysl, 2001. 20 p.
9. Il'in E.P. Psihologiya riska [Psychology of risk]. Sankt–Peterburg: Piter, 2012. 288 p.
10. Il'in E.P. Psihologiya sovesti. Vina, styd, raskajanie [The psychology of conscience. Wines, shame, remorse]. Saint Petersburg: Piter, 2016. 289 p.
11. Kil K.A. Psihopaty. Dostoverniy rasskaz o lyudyah bez zhalosti, bez sovesti, bez raskayaniya [Psychopaths. A reliable story about people without pity, without conscience, without remorse]. Moscow: Centrpoligraf, 2015. 319 p.
12. Kleiberg Ju.A. Social'naya psihologiya deviantnogo povedeniya [Social psychology of deviant behavior]. Moscow: Sfera, 2004. 160 p.
13. Lichko A.E. Psikhopatiii akcentuacii haraktera u podrostkov [Psychopathy and character accentuation in adolescents]. Saint Petersburg: Rech', 2010. 256 p.
14. Makushkin E.V. Kliniko–evolyutivnaya sistematika i sudebno–psikhiatricheskoe znachenie dizontogeneticheskikh i povedencheskikh rasstroistv u podrostkov: avtoreferat diss. d–ra med. nauk. [Clinico–evolutionary taxonomy and forensic psychiatric significance of dysontogenetic and behavioral disorders in adolescents. Ph. D (Medicine). Thesis]. Moscow, 2002. 52 p.
15. Morosanova V.I. Oprosnik «Stil' samoregulyacii povedeniya» [Elektronnyi resurs] [Questionnaire "Style of self–regulation of behavior"]. Available at: <http://psylab.info> (Accessed: 23. 11. 2016)
16. Nazarova N.G., Oshevskii D.S. Psihologicheskie factory riska agressivnogo povedeniya u nesovershennoletnih osuzhdennyh [Psychological risk factors for aggressive behavior in juvenile convicts]. Juridicheskaya psikhologiya [Legal Psychology], 2013, no. 4, pp. 15–19.

17. Oshevskii D.S., Dozorcheva E.G. Perspektivy ispol'zovaniya strukturirovannykh metodov ocenki riska povtornykh deliktov pri psikhologicheskom soprovozhdenii nesovershennoletnih pravonarushitelei s psikhicheskimi rasstroistvami [Prospects for using structured methods for assessing the risk of repeated delinquencies in the psychological accompaniment of juvenile offenders with mental disorders]. Psihicheskoe zdorov'e [Psychological health], 2014, no. 7 (98), pp. 3–11.
18. Oshevskii D.S., Zubkova A.A. Individual'no–psihologicheskie i social'nye factory riska agressivnogo kriminal'nogo povedeniya u nesovershennoletnih s organicheskim porazheniem golovnogo mozga [Elektronnyi resurs] [Individual psychological and social risk factors for aggressive criminal behavior in minors with organic brain damage]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016, no. 3. Available at: 10.17759/psylaw.2016060305 (Accessed: 02. 06. 2017)
19. Pryadein V.P. Psikhodiagnostika lichnosti : Izbrannye psihologicheskie testy : Praktikum [Psychodiagnosics of personality: Selected psychological tests: Practical work]. Surgut: Surgutskii Gosudarstvennyi Pedagogicheskii Universitet, 2014. 215 p.
20. Sobchik L.N. Psihologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki [Psychology of individuality. Theory and practice of psychodiagnostic]. Moscow: Rech', 2008. 624 p.
21. Suhareva G. E. Klinicheskie lektsii po psihiatrii detskogo vozrasta [Clinical lectures on childhood psychiatry]. Moscow: Medgiz, 1955. 459 p.
22. Filonov L.B. Psikhologicheskie sposoby izuchenii alichnosti obvinyaemogo. Uchebnoe posobie [Psychological methods of studying the personality of the accused]. Moscow: Akad. MVD SSSR, 1983. 80 p.
23. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. 5th ed. (DSM–V). Washington, DC: American Psychiatric Association, 2013. 970 p.
24. Grisso, T. Double jeopardy: Adolescent offenders with mental disorders. Chicago, 2004. 200 p.
25. Hare R. D. Psychopathy and Antisocial Personality Disorder: A Case of Diagnostic Confusion. Psychiatric Times, 1996, no. 2, pp. 39–40.
26. Karpman B. The Myth of Psychopathic Personality. *American Journal of Psychiatry*, 1948, no. 104. March, pp. 523–534.

Эмоциональный интеллект, психологическая граница личности и самоотношение в юношеском возрасте

Дегтярёв А. В., старший преподаватель кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ (DegtyarevAV@mgppu.ru)

Дегтярёва Д. И., педагог-психолог, специалист кафедры основ клинического психоанализа факультета психоанализа, Московский институт психоанализа (erofeeva-dasha@mail.ru)

В статье рассматривается проблема развития личности студента-психолога в рамках компетентностного подхода. Данный подход базируется на представлениях о том, что студент должен освоить определенный набор специальных компетенций, которые включают в себя знания, умения, навыки и личностные качества, необходимые для дальнейшей профессиональной деятельности. Иными словами, в процессе обучения будущий специалист должен овладеть уникальным набором профессиональных и личностных компетенций, соответствующих его индивидуальным особенностям.

К сожалению, чаще всего в образовательном процессе акцент стоит совсем не на развитии личностных качеств (компетенций), при том, что развитие личности в образовательном процессе – необходимое условие для формирования специалиста-психолога, который, в процессе обучения, находится в одном из достаточно сложных и малоизученных периодов – юношеском возрасте.

Таким образом, в данной работе представлена попытка теоретически выявить связи между эмоциональным интеллектом, психологической границей личности и самоотношением, а также продемонстрировать важность развития для личности будущего специалиста-психолога именно этих трех конструктов.

Ключевые слова: личность, компетенции, психологическая граница, эмоциональный интеллект, самоотношение, юношеский возраст.

Для цитаты:

Дегтярев А.В., Дегтярева Д.И. Эмоциональный интеллект, психологическая граница личности и самоотношение в юношеском возрасте. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 4. С. 92-105. doi: 10.17759/psylaw.207070408

For citation:

Degtyarev A.V., Degtyarev D.I. On the issue of forming personal competencies of future legal psychologists. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 4, pp.92-105.
doi: 10.17759/psylaw.2017070408

Поступление в высшее учебное заведение и последующее обучение в нем является очень важным и ответственным этапом в становлении личности. На протяжении данного, весьма длинного, пути подготовки студент сталкивается с множеством различных трудных задач, которые ему необходимо разрешить, связанных не только с образовательным процессом, но и с тем возрастным этапом, через который проходит человек в процессе обучения в вузе, а именно, с юношеским возрастом.

Юношеский возраст представляется в психологии как один из наиболее трудных периодов становления личности. В юношеском возрасте происходит развитие множества психологических конструктов, построение жизненных планов, требующее решение как нравственных, так и личных проблем, активно развиваются компоненты «Я-образа» и личностной рефлексии [1; 6].

Юношеский возраст располагается между подростковым возрастом и взрослостью. Иными словами, это возрастной период, служащий неким переходным полем, преодолевая которое подросток «перевосплащается» во взрослого человека. Границы юношеского возраста весьма расплывчаты.

Специалисты в различных, смежных с психологией областях определяют этот период от 16 до 20 лет у девушек и от 17 до 21 года у юношей. Однако в определении возрастных границ юности психологи расходятся. И в западной, и в отечественной психологии характерным является объединение отрочества и юности в один возрастной период, который называется периодом взросления (adolescence) и смыслом которого является переход от детства к взрослости. Но при этом в отечественной психологии, по сравнению с западной, проблеме периодизации развития зрелой личности уделялось меньше внимания, а современные авторы, такие как, например, В.Ф. Моргун и Г.С. Абрамова рассматривают юность как период от 18 до 23 лет [1; 5; 8].

Юность является одним из наиболее значимых периодов в жизни каждого человека, время, когда происходит становление жизненных и духовных ценностей, самоопределение и поиск своего места в мире. Как известно, одним из активно развивающихся компонентов личности в юношеском возрасте является самосознание. Действительно, именно в этом возрасте, как никогда, человек начинает обращать внимание на свой внутренний мир, свои чувства, мысли и желания. Осознавая свой внутренний мир, юноша выделяет для себя наиболее значимые потребности, формирует свою систему отношений с окружающим миром, приобщается к общечеловеческим ценностям. И от того, насколько человек осознает себя, свои желания и возможности, во многом зависит его дальнейшая жизнь.

Таким образом, юность – это первая ступень на пути к установлению подлинной социально-психологической независимости во всех жизненных сферах. Независимость в моральных, политических взглядах и суждениях, и конечно, в финансовое, материальном самообеспечении. Юность выступает как своеобразный переворот в психике человека,

связанный с осознанием многих противоречий в жизни, прежде недоступных подростку. Противоречий, связанных с ценностями, нормами и моралью, справедливостью и правом, способностью и возможностями, идеалами и реальностью, отношением к себе и окружающим.

Отношение к себе, или самоотношение, является одним из основных конструктов, рассматриваемых в данной работе. С введением И.И. Чесноковой понятия «эмоционально-ценностное самоотношение», в отечественной психологии были заложены новые теоретические основы в понимании самоотношения. Самоотношение является одним из важнейших компонентов, который окончательно формируется в юношеском возрасте. Определяя данный конструкт, И.И. Чеснокова описывает его как особый вид эмоционального переживания, связанного с собственным отношением личности к тому, что она находит, узнает и понимает касаясь самой себя. При этом эмоциональное переживание понимается как внутренняя динамическая, подвижная основа, посредством которой индивид осознает ценностный смысл персонального отношения к себе [23].

В отечественной психологии наиболее разработанной является концепция В.В. Столина. В основе данной концепции находятся идеи А.Н. Леонтьева о деятельности, сознании личности и представления о личностном смысле как одной из основных «образующих сознания». В.В. Столин предложил модель строения самоотношения, которая говорит о том, что основа самоотношения – это процесс, в котором качества и черты личности, т. е. собственное «Я», оцениваются личностью по отношению к тем мотивам, которые выражают потребность в самореализации. В целом, В.В. Столин рассматривает самоотношение как аффективный компонент самосознания [16].

Позднее, дорабатывая концепцию В.В. Столина, С.Р. Пантеев предположил, что невозможно верно понять определение самоотношения, рассматривая его лишь с точки зрения «собственно психических характеристик индивида», например таких, как эмоциональные состояния, установки, переживания. С.Р. Пантеев определял самоотношение как личностное образование. В связи с этим он утверждал, что содержание и строение самоотношения можно раскрыть только в конкретных реальных жизненных событиях субъекта. Деятельность, социальные ситуации развития, связанные со стремлением личности к самореализации, – именно эти составляющие могут определить и раскрыть суть самоотношения личности.

Индивид, осмысляя собственное «Я», и наделяя его личностным смыслом, исходит из конкретной ситуации развития, которая, в свою очередь, задает иерархию ведущих видов деятельности, основных мотивов и ценностей [8]. При этом выражение смысла «Я» осуществляется в специфическом языке, в котором кроме самооценочных суждений и эмоциональных реакций, сопровождающих эти суждения, важное место занимает эмоциональное самоотношение. Данный вид самоотношения реализуется в чувстве осознанности «Я», саморегуляции, самопринятии, самообвинении, самоуверенности, самопривязанности, внутренней конфликтности и самооценности [16].

Таким образом, мнения отечественных исследователей схожи в нескольких позициях, во-первых, эмоциональный компонент в структуре самоотношения является основным элементом данного конструкта, и, во-вторых, изменения, происходящие в эмоционально-волевой сфере в юношеском возрасте, являются основополагающими для формирования успешной в социальном плане личности.

Известно, что различные особенности эмоционально-волевой сферы могут приводить к негативным последствиям, например, подавление собственных эмоций зачастую ведет к их вытеснению из сознания, что, в свою очередь, не позволяет психологически переработать эмоции и влечет за собой разнообразные негативные последствия. Начиная с психосоматических расстройств, подавление, вытеснение эмоций может приводить к формированию девиантного и делинквентного поведения. Обусловлено это тем, что проблемы в эмоциональной сфере с большей силой проявляются у людей с пониженным уровнем саморегуляции [13]. Что могло бы способствовать разрешению вышеупомянутых проблем? Ответом может стать целенаправленная работа по развитию у индивида совокупности способностей, которые в начале XX в. в зарубежной, а позднее и в отечественной психологической литературе были названы эмоциональным интеллектом [2; 3; 12; 25; 26].

Главными авторами конструкта «эмоциональный интеллект» являются П. Салоуэй, Дж. Майер, а родилась данная концепция из понятия социального интеллекта, которое долгое время разрабатывалось Э. Торндайком, Г. Айзенком, Дж. Гилфордом, Д. Векслером и др.

П. Салоуэй и Дж. Майер постоянно дополняют свою теорию, акцентируя внимание на когнитивном компоненте эмоционального интеллекта. Согласно их представлениям, эмоциональный интеллект включает в себя понимание и ассимиляцию эмоциональной информации и чувств, различение и понимание эмоций и эмоциональных состояний, а также управление эмоциями [3].

Д. Гоулман, продолжая идеи Дж. Майера и П. Салоуэя, вносит ряд своих дополнений. Д. Гоулман доказал ценность конструкта «эмоциональный интеллект», когда выявил связь между ним и социальным успехом. Затем он выделил два типа навыков, которыми обладают люди с высоким эмоциональным интеллектом: личностные и социальные навыки. Описывая их, Д. Гоулман относил способности по управлению собой к личностным навыкам, а способности по управлению отношениями с другими людьми – к социальным навыкам. Из этого следует, что определение эмоционального интеллекта в данной теории звучит следующим образом: эмоциональный интеллект – это совокупность факторов, позволяющих личности чувствовать, удерживаться от фрустрации, регулировать настроение и мотивировать себя, благодаря чему контролировать импульсивные проявления и с помощью этого добиваться успеха [2; 26].

Параллельно с Д. Гоулманом, Р. Бар-Он, определяя эмоциональный интеллект, дает очень широкую трактовку данного понятия: эмоциональный интеллект – совокупность некогнитивных, эмоциональных способностей, личных и социальных, оказывающих влияние на способность человека продуктивно преодолевать давление и требования окружающего мира.

В отечественной психологии современные исследования эмоционального интеллекта представлены в работах Д.В. Люсина, И.Н. Андреевой, Е.А. Сергиенко, О.В. Белоконь, С.П. Деревянко, О.В. Овсянниковой, Т.А. Сысоевой, О.А. Гулевич и многих других [2; 3; 12].

Многие отечественные авторы, в частности И.Н. Андреева, связывают уровень развития эмоционального интеллекта в юношеском возрасте с индивидуальным проявлением самоактуализации. И.Н. Андреева утверждает, что человек, обладающий более развитым внутриличностным эмоциональным интеллектом, будет более естественен в

своих эмоциональных проявлениях, а также будет обладать более позитивным самоотношением, что, в свою очередь, может способствовать установлению глубоких и тесных взаимоотношений с другими людьми. Из этого следует, что «эмоциональный интеллект» – свойство психики, которое формируется под влиянием множества факторов, обуславливающих уровень развития человека и его отличительные индивидуальные особенности. Важно отметить, что эмоциональный интеллект формируется на протяжении жизни, в особенности в подростковом и юношеском возрасте [3].

В целом можно говорить о том, что идеи авторов когнитивных и смешанных моделей эмоционального интеллекта аналогичны в нескольких моментах, во-первых, эмоциональный интеллект – это совокупность личностных способностей, которые необходимо развивать в течение жизни с целью повышения социально-психологической адаптации личности. Во-вторых, ни один из авторов моделей эмоционального интеллекта до сегодняшнего времени не включил в свои концепции способности, касающиеся рефлексии телесности, например, способность распознавания своих телесных ощущений, импульсов, границ. Все это говорит о том, что в психологии до сих пор существуют идеи об «отдельности» эмоциональных состояний от телесных переживаний.

Считается, что юношеский возраст – это заключительный этап в становлении представлений о своей телесности, об образе своего тела и, в частности, о психологических границах личности [18; 19].

Понятия образа тела и его границ занимают центральное место среди терминов, описывающих телесные феномены. Для многих зарубежных авторов телесный образ стал ключевым объяснительным концептом в понимании проблем психопатологии. Впервые понятие границы в психологии появилось в работе В. Тауска при изучении больных шизофренией. Под переживанием «границ “Я”», В. Тауск понимает способность индивида выделять себя из пространства внешнего мира и интегрировать свои ощущения в целостное представление о себе и своем теле. В работе В. Тауска феномен «границ “Я”» получает статус самостоятельной психологической категории [22].

Дальнейший вклад в разработку проблемы феномена телесной границы вносит З. Фрейд. Не употребляя самого понятия «граница», Фрейд, тем не менее, весьма точно формулирует ее суть через описание «функция “Я”» и его места в структуре психического аппарата. Говоря о телесной поверхности, З. Фрейд описывает ее как перцептивную зону, которая воспринимает идущие извне и изнутри стимулы и за счет этого позволяющей субъекту выстраивать представление о себе и окружающем его мире [23].

Несмотря на то что данная проблема давно рассматривается учеными, в отечественной психологии внимание этому вопросу уделяется не столь давно. В различных областях гуманитарного знания исследовались самые разнообразные аспекты телесности, рассмотрены философские (онтологические и аксиологические) и социокультурные аспекты человеческой телесности. А для создания особой области психологического знания – психологии телесности были предложены различные теоретико-методологические основы. Множество исследований посвящено многообразию феноменов телесности: образ тела или образ физического “Я”, граница тела (граница телесности) [9–11; 14; 15; 18–22].

Отношение к собственному телу, так и к телу “Другого” может быть объектным и субъектным. Различия объектного и субъектного отношения к телу заключается в том, что

при объектном отношении человек будет занимать позицию внешнего наблюдателя, в то время как при субъектном отношении тело воспринимается как часть «Я». Из этого следует, что при объектном отношении тело будет иметь инструментальную ценность: оно должно быть хорошим инструментом для достижения поставленных задач и целей, т. е. красивым, сильным, здоровым и т. д. При субъектном же отношении к телу, тело выступает как равноправный субъект, у которого есть свои потребности и стремления, оно ощущается изнутри. Тело «перевосплощается» из чисто биологического понимания в телесность. Телесность же выступает как терминальная ценность, обозначающая не «иметь», а «быть» – «быть собой», «быть живым». При развитии способности чувствовать себя изнутри увеличивается осознаваемое внутреннее пространство, углубляется контакт с самим собой, что в последствии способствует углублению контакта с «Другим» [18].

Объектное отношение к телу может создавать многочисленные проблемы не только для конкретного человека, но и для общества в целом. Обращение к телесности, к живому телу обусловлено потребностью современного человека в возвращении к человеку чувствующему, целостному, такому, который является создателем и носителем неповторимых личностных смыслов, делающему самостоятельные выборы. Не исключено, что отклоняющееся поведение, проявляющееся, например, в аутоагрессии или в насильственных действиях, будет связано с отношением к своему телу и телу другого как к объекту [21].

Параллельно с развитием понятия телесности происходит изучение понятия психологической границы личности, которые то переплетаются в общий феномен, то становятся диаметрально противоположными, в зависимости от подходов, рассматривающих данную проблему.

Изучение проблемы психологической границы личности в психологии берет свое начало в XX в. В различных психологических школах и направлениях данный феномен имеет разнообразные обозначения и несет в себе различный смысл. По мнению А.Ш. Тхостова, эти различия во взглядах усложняют объективное изучение такого сложного и трудноуловимого феномена, как психологическая граница. Следует заранее оговорить, что далее будет использована различная терминология для обозначения данного феномена: энергетическая граница (Л. Марчер), граница жизни и граница «Я-чувства» (В.А. Подорога), внутренняя граница (А.Ш. Тхостов), граница контакта (Ф. Перлз). Несмотря на терминологическое разнообразие, речь пойдет об одном и том же феномене, который, согласно пониманию Т.С. Леви, называется «психологическая граница личности» [9; 10].

Если граница физического тела начинает формироваться благодаря «прикосновениям Мира», то психологическая граница формируется, в первую очередь, в результате собственных усилий, собственной активности. В результате осуществления человеком движений и действий возникает психологическая граница, и благодаря им же, она проявляется. Располагаясь на границе между внутренним и внешним миром, действие составляет ткань психологической границы [27].

Начало изучения психологической границы можно проследить в концепциях классического психоанализа. Психологическая граница воспринималась, в первую очередь, как некое препятствие, преграда на пути к удовлетворению своих потребностей, а также как границы между структурами личности (Ид, Эго, Супер-Эго). Позже, когда возник вопрос о внутренних границах, психологическая граница стала рассматриваться как внутренние

рамки, в которые сам себя помещает человек. По мнению К. Хорни, именно эти внутренние рамки, в которые человек помещает сам себя, позволяют ему адаптироваться к внешнему миру и выстраивать межличностные взаимоотношения [21].

В теории объектных отношений формирование границ происходит в процессе сепарации (отделения) ребенка от матери еще в раннем детстве. Несмотря на смещение акцента о причинах формирования психологической границы у разных авторов, общим для представителей теории объектных отношений остается понимание о том, что формирование и развитие психологической границы происходит в тесном телесном и эмоциональном контакте ребенка с матерью посредством преодоления симбиотических отношений и ощущением себя отдельного существа [14].

К. Левин, описывая теорию поля, выделяет функции и характеристики психологической границы. По мнению К. Левина, границы обеспечивают связь между соседними областями жизненного пространства. С одной стороны, с помощью границ человек обособляется от окружающего мира, с другой стороны – включается в него, становится его частью. В своих исследованиях К. Левин показывает, что ребенок является в большей степени частью среды, нежели взрослый, так как у детей граница с окружающей средой намного слабее, чем у взрослых. Таким образом, автор данной концепции выделяет свойства психологической границы: сила, прочность, проницаемость [14].

Вслед за К. Левиным вопрос психологической границы поднимается в гештальтпсихологии. Ф. Перлз говорит о понятии «граница» как о центральном понятии своей теории, разделяющим и соединяющим Среду и Организм. Ф. Перлз настаивает на том, что граница между Средой и Организмом выступает не только в качестве соединения или разделения их между собой, но прежде всего служит полем их взаимодействия – т. е. границей контакта. Контакт выступает тем местом, в котором «Я» вступает во взаимодействие с «Другим». Устанавливать границы – значит определять рамки контакта во взаимодействии человека с окружающим миром. Нарушения на границе контакта (интроекция, проекция, слияние, ретрофлексия) служат, по мнению автора, основополагающим в развитии неврозов [17].

В контексте данного подхода с помощью границ формируются способности к внешнему различению («Я»–«Другой») и внутренней дифференциации («Я»–«не-Я»). По мнению Ф. Перлза, граница контакта не принадлежит целиком организму, она является неотъемлемым «органом» конкретного взаимодействия со средой. Поскольку в данном направлении границы представляют собой подвижные, динамические образования, которые можно передвинуть, разрушить, стереть, открыть, важную роль в трансформации границ представляет собой активная и ответственная позиция личности.

В отечественной психологии термин «психологическая граница» стал использоваться сравнительно недавно, несмотря на то, что тенденции прослеживаются во многих ранних работах, выполненных преимущественно в культурно-исторической парадигме. Неявно вопрос границ поднимается в исследованиях, где психическое развитие ребенка понимается как непрерывное взаимодействие между «Я» и «Другим» [20]. Однако лишь в последние десятилетия психологическая граница становится непосредственным предметом исследований отечественных психологов.

С.К. Нартова-Бочавер связывает границу личного пространства не только с физическим пространством, но и с внутренним миром человека, который позволяет ощущать собственную суверенность [15]. Она выделяет шесть измерений суверенности психологического пространства личности. Психологическое пространство осознается вблизи своих границ и не осознается в тех областях, которые не подвергались никаким изменениям в последнее время. Данное «осознание» проявляется в поведении человека тогда, когда он встречается с «Другим», где «Другой» является значимым для внутреннего мира человека.

Т.С. Леви, разрабатывая понятие «психологическая граница личности», опирается на взгляды В.П. Зинченко, который понимал любой психический процесс как действие функционального органа по А.А. Ухтомскому. Ухтомский, определяя понятие функционального органа, подчеркивал, что это не морфологическое, а энергичное образование, т. е. сочетание сил, которое способно осуществлять определенные достижения. В.П. Зинченко акцентировал внимание на том, что важнейшая черта функциональных органов состоит в том, что они существуют виртуально и наблюдаемы, и то лишь частично, в исполнении, т. е. в активности, в том числе и в активном покое, в действии, в поступке. Функциональный орган – новообразование, возникающее лишь в активности индивида, который взаимодействует с окружающей средой [7].

Т.С. Леви дает следующее определение феномену психологической границы: «Психологическая граница личности – виртуально-энергичное образование, функциональный орган, который возникает в активности индивида, взаимодействующего со средой». По мнению Т.С. Леви, развитие и изменение психологической границы происходит на протяжении всей жизни, но самыми активными периодами развития является старший подростковый и юношеский возраст. Автор утверждает, что существует «оптимальная» психологическая граница, которую человек создает сам на протяжении всей жизни. Граница формируется путем, прежде всего, преодоления индивидуумом симбиотических отношений, осознания своего внутреннего пространства, умения и желания его отстаивать. Также, обретая внутреннее право на самоопределение и свободу, и вместе с этим ответственность за себя и собственное воздействие на других, человек формирует оптимальную границу личности [9–11].

Т.С. Леви указывает, что человек, имеющий оптимальную психологическую границу, способен в зависимости от состояния мира и своего желания менять характеристики границы. Актуализируя те или иные функции психологической границы, человек обеспечивает такое взаимодействие с миром, которое будет адекватно его возможностям, мотивам и ценностям [9]. Оптимальная граница характеризуется шестью функциями.

1. Невпускающая функция — психологическая граница непроницаема для внешних воздействий, которые оцениваются как вредные. В данном контексте человек может сказать «нет», оттолкнуть, остановить напор. Данная функция предполагает внутреннее ощущение человека на независимость, на собственное психологическое пространство.

2. Проницаемая функция — психологическая граница пропускает внешние воздействия. Данная функция психологической границы предполагает, что человек чувствует себя уверенно и испытывает доверие к «Другому». При этом растворение границы не означает растворения «Я».

3. Вбирающая функция — психологическая граница «вбирает» нужное из окружающего мира. Такое преобразование границы предполагает внутреннее право человека на удовлетворение собственных потребностей, оно позволяет открыто заявлять о своих потребностях и активно стремиться к их удовлетворению.

4. Отдающая функция — психологическая граница пропускает внутренние стимулы. Данная функция предполагает внутреннее право человека на выражение себя, если это адекватно условиям окружающего мира.

5. Сдерживающая функция – психологическая граница дает возможность «контейнировать» внутреннюю энергию, когда это необходимо и адекватно состоянию окружающего мира.

6. Спокойно-нейтральная функция выражает спокойное состояние человека, не мотивированного к активному взаимодействию с миром «здесь и сейчас» в случае аналогичного состояния мира. Спокойно-нейтральная функция является базовой, так как именно она обеспечивает возможность психологической границе быть гибкой и адекватной.

Для гармоничного взаимодействия человека с окружающим миром важно сбалансированное развитие всех функций психологической границы личности.

Таким образом, психологическая граница личности, эмоциональный интеллект и самоотношение, объединяясь в единое поле, создают новую систему координат, ориентируясь на которую, возможно выстроить более эффективный процесс подготовки специалистов-психологов. Более того, данная система, при помощи разработки и внедрения различных программ для коррекционной, реабилитационной, развивающей и профилактической видов и направлений деятельности, позволит строить и внедрять новые практические инструменты, касающиеся развития личности в подростковом и юношеском возрасте в целом.

Литература

1. *Абрамова Г.С.* Возрастная психология: Учебное пособие для вузов. М.: Издательский центр «Академия», 1999. 672 с.
2. *Андреева И.Н.* Азбука эмоционального интеллекта. СПб.: «БХВ-Петербург», 2012. 288 с.
3. *Андреева И.Н.* Эмоциональный интеллект как фактор самоактуализации. Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям / Под. ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во ИП РАН, 2009. 348 с.
4. *Бескова Д. А., Тхостов А.Ш.* Телесность как пространственная структура. Междисциплинарные проблемы психологии телесности / Под. ред. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. М.: Изд-во МЦИ, 2004. С. 133–148.
5. *Герасимов П.Е.* Теоретические аспекты проблемы «Самоотношения» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2010. № 4. С. 80–84.
6. *Давыденко Е.Л., Протасова И.Н.* Самооценка в юношеском возрасте // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2014. № 39. С. 103–107.

7. *Зинченко В.П.* Алексей Алексеевич Ухтомский и психология (К 125-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 2000. № 4. С. 79–97.
8. *Кулагина И.Ю., Колюцкий В.Н.* Возрастная психология. Полный жизненный цикл развития человека: учеб. пособие. М.: Изд-во Юрайт, 2009. 464 с.
9. *Леви Т.С.* Динамика психологических границ в процессе личностно-развивающей работы, основанной на телесном движении // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 36–41.
10. *Леви Т.С.* Телесная парадигма развития личностной аутентичности. М.: Изд-во МосГУ, 2011. 191 с.
11. *Леви Т.С.* Динамика психологических границ в процессе личностно-развивающей работы, основанной на телесном движении // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 36–41.
12. *Люсин Д.В.* Социальный интеллект: Теория, измерения, исследование. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. 176 с.
13. *Мартьянова Г.Ю.* Особенности самоотношения субъектов трудной жизненной ситуации // Научный диалог. 2013. № 4. С. 74–84.
14. *Марцинковская Т.Д.* Психологические границы: история и современное состояние // Мир психологии. 2008. № 3. С. 55–62.
15. *Нартова-Бочавер С.К.* Понятие «психологическое пространство личности» и его эвристические возможности // Психологическая наука и образование. 2002. № 1. С. 35–41.
16. *Пантилеев С.Р.* Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: Изд-во МГУ, 1994. 110 с.
17. *Перлз Ф.* Практика гештальт-терапии: пер. с нем. М.: Изд-во Институт общегуманитарных исследований, 2005. С. 20–35.
18. Психология телесности. Между душой и телом / Под ред. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М.: Изд-во АСТ, 2007. 732 с.
19. Психосоматика: телесность и культура: учеб. пособие / Под ред. В.В. Николаевой. М.: Академический проект, 2009. 311 с.
20. *Рягузова Е.В.* Виды и функции границ в психологических исследованиях. Саратов: Изд-во «Известия Саратовского университета». Новая серия. Философия. Психология. Педагогика, 2011. Выпуск 1. С.89–94.
21. *Сахарова Н.А., Щукина Ю.В.* Феномен «Психологические границы личности» в психологии // Психологический журнал. 2014. № 3. С. 1–9.
22. *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 286 с.
23. *Хватова М.В.* Самоотношение в структуре психологически здоровой личности. М.: Гаудеамус. 2015. № 1. С. 9–17.
24. *Эриксон Э.Г.* Идентичность: юность, кризис: пер. с англ. М.: Изд-во МПСИ, 2006. С. 45–67.
25. *Mayer J.D.* Emotional Intelligence: Popular or Scientific Psychology. N.Y.: Basic books,

Дегтярев А.В., Дегтярева Д.И. Эмоциональный интеллект, психологическая граница личности и самоотношение в юношеском возрасте. *Психология и право psyandlaw.ru* 2017. Том 7. №4. С. 92-105.
Degtyarev A.V., Degtyarev D.I. On the issue of forming personal competencies of future legal psychologists. *Psychology and law psyandlaw.ru* 2017. Vol. 7. no.4. pp. 92-105.

2005. P. 22–45.

26. *Mayer J.D., Salovey P.* Emotional Intelligence. N.Y.: Basic books, 2005. P. 23–34

On the issue of forming personal competencies of future legal psychologists

Degtyarev A. V., senior Lecturer, Chair of Law Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (DegtyarevAV@mgppu.ru)

Degtyareva D. I., educational psychologist, the foundations of the department employe clinical psychoanalysis psychoanalysis faculty of the Moscow Institute of psychoanalysis (erofeeva-dasha@mail.ru)

The article deals with the problem of personality development of a student-psychologist within the framework of a competence approach. The competence approach, in general terms, is based on the notion that a student must master a certain set of special competencies that include the knowledge, skills, skills and personal qualities necessary for further professional activities. In other words, in the process of training, the future specialist must master a unique set of professional and personal competencies, corresponding to his individual characteristics. However, most often in the educational process, the emphasis is not on developing the necessary personal qualities (competences). Relying on the main provisions of cultural and historical psychology, which most consistently formulated by V.V. Davydov, in particular, that the intellect and emotions should be in internal unity, and that the universal moments of the person's mental development are his education and upbringing, in this work a model is proposed for the development of the personal competencies of a psychologist student, which includes three elements: psychological Border of personality, emotional intelligence and self-relationship.

Key words: personality, competence, psychological boundary, emotional intelligence, self-relationship, adolescence.

References

1. Abramova G.S. Vozrastnaya psikhologiya: Uchebnoe posobie dlya Vuzov [Age Psychology: A Textbook for Universities]. Moscow: «Akademiya», 1999. 672 p.
2. Andreeva I.N. Azbuka emotsional'nogo intellekta [The ABCs of emotional intelligence]. Saint-Petersburg: Publ. «BKhV–Peterburg», 2012. 288 p.
3. Andreeva I.N. Emotsional'nyi intellekt kak faktor samoaktualizatsii. Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: Ot protsessov k izmereniyam [Emotional intelligence as self-actualization factor. Social and emotional intelligence: From Process to measurements]. In Lyusin, D.V, Ushakov D.V (ed.). Moscow: Publ. IP RAN, 2009. 348 p.

4. Beskova D.A., Tkhostov, A.Sh. Telesnost' kak prostranstvennaya struktura. Mezhdistsiplinarnye problemy psikhologii telesnosti [Corporeality as the spatial structure. Cross-cutting issues of psychology of corporeality]. In: Zinchenko V. P, Levi T. S. (ed). Moscow: Publ. MTsI, 2004. pp. 133–148.
5. Gerasimov P.E. Teoreticheskie aspekty problemy «Samootnosheniya» ["Self-relation" Theoretical aspects of the problem.]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [Proceedings of the Saratov University. New episode. Series Acmeology of Education. Developmental Psychology], 2010, no. 4, pp. 80–84.
6. Davydenko E.L., Protasova I.N. Samoottenka v yunosheskom vozraste. [Self-esteem in adolescence]. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii* [Person, family and society: questions of pedagogy and psychology], 2014, no. 39-2, pp. 103–107.
7. Zinchenko V.P. Aleksei Alekseevich Ukhtomskii i psikhologiya (K 125-letiyu so dnya rozhdeniya) [Alexei Ukhtomsky and psychology (the 125th anniversary of his birth)]. *Voprosy psikhologii* [Psychology issues], 2000, no. 4. pp. 79–97.
8. Kulagina I.Yu., Kolyutskii, V.N. Vozrastnaya psikhologiya. Polnyi zhiznennyi tsikl razvitiya cheloveka. Uchebnoe posobie [Age-related psychology. The complete life cycle of human development. Tutorial]. Moscow: Publ. Yurait, 2009. 464 p.
9. Levi T.S. Dinamika psikhologicheskikh granits v protsesse lichnostno-razvivayushchei raboty, osnovannoi na telesnom dvizhenii [Dynamics of psychological boundaries in the process of personality-developing work based on bodily movements]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2009, no. 1, pp. 36–41.
10. Levi T.S. Telesnaya paradigma razvitiya lichnostnoi autentichnosti: nauchnoe izdanie [Bodily paradigm of personal authenticity]. Moscow: Publ. MosGU, 2011. 191 p.
11. Levi T.S. Dinamika psikhologicheskikh granits v protsesse lichnostno-razvivayushchei raboty, osnovannoi na telesnom dvizhenii [Dynamics of psychological boundaries in the process of personal development work based on bodily movement]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2009. no. 1. pp. 36–41.
12. Lyusin D.V. Sotsial'nyi intellekt: Teoriya, izmereniya, issledovanie [Social Intelligence: Theory, measurement, study]. Moscow: Publ. IP RAN, 2004. 176 p.
13. Mart'yanova G.Yu. Osobennosti samootnosheniya sub"ektov trudnoi zhiznennoi situatsii [Features of the self subjects of difficult situations]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2013, no.4, pp. 74–84.
14. Martsinkovskaya T.D. Psikhologicheskie granitsy: istoriya i sovremennoe sostoyanie [Psychological borders: history and current status]. *Mir psikhologii* [The world of psychology], 2008, no. 3, pp. 55–62.
15. Nartova–Bochaver S.K. Ponyatie "psikhologicheskoe prostranstvo lichnosti" i ego evristicheskie vozmozhnosti [The concept of "psychological space of the individual"

- and its heuristic capabilities]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2002, no. 1, pp. 35–41.
16. Pantileev S.R. Samootnoshenie kak emotsional'no-otsenoch'naya sistema [Self-emotionally-grading system.]. Moscow: Publ. MGU, 1994. 110 p.
  17. Perlz F. Praktika geshtal't-terapii: per. s nem. [The practice of Gestalt therapy]. Moscow: Publ. Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2005, pp. 20–35. (In Russ.).
  18. Psikhologiya telesnosti mezhdru dushoi i telom [Psychology physicality between soul and body]. In Zinchenko V.P., Levi T.S. (ed). Moscow: Publ. ACT, 2007. 732 p.
  19. Psikhosomatika: telesnost' i kul'tura: Uchebnoe posobie [Psychosomatics: physicality and culture: Textbook]. In Nikolaeva V.V. (ed). Moscow: Publ. Akademicheskii Proekt, 2009. 311 p.
  20. Ryaguzova E.V. Vidy i funktsii granits v psikhologicheskikh issledovaniyakh [Forms and border functions in psychological studies]. Saratov: Publ. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika, 2011, no.1, pp. 89–94.
  21. Sakharova N.A., Shchukina Yu.V. Fenomen «Psikhologicheskie granitsy lichnosti» v psikhologii [The phenomenon of "psychological border of personality" in psychology.]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2014, no.3, pp. 1–9.
  22. Tkhostov A.Sh. Psikhologiya telesnosti [Psychology of corporeality]. Moscow: Publ. Smysl, 2002. 286 p.
  23. Khvatova M.V. Samootnoshenie v strukture psikhologicheski zdorovoi lichnosti [Self-structure in the psychological health of the individual]. Moscow: Publ. Gaudeamus. 2015, no.1, pp. 9–17.
  24. Erikson E.G. Identichnost': yunost', krizis: per. s angl. [Identity: youth and crisis. Translation from English]. Moscow: Publ. MPSI, 2006, pp. 45–67.
  25. Mayer J.D. Emotional Intelligence: Popular or Scientific Psychology. N.Y.: Basic books, 2005, pp. 22–45.
  26. Mayer J.D., Salovey P. Emotional Intelligence. N.Y.: Basic books, 2005, pp. 23–34.

Толерантность к неопределенности и выбор копинг- стратегий у сотрудников правоохранительных органов

Рогачев В.А., магистр психологии, выпускник кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (elk.73@mail.ru)

Коноплева И.Н., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (ing01@mail.ru)

В статье рассматривается проблема изучения толерантности к неопределенности и копинг-поведения у сотрудников правоохранительных органов. Проблема копинг-поведения является одной из наиболее актуальных для юридической психологии при изучении психологических особенностей деятельности и личности сотрудников правоохранительных органов. Эффективность служебной деятельности достигается не только профессиональными знаниями и навыками, но и особенностями толерантности к неопределенности и стресс-преодолевающего поведения у сотрудников в напряженных и особых условиях. Рассмотрены толерантность/интолерантность (ТН/ИНТ) к неопределенности, копинг-поведение, его сущность и основные составляющие компоненты. Определены основные направления в изучении копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов. В исследовании участвовали 78 сотрудников ФСКН России в возрасте от 20 до 50 лет с различной календарной выслугой в органах наркоконтроля. Приводятся результаты эмпирического исследования, направленного на изучение особенностей толерантности к неопределенности и копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов, установление специфики их взаимосвязи. Выявлены различия в уровне толерантности к неопределенности и выборе копинг-стратегий у сотрудников в зависимости от стажа службы в правоохранительных органах и уровня нервно-психической устойчивости.

Ключевые слова: ситуация неопределенности, толерантность/интолерантность к неопределенности, копинг-поведение, копинг-стратегии, копинг-ресурсы, сотрудники правоохранительных органов.

Для цитаты:

Рогачев В.А., Коноплева И.Н. Толерантность к неопределенности и выбор копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 4. С. 106-126.

doi: 10.17759/psylaw.207070409

For citation:

Rogachev V.A., Konopleva I.N. Tolerance to uncertainty and the choice of coping strategies in law enforcement. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 4. pp.106-126.

doi: 10.17759/psylaw.2017070409

В современном мире профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов протекает в экстремальных условиях, сопряженных с особым риском и отличается высокой нервно-психической напряженностью, которая возникает в результате воздействия различных многочисленных стресс-факторов, а также в ситуациях, характеризующихся условиями неопределенности. Неопределенность в профессиональной деятельности сотрудника правоохранительных органов может выступать фактором стресса, фрустрации, напряжения и приводить к нарушению профессионального здоровья. Становится очевидным, что толерантность к неопределенности и стресс-преодолевающее поведение являются одним из важных психологических факторов обеспечения надежности, эффективности и успеха профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Изучение данного направления является наиболее актуальной в юридической и экстремальной психологии при изучении психологических особенностей деятельности и личности у сотрудников правоохранительных органов.

Цель нашего исследования – изучение особенностей толерантности к неопределенности и копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов (на примере сотрудников ФСКН России).

Объект исследования – толерантность к неопределенности и копинг-стратегии у сотрудников правоохранительных органов.

Предмет исследования – взаимосвязь толерантности к неопределенности с копинг-стратегиями, а также с другими психологическими особенностями сотрудников правоохранительных органов.

Гипотезы исследования.

1. Между толерантностью/интолерантностью к неопределенности и копинг-стратегиями совладающего поведения у сотрудников правоохранительных органов существует взаимосвязь, обуславливающая оптимальный выбор стратегий для преодоления ситуации неопределенности.

2. Уровень нервно-психической устойчивости и стаж службы в правоохранительных органах определяют уровень толерантности/интолерантности к неопределенности и особенности выбора копинг-стратегий, т. е. высокий уровень НПУ и большой стаж службы способствуют высокому уровню толерантности/интолерантности к неопределенности и выбору продуктивных копинг-стратегий.

Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» [19], упразднил Федеральную службу Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков и передал ее полномочия и функции МВД России. Исследование проводилось в апреле 2016 г., поэтому позволило выявить максимально достоверные показатели толерантности к неопределенности и копинг-стратегии совладающего поведения у сотрудников в ситуации реформирования органов наркоконтроля.

Объем выборки и база исследования. Выборку исследования составили 78 сотрудников отдела охраны Управления специального назначения и охраны 9 Департамента ФСКН России в возрасте от 21 до 50 лет (средний возраст 34,8 лет) с различной календарной выслугой в правоохранительных органах (средняя выслуга 12,08 лет), все мужчины. В группе испытуемых 15 офицеров, 28 старших прапорщиков и 35 прапорщиков.

Для выполнения поставленных задач исследования выборка была разделена на три группы по уровню нервно-психической устойчивости (НПУ): 1-я группа – высокий уровень НПУ, 27 сотрудников; 2-я группа – хороший уровень НПУ, 25 сотрудников; 3-я группа – удовлетворительный уровень НПУ, в третью группу были также включены 2 сотрудника с неудовлетворительным уровнем НПУ, всего 26 сотрудников. По выслуге лет в правоохранительных органах: 1-я группа – стаж службы до 5 лет, 23 сотрудника; 2-я группа – стаж службы от 6 лет до 10 лет, 14 сотрудников; 3-я группа – стаж службы от 11 лет до 15 лет, 16 сотрудников; 4-я группа – стаж службы от 16 лет и более, 25 сотрудников.

При проведении исследования нами были использованы следующие **методики**.

- Стандартизированный опросник С. Баднера «Толерантность и интолерантность к неопределенности» в модификации Т.В. Корниловой и М.А. Чумаковой [6].
- Методика психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями «Стратегии совладающего поведения» (ССП), адаптирована и стандартизирована в лаборатории клинической психологии НИПНИ имени Бехтерева под руководством Л.И. Вассермана [12].
- Опросник «Личностные факторы принятия решения» (ЛФР-25) Т.В. Корниловой [5].
- Тест диагностики реактивной и личностной тревожности. Разработан Ч.Д. Спилбергером и адаптирован Ю.Л. Ханиным [18].
- Анкета «Прогноз-2», разработанная В.Ю. Рыбниковым [15].

Статистическая обработка данных. Нами были использованы: коэффициент ранговой корреляции Спирмена для выявления взаимосвязи двух независимых признаков у одной и той же группы испытуемых; U-критерий Манна-Уитни – для оценки различий между двумя независимыми выборками. Также нами применялся статистический критерий нормальности Колмогорова-Смирнова. Обработка результатов проводилась с использованием программного пакета SPSS, версия 17.0 (русскоязычная).

Исследование понятия «толерантность к неопределенности» рассматривается в различных концептуальных подходах. Первый подход описан в работах Э. Френкель-Брунстик [21, 22] в 1948 и в 1949 гг. в рамках изучения авторитарной личности. Теория черт в концепции восприятия, предложенная С. Баднером [20] в 1962 г., определяет второй подход к анализу толерантности к неопределенности. Третий подход рассматривает толерантность к неопределенности в моделях рационального принятия решений и основывается на понятии «вероятность» [9].

Анализ понятия «толерантности к неопределенности», рассмотренный в различных подходах, позволил установить, что феномен толерантности к ситуациям неопределенности является сложным понятием, для характеристики которого используются различные теоретические конструкты – «когнитивный стиль», «тип индивидуальности», «личностная черта», «процесс принятия риска», «система убеждений».

В 1962 г. американский психолог Лойс Б. Мерфи в своих исследованиях кризисов взросления ввела понятие «копинг» или «совладание». Л. Мерфи определяла «coping» как попытку индивида конструктивно преобразовать ситуацию, которая является для него угрожающей и заставляет мобилизовать внутренние ресурсы [3].

Стратегии совладающего поведения в ситуациях неопределенности были рассмотрены в работах разных авторов, среди которых можно выделить Е.В. Битюцкую [2], Т.В. Корнилову [5], И.Н. Леонова [9] и др. В данных работах толерантность к неопределенности рассматривается как один из ключевых ресурсов личности при преодолении стрессовых ситуаций.

Концепция копинга сегодня становится одним из центральных аспектов современной теории стресса, а копинг-поведение и толерантность к неопределенности рассматриваются как стабилизирующий фактор, способствующий адаптации личности к воздействию различных стрессовых и неопределенных ситуаций.

На основе имеющихся представлений о копинг-поведении сотрудников правоохранительных органов [4, 8, 14, 16, 17] нами были сформулированы цели и задачи собственного исследования, ориентированного на определение оптимальных копинг-стратегий для преодоления ситуации неопределенности.

С помощью опросника «Толерантность и интолерантность к неопределенности» С. Баднера в модификации Т.В. Корниловой и М.А. Чумаковой [6] мы определили уровень ТН/ИНТ к неопределенности у сотрудников правоохранительных органов. ТН/ИНТ к неопределенности рассматривались нами как две переменные, а не противоположные полюса одной шкалы. Мы получили следующие показатели, которые представлены на рис. 1 и 2.

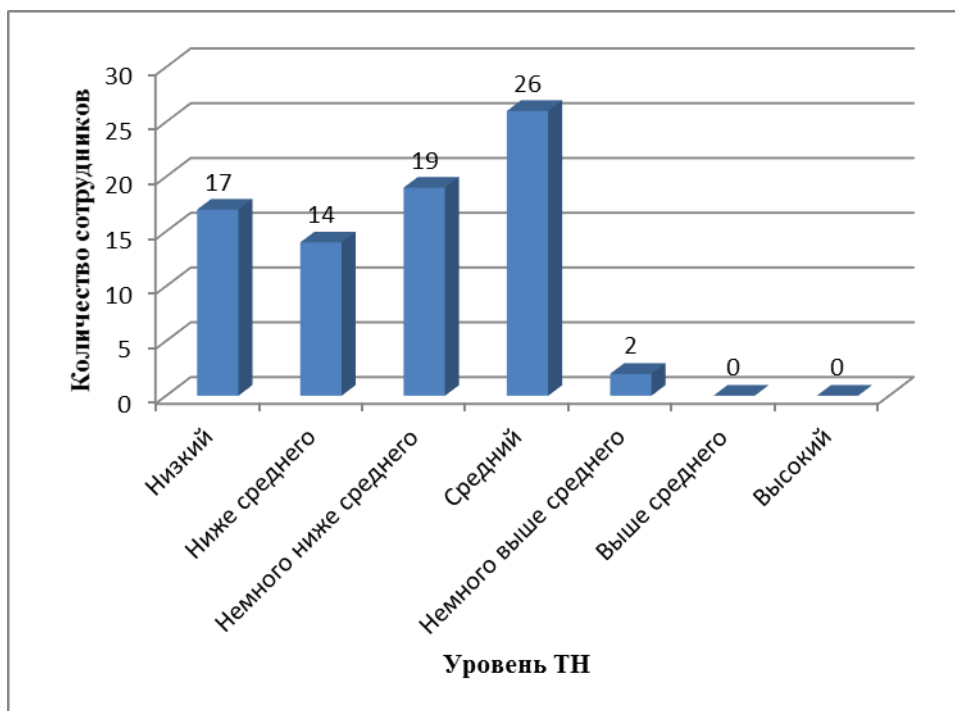

Рис. 1. Показатели уровня толерантности к неопределенности у сотрудников правоохранительных органов

Как мы видим из рисунка 1, высоким и выше среднего уровнем толерантности не обладает ни один сотрудник. Уровнем толерантности немного выше среднего обладают 2 сотрудника. Средний уровень толерантности – у 26 сотрудников. Уровни толерантности к неопределенности: немного ниже среднего – у 19 сотрудников; ниже среднего – у 14 сотрудников; низкий уровень – у 17 сотрудников.

Средний показатель по выборке составляет 38,56 Т-баллов – этот показатель соответствует уровню толерантности к неопределенности немного ниже среднего. Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство сотрудников не проявляют стремления к новизне, изменениям и оригинальности, к решению сложных задач, к выходу за рамки ограничений и к самостоятельности. Данные показатели объясняются профессиональной деятельностью сотрудников правоохранительных органов, которая заключается в беспрекословном исполнении приказов, распоряжений и поставленных вышестоящим руководством задач.

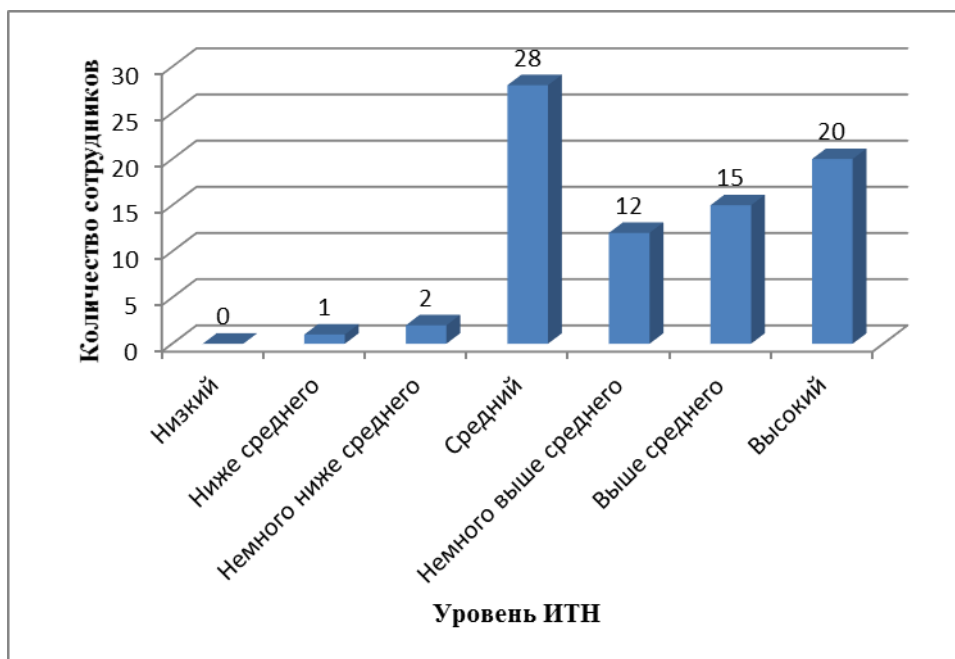

Рис. 2. Показатели уровня интолерантности к неопределенности у сотрудников правоохранительных органов

Как мы видим из результатов, представленных на рисунке 2, низким уровнем интолерантности к неопределенности не обладает ни один из сотрудников. Высокий уровень ИТН – у 20 сотрудников, выше среднего – у 15 сотрудников, немного выше среднего – у 12 сотрудников, средний уровень – у 28 сотрудников. Средний показатель по выборке составляет 60,35 Т-баллов – этот показатель соответствует уровню толерантности к неопределенности немного выше среднего. Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство сотрудников фокусируются на неприятии неопределенности, стремятся к ясности и упорядоченности в своей профессиональной деятельности, строго руководствуются приказами, служебными инструкциями и правилами.

Таким образом, как мы видим из полученных результатов, сотрудники правоохранительных органов обладают средним уровнем ТН к неопределенности и уровнем немного выше среднего ИТН к неопределенности, что подтверждается другими исследованиями толерантности к неопределенности у военнослужащих [7].

На рис. 3 представлены средние результаты ТН/ИТН к неопределенности в различных группах в зависимости от стажа службы.

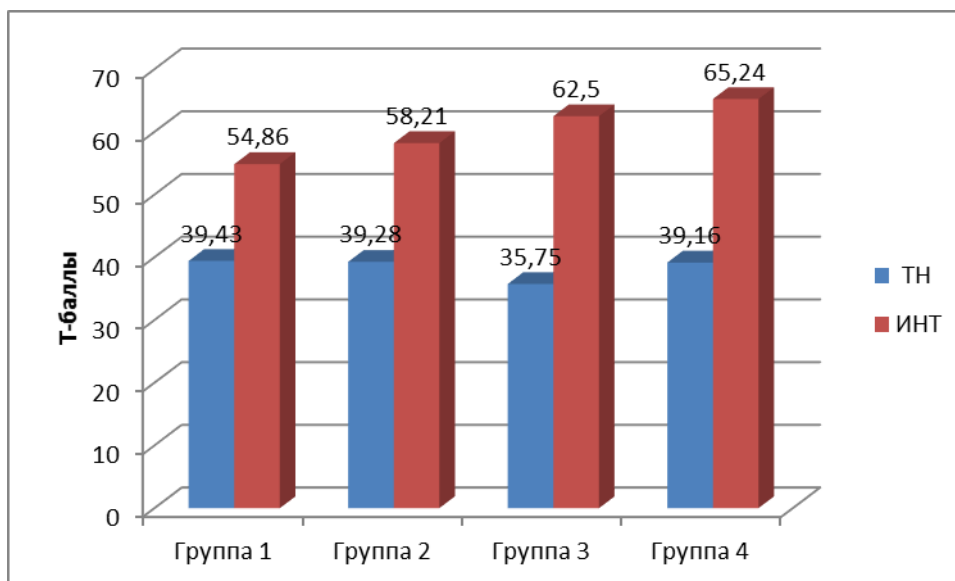

Рис. 3. Показатели уровня ТН/ИНТ к неопределенности у сотрудников правоохранительных органов с различным стажем службы в Т-баллах:

Группа 1 – до 5 лет; Группа 2 – от 6 до 10 лет; Группа 3 – от 11 лет до 15 лет; Группа 4 – от 16 лет и более

Как мы видим из рис. 3, уровень ТН к неопределенности в трех группах (1, 2, 4) находится на одном уровне и соответствует уровню «немного ниже среднего», в группе 3 – значение ТН к неопределенности соответствует уровню «ниже среднего». Для оценки различий уровня ТН к неопределенности у сотрудников с различным стажем службы в правоохранительных органах нами использовался U-критерий Манна-Уитни. Проведенный анализ статистически значимых различий в уровне толерантности к неопределенности у сотрудников с различным стажем службы в правоохранительных органах не выявил (см. табл. 1).

Уровень ИНТ к неопределенности у сотрудников правоохранительных органов увеличивается прямо пропорционально стажу службы – чем больше стаж, тем выше уровень ИНТ к неопределенности (рис. 3). Полученные данные подтверждаются другими исследованиями, проведенными с сотрудниками противопожарной службы [13]. Проведенный анализ выявил статистически значимые различия в уровне ИНТ к неопределенности в следующих группах сотрудников: сотрудники со стажем службы до 5 лет менее интолерантны, чем сотрудники со стажем службы от 10 до 15 лет на уровне значимости $p=0,016$ и свыше 16 лет, на уровне значимости $p=0,000$ (табл. 1). Данное обстоятельство может быть связано с тем, что по мере увеличения стажа службы на первый план при выполнении служебных обязанностей выступает четкое выполнение приказов, инструкций, правил и поставленных задач, стремление к ясности и упорядоченности полученной информации, неприятие неопределенности и проявления самостоятельности при выходе за рамки принятых ограничений.

Таблица 1

Сравнение значений ТН/ИНТ к неопределенности у сотрудников с различным стажем службы в правоохранительных органах

Шкалы	Группы сравнения	Значение критерия	U-Р - уровень значимости
ТН	Группа 1 – группа 2	158,500	,937
	Группа 1 – группа 3	155,500	,413
	Группа 1 – группа 4	283,000	,926
	Группа 2 – группа 3	95,000	,477
	Группа 2 – группа 4	166,000	,791
	Группа 3 – группа 4	164,500	,341
ИНТ	Группа 1 – группа 2	129,500	,323
	Группа 1 – группа 3	100,000	,016*
	Группа 1 – группа 4	102,000	,000*
	Группа 2 – группа 3	91,000	,382
	Группа 2 – группа 4	130,000	,187
	Группа 3 – группа 4	169,500	,414

Примечания: «*» –уровень значимости $p \leq 0,05$. Группа 1 – до 5 лет; группа 2 – от 6 до 10 лет; группа 3 – от 11 лет до 15 лет; группа 4 – от 16 лет и более.

Средние результаты ТН/ИНТ к неопределенности в зависимости от уровня НПУ представлены на рис. 4. Нервно-психическая устойчивость – совокупность приобретенных или врожденных личностных качеств, психофизиологических резервов и мобилизационных ресурсов организма, которые обеспечивают оптимальное функционирование индивида в экстремальных и неблагоприятных условиях [1].

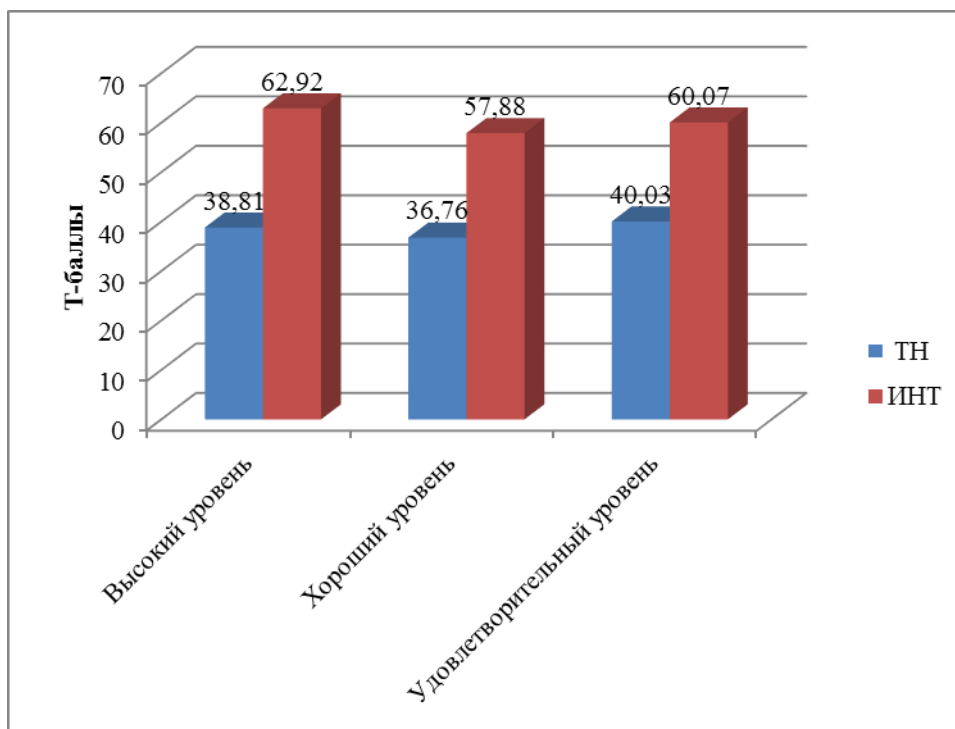

Рис. 4. Показатели уровня ТН/ИНТ к неопределенности у сотрудников правоохранительных органов с различным уровнем НПУ в Т-баллах

Анализ результатов ТН к неопределенности у сотрудников с различным уровнем НПУ показал следующие закономерности (рис. 4): статистически значимых различий, определяемых с помощью U-критерия Манна–Уитни, не выявлено. Тем не менее, наиболее толерантными к неопределенности являются сотрудники с удовлетворительным уровнем НПУ. Как мы знаем, удовлетворительный уровень НПУ характеризуется умеренными нарушениями психической деятельности в экстремальных условиях, которые сопровождаются неадекватными самооценкой, поведением и восприятием окружающей действительности. В ситуации неопределенности такие сотрудники готовы принимать новизну, неизвестность и самостоятельно преодолевать неопределенность путем выхода за рамки приказов, инструкций и принятых ограничений, не предвидя дальнейших последствий.

Как мы видим из рис. 4, наиболее интолерантны к неопределенности сотрудники с высоким уровнем НПУ, характеризующиеся маловероятными нервно-психическими срывами в сложных и экстремальных ситуациях. Для преодоления ситуации неопределенности данные сотрудники фокусируют внимание на прояснении ситуации путем сбора информации, на строгом выполнении приказов и инструкций. Статистически значимых различий ИНТ к неопределенности у сотрудников правоохранительных органов с различным уровнем НПУ не выявлено.

Таким образом, проведенный анализ не выявил статистически значимых различий в уровне толерантности к неопределенности у сотрудников с различным стажем службы в правоохранительных органах. Статистически значимые различия в показателях интолерантности к неопределенности установлены у сотрудников со стажем службы до 5 лет и сотрудниками со стажем службы от 11 до 15 лет; у сотрудников со стажем службы до 5

лет и свыше 16 лет. Статистически значимых различий ТН/ИНТ к неопределенности у сотрудников правоохранительных органов с различным уровнем НПУ не выявлено.

Для выявления взаимосвязи толерантности/интолерантности к неопределенности с нервно-психической устойчивостью, тревожностью и личностными факторами в принятии решений мы применили коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r -Спирмена). Полученные результаты корреляционного анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа ТН/ИНТ к неопределенности у сотрудников правоохранительных органов

Шкалы	ТН	ИНТ
ТН		,243**
ИНТ	,243**	
НПУ	-,034	,064
РТ	-,037	,137
ЛТ	-,090	,110
Рациональность	,068	,393**
Готовность к риску	,005	-,186

Примечания: «**» – корреляция значима на уровне $p < 0.01$. ТН – толерантность к неопределенности; ИНТ – интолерантность к неопределенности; НПУ – нервно-психическая устойчивость; РТ – реактивная тревожность; ЛТ – личностная тревожность.

Как мы видим из табл. 2, значимых корреляционных связей между ТН/ИНТ к неопределенности и НПУ, РТ, ЛТ, шкалой «готовность к риску» не выявлено. Полученные результаты стоит признать несколько неожиданными, в зарубежных исследованиях взаимосвязь тревожности и ТН/ИНТ обнаруживается регулярно. Лица с повышенной тревожностью обладают высокой интолерантностью и низкой толерантностью к неопределенности [11].

Стоит отметить отсутствие значимых корреляций с нервно-психической устойчивостью. Нами ожидалась прямая взаимосвязь с толерантностью к неопределенности, так как нервно-психическая устойчивость обеспечивает надежное функционирование сотрудников в экстремальных и сложных условиях служебной деятельности.

Нами выявлена статистически значимая средняя прямая связь между ИНТ к неопределенности и шкалой «рациональность»: коэффициент ранговой корреляции Спирмена $r=0,393$, $p<0,01$. Данная связь была ожидаема, шкала «рациональность» рассматривается как готовность действовать при полной ориентировке в ситуации

неопределенности и обдумывать свои решения. Это значит, что при высоких показателях по шкале саморегуляции «рациональность» у сотрудников правоохранительных органов будут высокие показатели ИНТ к неопределенности.

Также выявлена значимая слабая прямая связь между шкалами ТН и ИНТ к неопределенности. Это говорит о том, что данные шкалы связаны, но не идентичны, что подтверждается и другими исследованиями [6]. Сотрудники с высокой ТН к неопределенности также могут обладать и высокой ИНТ к неопределенности.

Таким образом, проведенный корреляционный анализ между ТН/ИНТ к неопределенности и НПУ, РТ, ЛТ и шкал саморегуляции «рациональность» и «готовность к риску», выявил статистически значимую среднюю прямую связь между ИНТ к неопределенности и шкалой «рациональность».

С помощью опросника ССП (Стратегии совладающего поведения), разработанного в НИПНИ имени В.М. Бехтерева [12] мы определили показатели выбора сотрудниками правоохранительных органов копинг-стратегий в трудных или проблемных для них ситуациях. Мы получили следующие результаты, которые представлены на рис. 5.

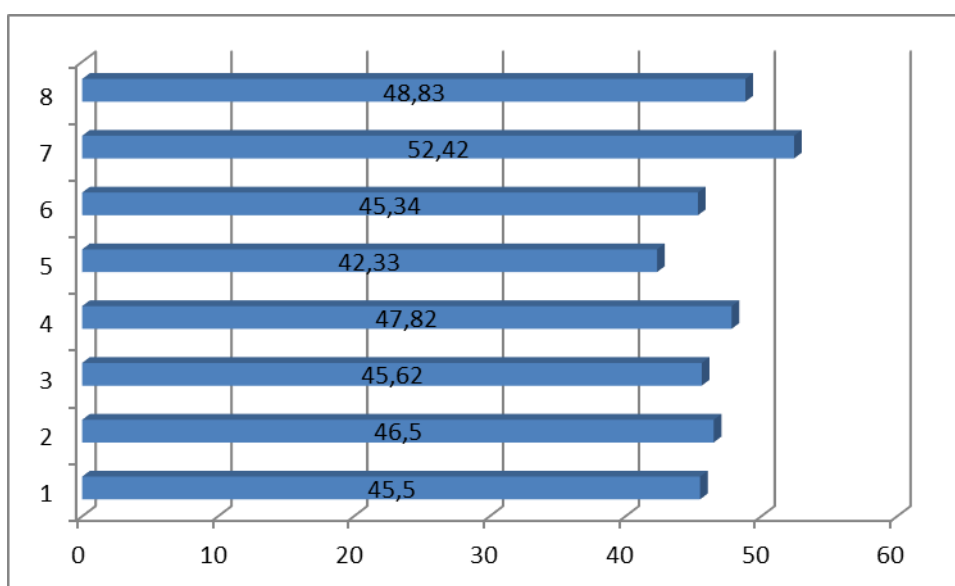

Рис. 5. Показатели выбора копинг-стратегий сотрудниками правоохранительных органов (средние значения в Т-баллах):

1 – конфронтация, 2 – дистанцирование, 3 – самоконтроль, 4 – поиск социальной поддержки, 5 – принятие ответственности, 6 – бегство-избегание, 7 – планирование решения проблемы, 8 – положительная переоценка

Как мы видим на рис. 5, полученные данные не выходят за пределы показателей ($\leq 40 \leq 60$ Т-баллов), что позволяет нам сделать вывод об умеренной степени выбора предпочтений копинг-стратегий сотрудниками правоохранительных органов. Вместе с тем мы видим, что наиболее используемыми стратегиями являются «планирование решения проблемы» (52,42 Т-балла), «положительная переоценка» (48,83 Т-балла) и «поиск социальной поддержки» (47,82 Т-балла). Наименее используемой копинг-стратегией у

сотрудников правоохранительных органов является «принятие ответственности» (42,33 Т-балла). Более подробно частота выбора копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов рассмотрена нами в исследовании в 2016 г. [16].

Для определения групповых различий в выборе копинг-стратегий у сотрудников нами использовался U-критерий Манна–Уитни. Полученные результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты статистически значимых различий в выборе копинг-стратегий у сотрудников с различным стажем службы

Копинг-стратегии	Группы сравнения по стажу службы	Значение U-критерия	P – уровень значимости
Конфронтация	Группа 1 – группа 4	172,000	,017
Поиск социальной поддержки	Группа 2 – группа 3	46,000	,006
	Группа 2 – группа 4	75,500	,003
Планирование решения проблемы	Группа 1 – группа 2	93,500	,033
	Группа 2 – группа 3	56,500	,020
Положительная переоценка	Группа 2 – группа 3	48,500	,008

Примечания. Уровень значимости – $p \leq 0,05$. Группа 1 – до 5 лет; группа 2 – от 6 до 10 лет; группа 3 – от 11 лет до 15 лет; группа 4 – от 16 лет и более.

Статистически значимых различий у сотрудников с различным стажем службы в правоохранительных органах в выборе копинг-стратегий «дистанцирование», «самоконтроль», «принятие ответственности», «бегство-избегание» не выявлено.

Выявлены значимые различия ($p=0,17$) в выборе копинг-стратегии «конфронтация» между сотрудниками со стажем службы до 5 лет и стажем службы свыше 16 лет. Сотрудники со стажем службы до 5 лет чаще используют для преодоления стрессовых ситуаций активную, неадаптивную проблемно-ориентированную стратегию «конфронтация».

Установлены различия на уровне значимости $p=0,008$ у сотрудников со стажем службы от 6 до 10 лет и сотрудниками со стажем от 11 до 15 лет по копинг-стратегии «положительная переоценка». Сотрудники со стажем службы от 11 до 15 лет чаще используют данную стратегию, направленную на анализ сложившейся ситуации с фокусированием на положительных аспектах. Происходит позитивная переоценка своих собственных возможностей и сложившаяся ситуация рассматривается как стимул для личностного роста.

Значимые различия выявлены по выбору копинг-стратегии «планирование решения проблемы» у сотрудников со стажем службы до 5 лет и сотрудниками от 6 до 10 лет на уровне значимости $p=0,033$, а так же у сотрудников со стажем от 6 до 10 лет и сотрудников со стажем от 11 до 15 лет ($p=0,020$). Сотрудники со стажем службы от 6 до 10 лет реже используют копинг способствующий конструктивному разрешению проблемы, чем сотрудники со стажем до 5 лет и стажем от 11 до 15 лет.

Статистически значимые различия установлены между сотрудниками со стажем службы от 6 до 10 лет и сотрудниками: со стажем от 11 до 15 лет ($p=0,006$) и со стажем от 16 лет и более ($p=0,003$). Данные различия установлены по копинг-стратегии «поиск социальной поддержки». Сотрудники с продолжительным стажем службы в правоохранительных органах чаще прибегают для решения возникших трудностей к поиску информации, совету коллег и руководства.

Таким образом, статистически значимые различия у сотрудников правоохранительных органов с различным стажем службы выявлены по следующим копинг-стратегиям: «конфронтация», «планирование решения проблемы», «положительная переоценка», «поиск социальной поддержки». Не выявлено статистически значимых различий у сотрудников с различным стажем службы в правоохранительных органах в выборе копинг-стратегий «дистанцирование», «самоконтроль», «принятие ответственности», «бегство-избегание».

Статистически значимые различия в выборе копинг-стратегий у сотрудников с различным уровнем НПУ представлены в табл. 4.

Таблица 4

Результаты статистически значимых различий в выборе копинг-стратегий у сотрудников с различным уровнем нервно-психической устойчивости

Копинг-стратегии	Группы сравнения по уровню НПУ	Значение U-критерия	P - уровень значимости
Конфронтация	Высокий – Удовлетворительный	180,000	,002
	Высокий – Удовлетворительный	225,500	,025
Принятие ответственности	Высокий – Удовлетворительный	177,000	,002
	Хороший – Удовлетворительный	196,500	,015
Бегство-избегание	Высокий – Удовлетворительный	77,500	,000
	Высокий – Хороший	173,000	,002

	Хороший – Удовлетворительный	195,000	,014
--	---------------------------------	---------	------

Примечания: уровень значимости $p \leq 0,05$.

Установлены различия в выборе копинг-стратегии «конфронтация» ($p=0,002$) и стратегии «дистанцирование» ($p=0,025$) у сотрудников с высоким и удовлетворительным уровнем НПУ. Сотрудники с удовлетворительным уровнем НПУ для преодоления стрессовых ситуаций используют данные стратегии чаще, чем сотрудники с высоким уровнем.

Статистически значимые различия установлены по копинг-стратегии «принятие ответственности» между сотрудниками с высоким уровнем НПУ и удовлетворительным уровнем НПУ ($p=0,002$), а так же у сотрудников с хорошим уровнем НПУ и удовлетворительным уровнем НПУ ($p=0,015$). Это значит, что сотрудники с удовлетворительным уровнем НПУ прибегают чаще к данной стратегии, которая является эмоционально-ориентированной и неадаптивной.

Значимые различия выявлены в выборе копинг-стратегии «бегство–избегание» у сотрудников с удовлетворительным уровнем НПУ и высоким уровнем НПУ ($p=0,000$), удовлетворительным и хорошим уровнем ($p=0,014$), высоким уровнем и хорошим уровнем ($p=0,002$). Данные результаты свидетельствуют о том, что сотрудники с более низким уровнем НПУ используют для преодоления стрессовых и трудных ситуаций неадаптивную эмоционально-ориентированную стратегию «бегство–избегание».

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что сотрудники правоохранительных органов с низким уровнем нервно-психической устойчивости используют неадаптивные, неконструктивные стратегии, препятствующие преодолению трудной ситуации.

Мы предположили, что толерантность/интолерантность к неопределенности, как составляющая личностного потенциала, выступает значимым фактором в выборе копинг-стратегий в преодолении стрессовых и неопределенных ситуаций в деятельности сотрудников правоохранительных органов. Также нами была исследована взаимосвязь копинг-стратегий с личностными факторами принятия решений – «рациональность» и «готовность к риску». «Готовность к риску» рассматривается как действия направленные на преодоление ситуации неопределенности при недостаточности информации, при новизне и противоречивости ситуации. «Рациональность» – стремление к ясности, сбор как можно большей информации.

Таблица 5

Значимые коэффициенты корреляции между копинг-стратегиями и ТН/ИНТ к неопределенности, личностными факторами принятия решений

Копинг-стратегии	ТН	ИНТ	Рациональность	Готовность к риску
Конфронтация				,244*
Дистанцирование		,230*		
Самоконтроль		,298**		
Поиск социальной поддержки		,273*		
Принятие ответственности	,236*			
Положительная переоценка			,258*	

Примечание: «*» – корреляция значима на уровне $p < 0.05$; «**» корреляция значима на уровне $p < 0.01$.

Для выявления взаимосвязи мы применили коэффициент ранговой корреляции Спирмена (г-Спирмена), полученные результаты представлены в табл. 5.

Нами выявлена статистически значимая слабая прямая связь между копинг-стратегией «принятие ответственности» и толерантностью к неопределенности: коэффициент ранговой корреляции Спирмена $r=0,236$, $p<0,05$. Сотрудники правоохранительных органов с высоким уровнем толерантности принимают ситуацию неопределенности и готовы в ней действовать несмотря на отсутствие полной информации. Такие сотрудники для преодоления стрессовой или трудной для них жизненной ситуации используют стратегию «принятие ответственности», определяющую признание сотрудником своей роли в сложившейся ситуации.

Копинг-стратегия «дистанцирование» имеет статистически значимую слабую прямую связь с интолерантностью к неопределенности, коэффициент ранговой корреляции Спирмена $r=0,230$, $p<0,05$. Сотрудники с высоким уровнем интолерантности не принимают неопределенность, фокусируют свое внимание на стремлении к ясности, сбору полной информации и прояснению ситуации, для преодоления стрессовых ситуаций они используют копинг-стратегию «дистанцирование». Данная стратегия предполагает эмоциональное отстранение, недооценку значимости ситуации и невозможность ее преодоления.

Также нами выявлена статистически значимая слабая прямая связь между копинг-стратегией «самоконтроль» и интолерантностью к неопределенности, коэффициент ранговой корреляции Спирмена $r=0,298$, $p<0,01$. Это значит, что при высоком уровне интолерантности к неопределенности сотрудники правоохранительных органов для преодоления стрессовых ситуаций будут выбирать стратегию «самоконтроль». Использование копинг-стратегии «самоконтроль» предпочтительно в экстремальных

ситуациях, в которых и протекает профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов.

Выявлена статистически значимая слабая прямая связь (коэффициент ранговой корреляции Спирмена $r=0,273$, $p<0,05$) между копинг-стратегией «поиск социальной поддержки» и интолерантностью к неопределенности. Сотрудники с высоким уровнем интолерантности к неопределенности для преодоления стрессовых ситуаций будут использовать помощь коллег, экспертов, руководства.

Также нами установлена слабая положительная связь копинг-стратегий с личностными факторами принятия решений – «готовностью к риску» и копинг-стратегий «конфронтация», коэффициент ранговой корреляции Спирмена $r=0,244$, $p<0,05$; «рациональность» с копинг-стратегий «положительная переоценка», коэффициент ранговой корреляции Спирмена $r=0,258$, $p<0,05$.

Таким образом, все установленные корреляционные связи логичны и легко объяснимы. Наибольшее количество взаимосвязей установлено между копинг-стратегиями и интолерантностью к неопределенности, что подтверждают другие исследования [10].

Полученные в нашем исследовании результаты позволяют нам показать, что для продолжения ситуации неопределенности сотрудники правоохранительных органов используют определенный набор копинг-стратегий, что позволяет нам подтвердить выдвинутую гипотезу.

Литература

1. Берг Т.Н. Нервно-психическая неустойчивость и способы ее выявления. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2005. 63 с.
2. Битюцкая Е.В. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 1. С. 100–111.
3. Исаева Е.Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. СПб.: Издательство СПб ГМУ, 2009. 136 с.
4. Кобозев И.Ю. Профессиональный стресс руководителей органов внутренних дел и его психопрофилактика: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2011. 24 с.
5. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений: учеб. пособие для вузов.. М.: Аспект-Пресс, 2003. 286 с.
6. Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 92–110.
7. Краснов Е.В., Корнилова Т.В. Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности как предикторы результативности деятельности военных руководителей // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Психология. Педагогика. Серия 16. 2016. № 3. С. 28–43.
8. Лебедев И.Б. Психологические механизмы, стратегии и ресурсы стресс преодолевающего поведения (копинг-поведения) специалистов экстремального профиля (на примере сотрудников МВД России): автореф. дисс. ... д-ра психол.

наук. СПб., 2002. 30 с.

9. *Леонов И.Н.* Влияние толерантности к неопределенности на стратегии совладающего поведения у менеджеров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 3. С. 259–261.
10. *Львова Е.Н., Митина О.В., Шлягина Е.И.* Личностные предикторы совладающего поведения в ситуации неопределенности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 4. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1112-lvova40.html> (дата обращения: 30.04.2017).
11. *Матушанская А.Г., Алишева Б.С.* Толерантность к неопределенности и смежные психологические конструкты когнитивной психологии // Ученые записки казанского университета. 2011. Т. 153. Кн. 5. С. 25–33.
12. Методика психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями: пособие для врачей и мед. психологов / Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев, Е.Р. Исаева, Е.А. Трифонова, О.Ю. Щелкова, М.Ю. Новожилова, А.Я. Вукс. СПб.: Изд-во НИПНИ имени В.М. Бехтерева, 2009. 40 с.
13. *Пономарев А.В.* Влияние опыта профессиональной деятельности сотрудников федеральной противопожарной службы на толерантность к неопределенности // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2015. Т. 5. № 3. С. 83–91.
14. *Пономаренко Е.Н.* Психологические особенности копинг поведения следователя МВД России. дисс. ... канд. психол. наук. СПб.: СПб Ун-т МВД России. 2006. 134 с.
15. Психодиагностика стресса: практикум / Составители Р.В. Куприянов, Ю.М. Кузьмина. Казань: КНИТУ, 2012. 212 с.
16. *Рогачев В.А., Коноплева И.Н.* Взаимосвязь копинг-стратегий сотрудников правоохранительных органов со стилевыми особенностями саморегуляции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Т 5. № 1. С. 129–146. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76161.shtml> (дата обращения: 01.05.2017).
17. *Рыбников В.Ю., Ашанина Е.Н.* Психология копинг поведения специалистов опасных профессий: монография. СПб.: ВЦЭРМ, 2011. 120 с.
18. Справочник практического психолога. Психодиагностика / Под общ. ред. С.Т. Посоховой. СПб.: Сова, 2006. 671 с.
19. Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40681> (дата обращения: 01.05.2017).
20. *Budner S.* Intolerance of ambiguity as a personality variable // Journal of personality. 1962. Vol. 30. № 1. P. 29–50.
21. *Frenkel-Brunswick E.* Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual

personality variable // *Journ. of Personality*. 1949. Vol. 11. № 1. P. 108–143.

22. *Frenkel-Brunswick E.* Tolerance towards ambiguity as a personality variable // *The American Psychologist*. 1948. № 3. P. 268–288.

Tolerance to uncertainty and the choice of coping strategies in law enforcement

Rogachev A. V., master of psychology, graduate chair of clinical and forensic psychology, faculty of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (elk.73@mail.ru)

Konopleva I. N., candidate of psychological Sciences, associate Professor, Department of clinical and forensic psychology, faculty of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (ing01@mail.ru)

The article discusses the problem of studying the tolerance of uncertainty and coping behaviors among law enforcement officers. The problem of coping behavior is one of the most relevant for legal psychology in the study of psychological characteristics of work and personality of law enforcement officers. Performance is achieved not only professional knowledge and skills, but also features tolerance to ambiguity and stress overcoming behavior of employees in a busy and special conditions. Considered tolerance/intolerance (TN/INT) to uncertainty, coping behavior, its essence and main components. Defined the main directions in studying the coping strategies of law enforcement. The study involved 78 officers FDCS of Russia in the age from 20 to 50 years with different calendar length of service in bodies of drug enforcement. The results of an empirical study aimed at studying the peculiarities of tolerance for uncertainty and coping strategies of law enforcement officers, establish the specific nature of their relationship. The differences in the level of tolerance for uncertainty and the choice of coping strategies among employees depending on the experience of service in law enforcement and the level of neuropsychic stability.

Keywords: uncertainty, tolerance/intolerance to uncertainty, coping behavior, coping strategies, coping resources, and law enforcement officers.

References

1. Berg T.N. Nervno-psihicheskaja neustojchivost' i sposoby ee vyjavlenija. Vladivostok: Mor. gos. un-t, 2005. 63 p.
2. Bitjuckaja E.V. Sovremennye podhody k izucheniju sovladaniya s trudnymi zhiznennymi situacijami. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija. 2011. №1. Pp. 100-111.
3. Isaeva E.R. Koping-povedenie i psihologicheskaja zashhita lichnosti v uslovijah zdorov'ja i bolezni. SPb.: Izdatel'stvo SPb GMU, 2009. 136 p.
4. Kobozev I.Ju. Professional'nyj stress rukovoditelej organov vnutrennih del i ego psihoprofilaktika: avtoref. dis. ... kand. psihol. Nauk. I.Ju. Kobozev. SPb., 2011. 24 p.

5. Kornilova T.V. *Psihologija riska i prinjatija reshenij: Uchebnoe posobie dlja vuzov.* T.V. Kornilova. M.: Aspekt-Press, 2003. 286 p.
6. Kornilova T.V., Chumakova M.A. Shkaly tolerantnosti i intolerantnosti k neopredelennosti v modifikacii oprosnika S. Badnera. *Jeksperimental'naja psihologija.* 2014. Tom 7. № 1. Pp. 92–110.
7. Krasnov E.V., Kornilova T.V. Jemocional'nyj intellekt i tolerantnost' k neopredelennosti kak prediktory rezul'tativnosti dejatel'nosti voennyh rukovoditelej. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Psihologija. Pedagogika. Serija 16.* 2016. № 3. Pp. 28–43.
8. Lebedev I.B. *Psihologicheskie mehanizmy, strategii i resursy stress preodolevajushhego povedenija (koping-povedenija) specialistov jekstremal'nogo profilja (na primere sotrudnikov MVD Rossii): avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk.* I.B. Lebedev. SPb., 2002. 30 p.
9. Leonov I.N. Vlijanie tolerantnosti k neopredelennosti na strategii sovladajushhego povedenija u menedzherov. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Akmeologija obrazovanija. Psihologija razvitija.* 2015. Vol. 4. no. 3. P. 259-261.
10. L'vova E.N., Mitina O.V., Shljagina E.I. Lichnostnye prediktory sovladajushhego povedenija v situacii neopredelennosti [jelektronnyj resurs]. *Psihologicheskie issledovanija.* 2015. T. 8. № 40. P. 4. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1112-lvova40.html> (data obrashhenija: 30.04.2017).
11. Matushanskaja A.G., Alisheva B.S. Tolerantnost' k neopredelennosti i smezhnye psihologicheskie konstrukty kognitivnoj psihologii. *Uchenye zapiski kazanskogo universiteta.* 2011. Tom 153. Kn. 5. Pp. 25-33.
12. *Metodika psihologicheskoj diagnostiki sposobov sovladanija so stressovymi i problemnymi dlja lichnosti situacijami: posobie dlja vrachej i med.* Psihologov. L.I. Vasserman, B.V. Iovlev, E.R. Isaeva, E.A. Trifonova, O.Ju. Shhelkova, M.Ju. Novozhilova, A.Ja. Vuks. SPb.: Izd-vo NIPNI im. V.M. Behtereva, 2009. 40 p.
13. Ponomarev A.V. Vlijanie opyta professional'noj dejatel'nosti sotrudnikov federal'noj protivopozharnoj sluzhby na tolerantnost' k neopredelennosti. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina.* 2015. Vol. 5. no. 3. P. 83-91.
14. Ponomarenko E.H. *Psihologicheskie osobennosti koping povedenija sledovatelja MVD Rossii. diss. ... kand. psihol.nauk.* E.N. Ponomarenko. SPb.: SPb Un-t MVD Rossii. 2006. 134 p.
15. *Psihodiagnostika stressa: praktikum.* sostaviteli R.V. Kuprijanov, Ju.M. Kuz'mina. Kazan': KNITU, 2012. 212 p.

16. Rogachev V.A., Konopleva I.N. Relationship of the coping strategies of law enforcement officers with the style features of self-regulation [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015. no. 1, pp. 129–146. (In Russ., abstr. in Engl.)
17. Rybnikov V.Ju., Ashanina E.N. *Psihologija koping povedenija specialistov opasnyh professij. Monografija.* SPb.: VCJeRM, 2011. 120 p.
18. *Spravochnik prakticheskogo psihologa. Psihodiagnostika. Pod obshh. red. S.T. Posohovoj.* Spb.: Sova, 2006. 671 p.
19. Ukaz Prezidenta RF ot 5 aprelja 2016 g. № 156 «O sovershenstvovanii gosudarstvennogo upravlenija v sfere kontrolja za oborotom narkoticheskikh sredstv, psihotropnyh veshhestv i ih prekursorov i v sfere migracii». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40681>(data obrashhenija: 01.05.2017).
20. Budner S. Intolerance of ambiguity as a personality variable // *Journal of personality.* 1962. Vol. 30. P. 29-50.
21. Frenkel-Brunswick E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // *Journ. of Personality.* 1949. Vol.11. no. 1. P. 108–143.
22. Frenkel-Brunswick E. Tolerance towards ambiguity as a personality variable // *The American Psychologist.* 1948. no. 3. P. 268-288.

Искажение служебной информации в деятельности сотрудников органов внутренних дел: профессиональные и личностные факторы

Марьин М.И., доктор психологических наук, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета (marin_misha@mail.ru)

Ефимкина Н.В., кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры юридической психологии УНК ПСД Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, (e_n_v@inbox.ru)

В статье представлены результаты аналитических и эмпирических исследований проблемы искажения служебной информации в органах внутренних дел. На основании анализа научной литературы по юридической психологии, а также российского законодательства установлено, что не существует ясного толкования этого явления, содержательной характеристики, причин, условий, объективных и субъективных факторов его возникновения. Не разработаны также направления минимизации искажения информации в служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел, что и предопределило цель данного исследования.

Разработано определение понятия «искажение служебной информации», как особого психологического феномена, понимаемого с позиций юридической психологии как процесса сознательного либо неосознанного изменения сотрудниками смысла, формы и (или) содержания объективной информации при ее восприятии, оценке, а также передаче в словесной или письменной форме так, что в дальнейшем она перестает быть полной и достоверной. Приведены данные о том, что в ОВД значительное число сотрудников при исполнении служебных обязанностей сталкивается с фактами искажения служебной информации, связанными с профессионально обусловленными факторами и причинами. К числу таких факторов относятся: психологически необоснованный широкий круг обязанностей, физические и психические перегрузки личного состава, ограниченность времени на выполнение служебных задач, морально-психологическое состояние в подразделении, неоправданно высокий документооборот, особенности оценки результатов работы, неоптимальный стиль руководства с коллективом. Искажение служебной информации связано с асоциальной направленностью личности на себя, особенностями психологической защиты в условиях переживания стресса.

В заключение делается вывод о том, что выявленные детерминанты искажения сотрудниками органов внутренних дел служебной информации могут быть полезными при разработке мероприятий по его профилактике в интересах повышения уровня достоверности информации для принятия взвешенных управленческих решений, направленных на эффективность деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: органы внутренних дел, искажение служебной информации, профессиональные детерминанты, личностные факторы.

Для цитаты:

Марьин М.И., Ефимкина Н.В. Искажение служебной информации в деятельности сотрудников органов внутренних дел: профессиональные и личностные факторы. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 4. С. 127-136. doi: 10.17759/psylaw.207070410

For citation:

Maryin M.I., Efimkina N.V. Distortion of office information in activity staff of bodies of internal affairs: professional and personal factors. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 4. pp.127-136. doi: 10.17759/psylaw.2017070410

Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел связана с непрерывным потоком информации, передаваемой по различным каналам, функционирующей на разных уровнях, имеющей разную природу, содержание и юридическую силу. В различных структурных подразделениях ОВД в настоящее время возрастает необходимость обладать, безусловно, объективной служебной информацией как на стадии возбуждения уголовного дела, так и для быстрого реагирования на динамично меняющуюся ситуацию с целью принятия верных управленческих решений.

Актуальность исследования феномена искажения служебной информации обусловлена тем, что именно служебная информация, рассматриваемая как сведения, передаваемые от одного человека к другому и в письменном виде, и в устной форме, может претерпевать на своем пути различного рода изменения, приводить к разным непредсказуемым негативным последствиям. Внимание, обращенное на проблему искажения служебной информации, для ОВД имеет важнейшее значение: именно сотрудники первыми приходят на помощь к гражданам при возникновении разнообразных жизненных ситуаций независимо от сферы их проявления (профессиональные, семейные, бытовые, технические и др. обстоятельства). При этом особенности профессиональной деятельности в ОВД и особенности личности сотрудников могут стать факторами, детерминирующими искажение служебной информации, порождающими серьезные упущения в работе, искаженное отношение к объективной действительности, могут влиять, в конечном итоге, на эффективное выполнение оперативно-служебных задач.

Проблема искажения информации всегда интересовала исследователей разных областей науки и оставалась актуальной на протяжении всего развития человечества. За последние годы достаточно большое число работ посвящено исследованию многих аспектов

феномена искажения информации, в различных ее проявлениях, которые имеют самые разнообразные названия.

В юридической психологии чаще исследовались вопросы недостоверности, искаженности информации в рамках межличностной коммуникации и психологии свидетельских показаний. По данным А.Р. Ратинова в психике человека, который дает недостоверные показания, происходит раздвоенность, которая характеризуется значительными внутренними трудностями. В сознании «лгущего» возникают две картины событий: объективно происшедшее (которое человек скрывает), и вымышленное, которое он сообщает [2]. По А.Р. Ратинову, «ложь – это несоответствие между тем, что субъект (информатор, коммуникатор, корреспондент) сообщил, высказал, заявил, показал, и тем, что он действительно знает, думает, считает или чувствует» [3, С. 95-105].

Он отмечает, что содержание психической деятельности лгущего намного сложнее и мотивируется социально негативными и общественно порицаемыми, эгоистическими и иными побуждениями. В данном случае у «лжеца конкурируют два варианта мыслительных образов: 1) действительно происшедшее и ранее воспринятое, которое он желает извратить и которое является исходным; 2) вымышленный, воображаемый образ события, которым он хочет подменить подлинную картину происшедшего» [3, С. 95-105]. Поэтому при даче показаний психическая деятельность у правдивых и дающих ложные показания различна: у добросовестного свидетеля она носит репродуктивный (воссоздающий) характер, а у лжеца эта деятельность как особый творческий процесс [1].

В литературе поднимаются важные проблемы ложности и правдивости свидетельских показаний. Одно из основных явлений в юридической практике представляют ситуации, когда два свидетеля дают диаметрально противоположные показания и при этом верят в свою правду. Часто встречается также феномен «спонтанно рождающихся ложных показаний» [9, С. 275], например, при невозможности отделения действительности от вымысла. Очень важно в данных ситуациях сотрудникам правоохранительных органов сохранять нейтралитет и не вызывать путем внушения или наводящих вопросов новые воспоминания, которые могут возникнуть у участников процесса.

Искажение может проявиться как в «угоду узкоэгоистическим интересам личности, ее индивидуалистическим намерениям, ее гордости, тщеславию, честолюбию» [8, С. 47, 130], так и при включении защитных механизмов. «В целях объективного, полного и всестороннего расследования, получения адекватной информации о расследуемом событии, следователь должен осуществлять эффективную коммуникативную деятельность. Психическое состояние проходящих по делу лиц определяется их позицией в отношении следствия, правовым положением лица (является ли оно обвиняемым, подозреваемым, потерпевшим или свидетелем), их индивидуально-психологическими особенностями» [8, С. 243].

По Г.Г. Шиханцову в процессе расследования лицо, дающее показания, использует целую систему средств дезинформации: инсценировка, маскировка, сокрытие. Автор подчеркивает, что мотивом дачи ложных показаний у таких лиц, как правило, является желание избежать ответственности за содеянное, преуменьшение своей вины, боязнь мести или желание скрыть других соучастников [11].

Вопросы соотношения правды и лжи, правды и неправды, феномена юридической правды исследовались в трудах *Л.А. Мусаеляна*. Он обращает внимание на то, что «в одно и то же время при единстве предмета расследования, преследуемой цели (справедливость), средств ее достижения (право и ее инструментарий) юридическая правда (истина) у разных субъектов права, участвующих в правоприменительной деятельности, может оказаться (и чаще всего оказывается) разной. Субъекты права (например, прокурор и адвокат) при единстве правовой цели выражают различные интересы и решают разные задачи» [4, С. 77-104].

Это определяет их подходы в интерпретации конкретных фактов, которые в совокупности представляют обстоятельства дела.

Большое количество отличий в трактовке юридической истины (разными субъектами) может возникнуть при выборе норм права, поскольку данный этап направлен на поиск нормативного закрепления в законодательстве определенных действий (явлений), точное их толкование и, в итоге, законное и обоснованное решения суда. При этом соответствующий правовой акт представляет, с одной стороны, полное, исчерпывающее знание обстоятельств дела (объективный и абсолютный характер истины по делу), с другой – правовую оценку (квалификацию) данного юридического факта, в которой адекватно выражена воля законодателя и одновременно учтены интересы и права сторон – истца и ответчика, потерпевшего и обвиняемого.

Приведенные данные анализа исследований проблемы искажения информации в юридической психологии свидетельствует о том, что большинство из них посвящено, прежде всего, вопросам изучения мотивов дачи ложных показаний, трактовки норм права (юридическая правда (истина) у разных субъектов права), оценке свидетельских показаний и т.д.

Однако исследования искажения служебной информации сотрудниками органов внутренних дел, причин и факторов его возникновения в литературе малочисленны. Имеются отдельные работы, в которых «искажение» рассматривается в связи с состоянием аффекта, полагая, что данное состояние способно нарушить ясность сознания, взаимосвязи между предметами и явлениями. Отмечается, что искажения могут проявляться также вследствие условий служебной деятельности при информационных перегрузках, при дефиците времени, поскольку человек обладает ограниченной способностью воспринимать и обрабатывать информацию. При значительном объеме информации возможны пропуски информационных сигналов, искаженное восприятие информации, ошибочное принятие решения, ошибочные действия [7].

Некоторые авторы искажение информации связывают со «сложившимися социальными стереотипами, установками, житейскими представлениями, а также восприятием и оценкой друг друга членами коллектива» [5, С. 19]. Причинами указаны «низкая коммуникативная компетентность и конфликтные ситуации в коллективе. Когда поведение сотрудников подвержено влиянию негативных эмоций, происходит искажение в субъективных образах участников противоборства» [5, С. 90].

Таким образом, анализ литературы по юридической психологии, а также российского законодательства показывает, что не существует ясного толкования этого явления, содержательной характеристики, причин, условий, объективных и субъективных факторов

его возникновения. Не разработаны также направления минимизации искажения информации в служебной деятельности органов внутренних дел, не говоря об отсутствии общепринятого определения изучаемого явления.

В связи с изложенным предлагается следующее определение термина «искажение служебной информации»: искажение служебной информации в деятельности сотрудников органов внутренних дел – это особый психологический феномен, понимаемый с позиций юридической психологии как процесс сознательного либо неосознанного изменения сотрудниками смысла, формы и (или) содержания объективной информации при ее восприятии, оценке, а также передаче в словесной или письменной форме так, что в дальнейшем она перестает быть полной и достоверной.

Служебная информация в указанном контексте представляет собой совокупность сведений, используемых в профессиональной деятельности сотрудников ОВД в целях выполнения ими служебных обязанностей в процессе взаимодействия как внутри ведомства, так и за его пределами в рамках должностного регламента и в соответствии с установленными профессионально-этическими нормами и правилами.

В проведенных исследованиях установлено, что руководящий состав ОВД сталкивается с данным феноменом в 96% случаев [6]. Руководители, обладая высокими интеллектуальными, волевыми и коммуникативными качествами, более полно и четко видят общую картину ситуации и принимают разного рода управленческие решения, используя сведения обобщенного характера из различных источников. Младший и средний начальствующий состав сотрудников признают факт искажения служебной информации в деятельности ОВД в 78% случаев. Это можно объяснить как более узкой направленностью деятельности данных сотрудников, так и защитными механизмами, которые ради собственной безопасности и спокойствия служебного коллектива, в целом, способны скрывать различного рода негативные явления, которые имеют место в деятельности ОВД. При опросе курсантов образовательной организации системы МВД России установлены почти 50% положительных ответов на наличие феномена искажения информации в учебной и служебной деятельности. Эти данные позволяют заключить, что в своей профессиональной деятельности значительное число сотрудников ОВД и курсантов образовательных организаций сталкивается с фактом искажения служебной информации.

Результаты анкетного опроса свидетельствуют о том, что на искажение служебной информации в наибольшей степени оказывают влияние высокий документооборот (47%), несовершенство нормативно-правовой базы (48%), физические и психические перегрузки (44%), широкий круг обязанностей сотрудников (44%), ограниченность времени на выполнение задачи (42%), «палочная система» оценки деятельности (55%) и недостаточный уровень профессиональной подготовленности сотрудников ОВД (26%) [6].

Полученные результаты показали, что 48% опрошенных отмечают отрицательное отношение непосредственных и вышестоящих руководителей к искажению информации в служебной деятельности. Вместе с тем около 20% обследованных подчеркивают положительные отношения со стороны руководителей к данному явлению, если искажение информации помогает своевременному решению оперативно-служебных задач.

Изучение влияния особенностей управленческой деятельности на искажение служебной информации выявило существенное влияние таких ее проявлений, как нечеткая

(невнятная) постановка задач руководителем (35%), необъективная оценка результатов работы (33%), особенности стиля управления служебным коллективом (33%), непонимание руководителем подчиненного и наоборот (30%), принятие неэффективных управленческих решений (30%). Кроме того, на искажение информации отрицательное влияние оказывают ситуативные требования руководителя (52%) и его установки, слабый контроль за исполнением поставленных задач (41%).

Установлено, что на искажение служебной информации в сильной степени оказывает влияние отсутствие у сотрудников мотивации к службе (36%), страх наказания за несвоевременное выполнение задания (34%), небрежное отношение к выполняемой работе (31%) и уверенность в том, что искажение информации служит интересам службы (29%), невнимательность и неосторожность сотрудников (48%), отсутствие установки на приоритетность интересов службы (42%) и личная заинтересованность сотрудника в ущерб интересам службы (42 %).

Результаты исследования показали, что наряду с приведенными данными на искажение служебной информации влияют также и потребности человека: потребность в безопасности и уверенности в будущем (39 %); потребность в сохранении своего социального статуса (23%); потребность в сохранении уважения со стороны окружающих (16 %).

Таким образом, искажение служебной информации сотрудниками детерминировано комплексом объективных и субъективных причин, к числу которых относятся: неоправданно высокий документооборот, необоснованные критерии оценки результатов работы, уровень профессиональной подготовленности сотрудников, нечеткая постановка задач руководителем, физические и психические перегрузки, ограниченность времени на выполнение служебных задач, морально-психологическое состояние личного состава подразделения, неоптимальный стиль руководства служебным коллективом, а также специфика и особенности деятельности в зависимости от профессиональной принадлежности. Кроме того, уровень искажения информации связан с уровнем мотивации к службе, страхом наказания, небрежным отношением к выполняемой работе и уверенностью сотрудников в том, что искажение информации служит интересам службы.

Обобщая полученные сведения можно сказать, что на искажение служебной информации оказывают влияние как условия профессиональной деятельности, специфика службы, управленческие качества руководителя, так и личностные особенности самого сотрудника ОВД, что обуславливает необходимость углубленного исследования индивидуальных установок, связанных с искажением информации, ценностно-смысловых и личностных особенностей сотрудников ОВД в интересах разработки мер совершенствования работы с личным составом.

Результаты исследования личностных факторов в формировании психологических механизмов искажения служебной информации говорят о том, что лиц, склонных к искажению служебной информации, можно охарактеризовать как сотрудников ОВД, стремящихся избежать ощущение тревоги и страха путем замены решения субъективно сложных задач на более простые, нисхождения на более ранний уровень приспособительных реакций [6]. Эти сотрудники стремятся избежать действий, требующих большой напряженности, склонны решать стоящие перед ними задачи «чужими» руками, создавать ситуации коллективной безответственности за упущения в работе.

Кроме того, у сотрудников, склонных к искажению служебной информации, существуют проблемы с формированием индивидуального уровня правосознания в профессиональной сфере, они склонны действовать в обход требований норм и правил служебного поведения, если им выгоднее или, по их мнению, так будет «лучше для дела». Сотрудники, входящие в эту группу, ориентированы на социальное одобрение, ожидают прямого вознаграждения и удовлетворения личных потребностей.

Сотрудники, не склонные к искажению служебной информации, свои правовые знания реализуют через напряжение имеющихся вариантов психологических защит, использование интеллектуальных ресурсов. Они отличаются склонностью к анализу и самоанализу, осознанностью обязательств, предусмотрительностью, добросовестностью, самоконтролем, способностью считаться с интересами других людей.

Сотрудники этой группы склонны отрицать обстоятельства, вызывающие у них тревогу, приводящие к внутреннему конфликту, особенно когда речь идет о конфликте, возникающем при проявлении мотивов, противоположных установкам личности, угрожающих ее самоуважению или социальному престижу. Такой защитный механизм способствует сохранению стабильности положительного образа «Я», сдержанного, рассудительного, управляющего собой и уверенного в себе человека. Сочетание осторожности с незначительной долей непрямым манипулятивных действий у таких людей смягчает тенденцию нарушения социально допустимых правил и ограничений.

В группе сотрудников, склонных к искажению служебной информации, приоритетными ценностями, отличающими их от сотрудников, не склонных к искажению служебной информации, являются: карьерный рост; материально обеспеченная жизнь. В группе сотрудников, не склонных к искажению служебной информации, к числу приоритетных ценностей относятся соблюдение требований закона, приказов; искренность выражения взглядов без «двойных стандартов». Выявленные различия в ценностно-смысловой сфере сотрудников двух групп сравнения говорят о детерминированности феномена искажения служебной информации внутренними базовыми ценностными факторами, затрагивающими его глубинные психологические механизмы, определяющие спектр направленности личности.

Подытоживая результаты исследования можно констатировать, что на уровень искажения служебной информации оказывают влияние как профессионально обусловленные, так и личностные факторы. К числу профессионально-обусловленных факторов относятся негативные стороны организации служебной деятельности личного состава (неоправданно высокий документооборот, психологически необоснованный широкий круг обязанностей личного состава, физические и психические перегрузки, ограниченность времени на выполнение поставленных задач и др.). В то же время, на искажение сотрудниками ОВД служебной информации влияют их личностные особенности: превалирующие механизмы психологических защит (регрессия и рационализация) в интересах сохранения стабильной самооценки, представлений о себе и о мире в стрессовых ситуациях профессиональной деятельности; асоциальная стратегия преодоления стресса и формы поведения, в которых доминирует предрасположенность действовать в обход нормативно установленных требований; особенности стратегий и моделей стресс-преодолевающего поведения сотрудников и направленность личности, уровень индивидуального правосознания. Выявленные детерминанты искажения сотрудниками служебной информации могут быть полезными при разработке мероприятий по его

профилактике в интересах повышения уровня достоверности информации для принятия адекватных управленческих решений, способствующих повышению эффективности функционирования системы МВД России.

Литература

1. *Гаврилова Н.И., Ратинов А.Р.* Логико-психологическая структура лжи и ошибки в свидетельских показаниях // *Вопросы борьбы с преступностью.* 1982. № 37. С. 44–57.
2. *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М., 2001. 352 с.
3. *Ратинов А.Р.* Феноменология лжи. Судебно-психологический взгляд // *Юридическая психология: сб. науч. трудов.* М., 1998. С. 95–105.
4. *Мусаелян Л.А.* Юридическая правда: содержание и сущность концепта // *Философия и общество.* 2011. № 2 (62). С. 77–104.
5. *Марьин М.И., Петров В.Е., Адаев А.И., Егоров К.А.* Организация социально-психологической работы в ОВД : методическое пособие. М.: ДКО МВД России, 2006. 240 с.
6. *Марьин М.И., Ефимкина Н.В.* Личностные факторы искажения служебной информации в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // *Труды Академии управления МВД России.* 2015. № 2 (34). С. 78–82.
7. *Пряхина М.В.* Организация психологической службы в органах внутренних дел : учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2008. 264 с.
8. *Статный В.М.* Юридическая психология: учебное пособие. СПб., 2010. 328 с.
9. *Форд Ч.* Психология обмана. Как, почему и зачем лгут даже честные люди / пер. с англ. Е. А. Любимцевой. М., 2013. 400 с.
10. Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти \\ Под редакцией Гиппенрейтер Ю.Б., Романова В.Я. Москва: Издательство Московского университета, 1979. 272 с.
11. *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология: учебник для вузов. М., 2000. 341 с.

Distortion of office information in activity staff of bodies of internal affairs: professional and personal factors

Maryin M.I., Dr. Sci. (Psychology), professor of department of scientific fundamentals of extreme psychology of the Moscow State University of Psychology and Education (marin_misha@mail.ru)

Efimkina N.V., PhD (Psychology), senior teacher of department of legal psychology of UNK design and estimate documentation The Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of V.Ya. Kikotya (e_n_v@inbox.ru)

The article adduces a research of psychological characteristics of information security of adolescents with deviant and normative behavior. 46 people from two Moscow schools were examined with a complex of four methods, one of which was the "Information Security Questionnaire" - is used for the first time. In addition, two experimental subgroups viewed videos about Internet security rules and then it was assessed how much it had influenced the responses of adolescents to spam mailing. A conclusion based on the obtained results was made, that adolescents with deviant behavior are less likely (in comparison with adolescents with normative behavior) to be exposed to negative information because of their personal characteristics and distrust of others. However, for the same reason, they are less susceptible to persuasive educational impact, including those related to information security on the Internet. Thus, it is teenagers with normative behavior who are the ones who need information security education, and the effectiveness of such education should be tested with various psychological methods.

Keywords: law-enforcement bodies, distortion of office information, professional determinants, personal factors.

References

1. Gavrilova N.I., Ratinov A.R. Logiko-psikhologicheskoy structure of a lie and error in testimony. Questions of fight against crime. 1982. no. 37. P. 44-57.
2. Ratinov A.R. Judicial psychology for investigators. Moscow, 2001. 352 p.
3. Ratinov A.R. Lie phenomenology. Judicial and psychological look. Legal psychology: works. Moscow, 1998. P. 95-105.
4. Musayelyan L.A. Legal truth: contents and entity of a concept. Philosophy and society. 2011. no. 2 (62). P. 77-104.

5. Maryin M.I., Petrov V.E., Adayev A.I., Egorov K.A. Organization socially - psychological operation in Department of Internal Affairs: methodical manual. Moscow: DKO Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2006. 240 p.
6. Maryin M.I., Efimkina N.V. Personal factors of distortion of the control footing in professional activity of staff of bodies of internal affairs. Works of Departments of MIA Academy of Russia, 2015. no. 2 (34). P. 78-82.
7. Pryakhina M.V. The organization of psychological service in law-enforcement bodies: manual. SPb.: St. Petersburg university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2008. 264 p.
8. Statnij V. M. Legal psychology: manual. Saint Petersburg, 2010. 328 p.
9. Ford Ch. Deception psychology. As, why and why even honest people. Lanes with English E.A. Lyubimtseva lie. Moscow, 2013. 400 p.
10. Anthology of the general psychology. Memory psychology. Under edition Gippenreyter Yu.B., Romanov V.Ya. Moscow: Publishing house of the Moscow university, 1979. 272 p.
11. Shikhantsov G.G. Legal psychology: the textbook for higher education institutions. Moscow, 2000. 341 p.

Психофизиологические предикторы психической адаптивности у специалистов опасных профессий (на примере военнослужащих)

Ковалева М.Е., младший научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (kovaleva_me@inbox.ru)

Булыгина В.Г., доктор психологических наук, руководитель лаборатории психогигиены и психопрофилактики, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации; профессор кафедры судебной и клинической психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ver210@yandex.ru)

В статье изложены результаты комплексного психологического и психофизиологического исследования особенностей психической саморегуляции в условиях моделирования различных стрессовых ситуаций у специалистов опасных профессий на примере военнослужащих. Был разработан интегральный протокол исследования методикой биологической обратной связи с учетом различных показателей центральной и вегетативной нервной системы в условиях моделирования стресс-стимуляции. Для диагностики психологических особенностей саморегуляции использован набор психологических опросников: опросник самоконтроля Х. Грасмик, «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, опросник Кавера–Уайта BIS/BAS, опросник формально-динамических свойств В.М. Русалова, личностный опросник Айзенка EPQ, шкала тревоги Ч.Д. Спилбергера. Применялись статистический метод кластеризации методом k-средних, однофакторный дисперсионный анализ, множественный регрессионный анализ. Описаны психологические и психофизиологические различия между психически дезадаптивными и адаптивными группами, а также выявлены предикторы психической дезадаптации для военнослужащих. Обнаружено, что психическая дезадаптация у военнослужащих характеризуется предпочтением простых задач в структуре самоконтроля и высоким уровнем реактивной ситуативной тревоги, сниженными показателями программирования и оценки результатов, психомоторной эргичности, интеллектуальной скорости,

---

индексов психомоторной активности и общей адаптивности. Психофизиологический профиль дезадаптации отличается от нормативных показателей повышенными индексами подкорковых альфа- и тета-ритмов в исходном фоне, а также повышенным индексом вегетативного баланса и сниженным индексом активации подкорковых центров в стресс-пробе. Установлены психофизиологические предикторы дезадаптации.

Ключевые слова: психофизиологические предикторы, психическая дезадаптация, стрессоустойчивость, специалисты экстремального профиля.

Для цитаты:

Ковалева М.Е., Булыгина В.Г. Психофизиологические предикторы психической адаптивности у специалистов опасных профессий (на примере военнослужащих). [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2017(7). № 4. С. 137-150. doi: 10.17759/psylaw.207070411

For citation:

Kovaleva M.E., Bulygina V.G. Psychophysiological predictors of mental adaptability among specialists of extreme profile (servicemen). [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2017(7), no. 4. pp.137-150. doi: 10.17759/psylaw.2017070411

Введение

Снижение эмоциональной устойчивости в условиях действия стрессоров высокой интенсивности может приводить к истощению адаптационных резервов психики и, как следствие, к состоянию психической дезадаптации. Увеличение количества техногенных аварий, чрезвычайных ситуаций, вооруженных конфликтов, а также возрастание террористической угрозы обуславливает необходимость обеспечения надежности людских ресурсов, связанных с предотвращением, решением или ликвидацией последствий подобных происшествий. Психическая устойчивость специалистов опасного профиля в свою очередь зависит от индивидуальных и психологических особенностей субъекта деятельности применительно к конкретной профессиональной специфике. В то же время психологическая адаптивность может снижаться в зависимости от силы, продолжительности и специфики действующего стрессора. Дефицит программ сопровождения специалистов экстремального профиля на всех этапах трудовой деятельности диктует необходимость проведения исследования особенностей психической дезадаптации и психической устойчивости с учетом профессиональной специфики для повышения профессиональной надежности и снижения риска совершения профессиональной ошибки.

Психическая устойчивость – результат сложного системного взаимодействия индивидуальных психологических качеств саморегуляции, сформированных на базе врожденных темпераментальных особенностей индивида, а также его навыков совладания с физиологическими проявлениями стресса [5]. Многоуровневая структура саморегуляции включает себя нейрофизиологический и психологический уровни. Компоненты нейрофизиологического уровня обеспечивают поддержание оптимального функционального состояния, отвечающего требованиям текущей деятельности [2].

Большую роль в перестройке функционирования органов и систем организма под определенные задачи играет вегетативная нервная система (ВНС) [1]. Баланс активации отдельных звеньев ВНС – симпатической и парасимпатической нервных систем определяет вегетативный баланс – интегральную характеристику нейрофизиологического уровня обеспечения саморегуляции. По данным опубликованных исследований, вегетативный баланс определяется уже с младенческого возраста и устойчиво воспроизводится во взрослом возрасте. [1; 14; 15]. В то же время, учитывая пластичность функционального состояния и широкие возможности обучения нервной системы для декомпенсации ее слабых звеньев, представляет интерес исследование динамики вегетативного баланса в условиях моделирования действия различных стрессоров. Представленные в настоящее время работы с использованием физиологических параметров, как правило, характеризуются регистрацией какого-то одного или нескольких физиологических параметров вне условий действия стрессоров [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. В большинстве исследований использовался метод БОС (биологическая обратная связь), предполагающий возможность проведения диагностических и коррекционных процедур, а также стресс-стимуляции.

Тип вегетативного реагирования формируется раньше психологических звеньев саморегуляции. Уже к 6–7 годам достигается структурная зрелость основных звеньев ВНС, на основе которых формируется темперамент. Темперамент определяется как опосредующее звено, реализующее природные предпосылки саморегуляции личности [4]. Несмотря на то, что устойчивый тип вегетативного реагирования определяет уровень тревожности человека, его способность к произвольной регуляции собственных эмоциональных состояний, более высокие психические уровни саморегуляции могут компенсировать данные особенности в осознанном поведении человека. Необходимость поддержания постоянного произвольного контроля и компенсации собственного состояния вызывает большое напряжение на всех уровнях саморегуляции человека, что может стать причиной возникновения состояния дезадаптации. Существует дефицит междисциплинарных исследований различных уровней саморегуляции, в частности, нейрофизиологического и психологического [6]. В то же время интегративный характер психической устойчивости предполагает наличие взаимообратных влияний физиологических предпосылок на психологические качества и наоборот.

Поскольку длительное пребывание в условиях специфичной профессиональной деятельности может формировать своеобразные варианты компенсации и декомпенсации психического и нейрофизиологического уровней регулирования деятельности, существует необходимость проведения комплексного исследования механизмов психической устойчивости в условиях моделирования стрессовой нагрузки, специфичной для военнослужащих, что и определило **цель** данного исследования.

Материал и методы

В исследовании приняли участие 38 лиц мужского пола, состоящих на службе в вооруженных силах РФ по контракту ($M_{\text{возраст}} = 26,08$; $SD = 7,42$; $M_{\text{стаж}} = 5,29$; $SD = 5,63$). Все сотрудники по решению комиссии ежегодного медицинского освидетельствования признаны годными к службе по состоянию здоровья. Критериями включения в исследование являлись: согласие участвовать в исследовании, возраст от 18 до 55 лет, мужской пол, отсутствие установленного психиатрического диагноза и перерывов в трудовом стаже более года.

Диагностический комплекс состоял из следующих блоков.

Блок оценки индивидуально-психологических особенностей личности.

1. Личностный опросник EPQ (Г. и С. Айзенк), включающий шкалы: экстраверсия/интроверсия, нейротизм, психотизм и ложь/социальная конформность.
2. Методика тревожности Ч.Д. Спилбергера. Включает шкалы ситуативной и личностной тревожности.
3. Методика «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой направлена на диагностику особенностей саморегуляции.
4. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности В.М. Русалова, диагностирующий свойства «предметно-деятельностного» (психомоторная и интеллектуальная сферы) и «коммуникативного» аспектов темперамента.
5. Опросник Басса–Перри ВРАQ (адаптация Ениколопова С.Н., Цибульского Н.П., 2007), направленный на диагностику склонности к физической агрессии, враждебности и гневу.
6. Опросник самоконтроля Р. Грасмика (адаптация Булыгина В.Г., Абдраязкова А.М., 2008), диагностирующий особенности самоконтроля как predispositional черты. Содержит шкалы: импульсивность, предпочтение простых задач, стремление к риску, физическая активность, эгоцентризм и раздражительность.
7. Опросник BIS/BAS (Carver C.S., White T.L., 1994, стандартизация – Князев Г.Г., Слободская Е.Р., 2007). Позволяет оценить соотношения процессов систем активации поведения (BAS, Behavioral Approach System) и его торможения (BIS, Behavioral Inhibition System), которые имеют различную психофизиологическую основу. Опросник включает следующие шкалы: торможение поведения (BIS); развлекательная активация (BASf); неспецифическая активация (BASDr); активация, связанная с поощрением (BASR).

Блок оценки индивидуально-типологических особенностей личности.

Биологическая обратная связь. Методика включает регистрацию параметров функционирования периферической и центральной нервных систем и информирование обследуемого о динамике его показателей во время процедуры. В обработку приняты три этапа: «исходный фон», «стресс», «электростимуляция». Во время этапа «исходный фон» обследуемый находится в спокойном бодрствовании с открытыми глазами, слушает спокойную музыку и наблюдает слайды с видами природы. Проба «стресс» включает в себя произвольное снижение ЧСС (частоты сердечных сокращений) с опорой на график, отражающий динамику его пульса, в условиях провоцирующей стрессовой нагрузки (громкие, внезапные, негативно социально-окрашенные звуки). Во время пробы «электростимуляция» проводится электростимуляция выше болевого порога во время выполнения инструкции произвольного снижения ЧСС. Сила электростимуляции прямо пропорциональна возрастанию ЧСС.

Во время процедуры регистрировались следующие параметры.

- Показатели электрокардиограммы (ЭКГ): частота сердечных сокращений (ЧСС), HF (мощность дыхательных сердечных волн 0,15–0,4 Гц), LF (мощность медленных сердечных волн первого порядка 0,04–0,15 Гц), VLF (мощность сердечных волн второго порядка 0,003–0,04 Гц), соотношение LF/HF, общая мощность спектра ЭКГ (OM, определяется как сумма HF, LF, VLF), индекс централизации (ИЦ), по формуле $(LF+VLF)/HF$, индекс активации подкорковых нервных центров (ИАП, определяется соотношением VLF/LF).
- Показатели АСВ (амплитуда систолической волны); КГР (кожно-гальваническая реакция); показатели ЭЭГ (электроэнцефалограммы) с затылочного отведения Oz и его ритмов диапазонов: альфа, тета, бета 1, бета 2. Были вычислены показатели, характеризующие динамику показателей (дельты) по формуле: разница между показателями в пробе «исходный фон» и показателем для текущей пробы.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием кластерного анализа методом k-means, а также линейного регрессионного анализа. Выявление достоверных различий между кластерами проводилось с помощью однофакторного дисперсионного анализа. Обработка данных осуществлялась с помощью статистического программного пакета SPSS 20.

Результаты и обсуждение

С целью выделения адаптивной и дезадаптивной групп был проведен кластерный анализ K-means (табл. 1) на основе параметров саморегуляции «планирование», «гибкость» и «самостоятельность», выделенных ранее в качестве предикторов психической дезадаптации [3].

Таблица 1

Значения средних в баллах по шкалам, использованным для кластеризации

Переменная	Кластер	
	1	2
Планирование	4,94	7,77
Гибкость	6,31	6,64
Самостоятельность	4,25	4,18

В первую дезадаптивную группу вошли 16 человек, вторую адаптивную группу составили 22 человека. Для конкретизации психологических и психофизиологических различий между группами был проведен однофакторный дисперсионный анализ. В табл. 2 приведены значения средних только для значимых различий ($p < 0,05$).

Таблица 2

Значимые различия кластеров, полученные методом однофакторного дисперсионного анализа

Название переменной	Среднее	
	Кластер 1	Кластер 2
Предпочтение простых задач	1,63	0,86
Программирование	5,8	6,8
Оценивание результатов	5,3	7
Общий уровень саморегуляции	28,9	35,3
Эргичность психомоторная	32	36,5
Скорость интеллектуальная	31,3	34,6
Реактивная ситуационная тревога	34,8	30,4
Индекс психомоторной активности	97,9	107
Индекс общей адаптивности	213,7	236,1
ИАП «стресс»	0,47	0,75
LF/HF «стресс»	2,85	1,89
Альфа-ритм «исходный фон» (в %)	19,05	15,05
Тета-ритм «исходный фон» (в %)	16,65	14,66
HF Δ «стресс»	-252,13	64,32
Тета ритм Δ «стресс» (в %)	1,85	0,27
Бета 2-ритм Δ «электростимуляция» (в %)	-0,81	0,84

Психическая дезадаптация, характерная для военнослужащих (кластер 1), сопровождается снижением общего уровня саморегуляции, программирования, оценивания результатов, психомоторной эргичности, интеллектуальной скорости, а также индекса психомоторной активности и общей адаптивности с повышением предпочтения простых задач и высоким уровнем ситуативной тревоги.

В пробе «исходный фон» группа дезадаптивных отличалась повышенной активностью подкорковых структур, выразившейся в повышенной относительной

мощности медленных ритмов альфа и тета, регистрируемых с затылочных областей, что в свою очередь обуславливает возможность большего снижения тета-ритма при переходе к пробе «стресс».

В пробе «стресс» группа дезадаптивных (кластер 2) отличается повышенным индексом вегетативного баланса, обусловленным доминированием симпатического отдела вегетативной нервной системы, несмотря на значимый рост активации парасимпатического отдела вегетативной нервной системы в пробе «стресс». Адаптивная группа характеризуется нормативными показателями вегетативного баланса в данной пробе и повышенным индексом активации подкорковых центров.

Ввиду отсутствия значимых различий в вегетативном балансе между группами в «исходном фоне» стоит отметить обоснованность использования моделирования стрессовых нагрузок для дифференциальной диагностики профессионально важных личностных качеств. Для пробы «электростимуляция» найдено только одно статистически значимое отличие в диапазоне бета 2-ритма. Согласно литературным данным повышение значений бета 2-ритма (для дезадаптивной группы) связано с повышением уровня ситуативной тревоги и одновременным нарастанием мышечного напряжения.

Для выявления психофизиологических предикторов психической дезадаптации у военнослужащих был проведен множественный регрессионный анализ для значимых психологических предикторов (планированию, гибкости, самостоятельности) для всей выборки (табл. 3 4, 5).

Большую часть предикторов к зависимой переменной «планирование» составили характеристики исходного фона, т. е. фонового состояния обследуемого до начала стресс-стимуляции. Рост индекса активации подкорковых центров, ЧСС, а также индекса активации симпатической нервной системы LF в исходном фоне связан с ростом баллов по шкале планирования, в то время как рост относительной мощности тета-ритма и абсолютной мощности спектра ЭКГ (OM) в исходном фоне приводил к обратному эффекту. Снижение бета 2-ритма и повышение уровня межсистемного регулирования VLF в пробе электростимуляция связаны с увеличением показателя планирования (табл. 3). Стрессоустойчивость человека зависит от баланса ориентировочного и оборонительного рефлексов. Полученные данные свидетельствуют о том, что «адаптивная» группа на ситуацию обследования отреагировала активацией ориентировочного рефлекса до начала стресс-стимуляции, но затем быстро снижала оборонительный рефлекс во время действия стресс-стимулов (рост VLF и падение бета 2-ритма). Динамика изменения функционального состояния в группе «дезадаптивных» отличалась только активацией оборонительного рефлекса во время действия стресс-стимулов (рост бета 2-ритма и снижение контролирующей функции коры VLF).

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа к переменной «планирование» (F=17,317; p<0,001)

Предиктор	β	t	p
Бета 2-ритм «электростимуляция»	-0,712	-7,953	0,000
ЧСС «исходный фон»	0,756	7,599	0,000
Тета-ритм «исходный фон»	-0,354	-4,318	0,000
ИАП «исходный фон»	0,799	6,119	0,000
LF «исходный фон»	1,593	4,302	0,000
OM «исходный фон»	-1,551	-4,016	0,000
VLF «электростимуляция»	0,463	3,023	0,005

Повышение относительной мощности альфа-ритма с закрытыми глазами в спокойном состоянии, вклада симпатической нервной системы во время пробы «электростимуляция», а также рост бета 2-ритма и снижение вклада межсистемного взаимодействия в контроль состояния во время действия социальных стрессоров («стресс») позволяет предсказать повышение по шкале гибкости (табл. 4). Небольшие значения коэффициента регрессии могут означать незначительное позитивное влияние легкого «тревожного» состояния на гибкость поведенческих паттернов. Вероятно, часть симпатической активации во время стрессовых проб может быть скомпенсирована одновременной парасимпатической активацией, обеспечивая высокий уровень бдительности и стрессоустойчивости.

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа к переменной «гибкость» (F=12,234; p<0,001)

Предиктор	β	t	p
VLF «стресс»	-0,449	-3,667	0,001
Альфа ритм «закрытые глаза»	0,418	3,691	0,001
LF Δ «электростимуляция»	0,286	2,465	0,019
Бета 2-ритм «стресс»	0,265	2,177	0,037

Предиктором возрастания переменной «самостоятельность» (сцепленности этапов регуляции) является рост альфа-ритма в пробе «электростимуляция», что может быть

следствием тормозного влияния подкорковых нервных центров во время действия болевого стрессора (табл. 5).

Таблица 5

**Результаты регрессионного анализа к переменной «самостоятельность»
(F=6,390; p<0,001)**

Предиктор	β	t	p
Альфа-ритм Δ «электростимуляция»	0,331	2,37	0,024

Несмотря на то, что индекс вегетативного баланса статистически значимо различался у адаптивной и дезадаптивной групп, предиктором риска возникновения психической дезадаптации он не является. Это может быть связано с тем, что хроническое изменение вегетативного баланса во время стресс-стимуляции является, скорее, следствием длительной психической дезадаптации, а не ее причиной.

Заключение

Результаты исследования указывают на то, что изменение вегетативного баланса у военнослужащих во время действия стресс-стимула может быть следствием, а не причиной психической дезадаптации. Несмотря на представленные в литературе исследования взаимосвязи вегетативного баланса и процессов саморегуляции, подобной взаимосвязи у данной профессиональной группы в состоянии покоя найдено не было.

В то же время, значимое повышение альфа- и тета-ритмов в состоянии покоя в группе дезадаптивных может быть признаком более низкого уровня функционального состояния, и, как следствие, низкого уровня бдительности, а также предпосылкой снижения психической адаптации в условиях воздействия различных стрессоров.

Многочисленные статистически значимые различия в психологических и психофизиологических характеристиках между адаптивной и дезадаптивной группами специалистов согласуются с представлением о сложной многоуровневой структуре процессов саморегуляции и психической устойчивости. Отличительными характеристиками высоко адаптированной группы являются высокие показатели планирования, гибкости, программирования, оценивания результатов своей деятельности, широкий психомоторный репертуар, высокие показатели интеллектуальной скорости и психомоторной активности, а также высокие индексы общей адаптивности и общего уровня саморегуляции на фоне функционального состояния повышенной бдительности. Данные особенности психической адаптации у военнослужащих могут быть использованы для создания эффективной программы психологической диагностики, профилактики и коррекции состояний психической дезадаптации.

Литература

1. *Баевский Р.М., Берсенева А.П.* Оценка адаптационных возможностей организма и риск развития заболеваний. М.: Медицина, 1997. 235 с.
2. *Березин Ф.Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988. 270 с.
3. *Кабанова Т.Н., Плешакова Е.А., Дубинский А.А., Васильченко А.С.* Особенности саморегуляции у специалистов экстремального профиля профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2017. Т. 7. № 1. С. 89–105. doi:10.17759/psylaw.2017070108
4. *Русалов В.М.* О природе темперамента и его месте в структуре индивидуальных свойств человека // *Вопросы психологии*. 1985. № 1. С. 19–32.
5. *Рыбников В.Ю.* Психологическое прогнозирование надежности деятельности и коррекция дезадаптивных нервно-психических состояний специалистов экстремального профиля. СПб.: СПб. ун-т МВД, 2000. 205 с.
6. *Усенко А.Б., Кузьмина К.А.* Вегетативный баланс как природная предпосылка процессов психической саморегуляции [Электронный ресурс] // *Психологические исследования: электрон. науч. журн.* 2011. № 3(17). URL: <http://psystudy.ru/num/2011n3-17/490-usenko-kuzmina17> (дата обращения: 24.06.11).
7. *Gapen M., van der Kolk B.A., Hamlin E., Hirshberg L., Suvak M., Spinazzola J.* A Pilot Study of Neurofeedback for Chronic PTSD // *Applied psychophysiology and biofeedback*. 2016, Sep. 41(3). P. 251 – 61.
8. *Hernando A., Lazaro J., Gil E., Arza A., Garzon J.M., Lopez-Anton R., de la Camara C., Laguna P., Aguilo J., Bailon R.* Inclusion of Respiratory Frequency Information in Heart Rate Variability Analysis for Stress Assessment // *IEEE journal of biomedical and health informatics*. 2016, Jul. 20(4). P. 1016–25.
9. *Lennartsson A.K., Jonsdottir I., Sjörs A.* Low heart rate variability in patients with clinical burnout // *International journal of psychophysiology : official journal of the International Organization of Psychophysiology*. 2016, Aug 14.
10. *Lewis G.F., Hourani L., Tueller S., Kizakevich P., Bryant S., Weimer B., Strange L.* Relaxation training assisted by heart rate variability biofeedback: Implication for a military predeployment stress inoculation protocol // *Psychophysiology*. 2015, Sep. 52(9). P. 1167–74.
11. *Lin F., Ren P., Cotton K., Porsteinsson A., Mapstone M., Heffner K.L.* Mental Fatigability and Heart Rate Variability in Mild Cognitive Impairment // *The American journal of geriatric psychiatry : official journal of the American Association for Geriatric Psychiatry*. 2016, May. 24(5). P. 374–8.
12. *McAusland L., Addington J.* Biofeedback to treat anxiety in young people at clinical high risk for developing psychosis // *Early Interv Psychiatry*. 2016, Aug 29.
13. *Meyer T., Albrecht J., Bornschein G., Sachsse U., Herrmann-Lingen C.* Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) Patients Exhibit a Blunted Parasympathetic Response to an Emotional Stressor // *Appl Psychophysiol Biofeedback*. 2016, Aug 4.

14. *Porges S.W.* Physiological regulation in high-risk infants: A model for assessment and potential intervention // *Development and Psychopathology*. 1996. № 8. P. 43–58.
15. *Porges S.W.* The polyvagal theory: phylogenetic contributions to social behavior // *Physiology and Behavior*. 2003. Vol. 79(3). P. 503–513.

Psychophysiological predictors of mental adaptability among specialists of extreme profile (servicemen)

Kovaleva M.E., *Junior Researcher, the Laboratory of the psychohygiene and psychoprophylaxis, V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation (kovaleva_me@inbox.ru)*

Bulygina V. G., *Ph.D. in Clinical psychology, the head of the Laboratory of the psychohygiene and psychoprophylaxis, V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation (ver210@yandex.ru)*

The results of a comprehensive psychological and psychophysiological study of the characteristics of mental self-regulation in the simulation of various stressful situations in the specialists of extreme profile on the example of servicemen were described in the article. The integrated protocol of the study by the method of biofeedback with consideration of various indices of the central and autonomic nervous system under conditions of stress stimulation was developed. The set of psychological questionnaires was used to diagnose psychological features of self-regulation: questionnaire of self-control H. Grasmik, questionnaire "Style of self-regulation of behavior" by V. I. Morosanova, the questionnaire BIS/BAS, the questionnaire formal - dynamic properties of individuality by V. M. Rusalov, personal questionnaire of the G. and S. Eysenck EPQ, the scale of anxiety Charles D. Spielberger. Statistical method of clustering by the k-means method, single-factor analysis of variance, multiple regression analysis were applied. Psychological and psychophysiological differences between mentally disadaptive and adaptive groups are described, as well as predictors of mental disadaptation for military personnel are identified. It was found that mental disadaptation among servicemen is characterized by a preference for simple tasks in the structure of self-control and a high level of reactive situational anxiety, reduced programming and evaluation indicators, psychomotor erbiness, intellectual speed, indices of psychomotor activity and general adaptivity. The psychophysiological profile of maladaptation differs from the normative indices with elevated indices of subcortical alpha and theta rhythms in the initial background, as well as an increased index of vegetative balance and a reduced index of activation of subcortical centers in the stress sample. Psychophysiological predicators of disadaptation were established.

Keywords: psychophysiological predictors, mental disadaptation, stress resistance, experts of extreme profile.

References

1. Baevskij R.M., Berseneva A.P. Ocenka adaptacionnyh vozmozhno-stej organizma i risk razvitiya zabolevanij. [Assessment of adaptive capabilities of the body and the risk of developing diseases] M.: Medicina, 1997. 235 p.
2. Berezin F.B. Psihicheskaya i psihofiziologicheskaya adaptaciya cheloveka. [Mental and psychophysiological adaptation of man.] Leningrad: Nauka, 1988. 270 p.
3. Kabanova T.N., Pleshakova E.A., Dubinsky A.A., Vasilchenko A.S. Peculiarities of self-regulation of extreme profile specialists [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2017. Vol. 7, no. 1, pp. 89–105. doi:10.17759/psylaw.2017070108. (In Russ., abstr. in Engl.)
4. Rusalov V.M. O prirode temperamenta i ego mesta v strukture individual'nyh svojstv cheloveka [On the nature of temperament and its place in the structure of individual human properties] *Voprosy psihologii*. 1985. № 1. S. 19–32.
5. Rybnikov V.YU. Psihologicheskoe prognozirovanie nadezhnosti deya-tel'nosti i korrekciya dezadaptivnyh nervno – psihicheskikh sostoyanij specialistov ehkstremal'nogo profilya. [Psychological prediction of the reliability of activity and correction of disadaptive neuropsychic states of specialists of extreme profile.] SPb.: SPb. un-t MVD, 2000. 205 s.
6. Usenko A.B., Kuz'mina K.A. Vegetativnyj balans kak prirodnyaya predposylka processov psihicheskoy samoregulyacii [Elektronnyi resurs] [Vegetative balance as a natural precondition for the processes of mental self-regulation] *Psihologicheskie issledovaniya: ehlektron. nauch. zhurn.* 2011. № 3(17). URL: <http://psystudy.ru/num/2011n3-17/490-usenko-kuzmina17> (Accessed: 24.06.11).
7. Gapen M., van der Kolk B.A., Hamlin E., Hirshberg L., Suvak M., Spinazzola J. A Pilot Study of Neurofeedback for Chronic PTSD. *Applied psychophysiology and biofeedback*, 2016 Sep. 41(3). P. 251 – 61.
8. Hernando A., Lazaro J., Gil E., Arza A., Garzon J.M., Lopez-Anton R., de la Camara C., Laguna P., Aguilo J., Bailon R. Inclusion of Respiratory Frequency Information in Heart Rate Variability Analysis for Stress Assessment. *IEEE journal of biomedical and health informatics*, 2016 Jul. 20(4). P. 1016 – 25.
9. Lennartsson A.K., Jonsdottir I., Sjörs A. Low heart rate variability in patients with clinical burnout. *International journal of psychophysiology : official journal of the International Organization of Psychophysiology*, 2016 Aug 14.
10. Lewis G.F., Hourani L., Tueller S., Kizakevich P., Bryant S., Weimer B., Strange L. Relaxation training assisted by heart rate variability biofeedback: Implication for a military predeployment stress inoculation protocol. *Psychophysiology*, 2015 Sep. 52(9). P. 1167 – 74.
11. Lin F., Ren P., Cotton K., Porsteinsson A., Mapstone M., Heffner K.L. Mental Fatigability and Heart Rate Variability in Mild Cognitive Impairment. *The American journal of*

geriatric psychiatry : official journal of the American Association for Geriatric Psychiatry, 2016 May. 24(5). P. 374 – 8.

12. McAusland L., Addington J. Biofeedback to treat anxiety in young people at clinical high risk for developing psychosis. *Early Interv Psychiatry*, 2016 Aug 29.
13. Meyer T., Albrecht J., Bornschein G., Sachsse U., Herrmann-Lingen C. Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) Patients Exhibit a Blunted Parasympathetic Response to an Emotional Stressor. *Appl Psychophysiol Biofeedback*, 2016 Aug 4.
14. Porges S.W. Physiological regulation in high-risk infants: A model for assessment and potential intervention *Development and Psychopathology*. 1996. N 8. P. 43–58.
15. Porges S.W. The polyvagal theory: phylogenetic contributions to social behavior *Physiology and Behavior*. 2003. Vol. 79(3). P. 503–513.

Влияние на психологический климат коллектива образовательных учреждений обучения сотрудников основам медиации

Шамликашвили Ц. А., кандидат медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой медиации в социальной сфере факультет юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (office@mediacia.com)

Харитонов С. В., доктор медицинских наук, профессор кафедры медиации в социальной сфере факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (sergeyhar@mail.ru)

Графский В. П., преподаватель кафедры медиации в социальной сфере факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (v.grafskiy@fedim.ru)

В статье исследуется влияние программ обучения медиации в специальных учебно-воспитательных учреждениях (СУВУ) и общеобразовательных учреждениях (ОУ) на психологический климат в коллективах сотрудников. Материалом исследования послужили данные, полученные от 154 человек, сотрудников образовательных учреждений. Из них, 37 человек – сотрудники СУВУ, а 117 человек – сотрудники ОУ.

Применялись три метода психологической диагностики: Методика оценки психологической атмосферы в коллективе по А.Ф.Филдеру, индекс Сिशора и оценка коммуникативных умений.

При сопоставлении показателей тестов до проведения обучающих программ по основам медиации и после ее прохождения определено, что среди сотрудников СУВУ (в тесте Уилкоксона $p = 0,0027$) и сотрудников ОУ (в тесте Уилкоксона $p < 0,0001$) происходит статистически достоверный рост уровня групповой сплоченности, определяемый в тесте Сिशора.

Получены странные данные по шкалам Методики оценки психологической атмосферы в коллективе по А.Ф.Филдеру. Согласно результатам этого исследования, у сотрудников СУВУ не произошло статистически достоверных изменений в показателях биполярных шкал, оценивающих разные качественные характеристики атмосферы в коллективе. В то время, как у работников ОУ по всем десяти шкалам получены статистически достоверные различия,

---

свидетельствующие об улучшении показателей.

В тесте оценки коммуникативных умений не отмечалось статистически достоверных различий у сотрудников ни в группе СУВУ (в тесте Уилкоксона $p=0,079$), ни в группе ОУ (в тесте Уилкоксона $p=0,95$).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что обучение основам медиации способствует улучшению ряда характеристик психологического климата в коллективах СУВУ и ОУ. В то же время между коллективами этих учреждений имеются кардинальные отличия, которые требуют проведения дополнительных исследований.

В заключение делается вывод о том, что выявленные детерминанты искажения сотрудниками органов внутренних дел служебной информации могут быть полезными при разработке мероприятий по его профилактике в интересах повышения уровня достоверности информации для принятия взвешенных управленческих решений, направленных на эффективность деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: медиация, школьная медиация, педагогическое образование, педагогическая деятельность, профессиональный стандарт, урегулирование споров.

Для цитаты:

Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В., Графский В.П. Влияние на психологический климат коллектива образовательных учреждений обучения сотрудников основам медиации. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 4. С. 151-165. doi: 10.17759/psylaw.207070412

For citation:

Shamlikashvili C.A., Haritonov S.V., Grafsky V.P. Distortion of office information in activity staff of bodies of internal affairs: professional and personal factors. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 4. pp.151-165. doi: 10.17759/psylaw.2017070412

Проблема образования и воспитания современной молодежи требует поиска новых путей и решений, опирающихся на современные инновационные инструменты и технологии педагогической деятельности. В связи с этим в последние годы проводится активная модернизация всего педагогического образования, в рамках которой разрабатывается новая система подготовки учителей, лежащая в основе фундамента образовательной политики государства. Такой подход отражен в федеральных программно-целевых документах, в частности, в государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг., государственной программе Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика», Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 гг., концепции федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг. Основная цель этой программы – модернизация педагогического образования за счет подготовки педагогических кадров в

соответствии с профессиональным стандартом педагога и федеральными государственными образовательными стандартами общего образования [2].

Современный учитель должен иметь не только высокие когнитивные, регулятивные, рефлексивные способности, но и соответствовать требованиям, которые относятся к экзистенциальной, бытийно-основополагающей сфере, предполагая соответствующую структуру ценностно-смысловой и потребностно-мотивационной сфер личности. Все это объединяется понятием «инновационный педагог» [5].

Новации в системе образования обусловлены Законом «Об образовании в Российской Федерации», вступившем в силу в 2014 г. Этот стратегический документ обобщает множество доминирующих актуальных положений в области практической педагогики, но в целом положения Закона не сопровождаются инструментарием для его реализации [1]. Поэтому решение поставленных задач зависит от их сопровождения современной педагогической наукой и от инициативы теоретиков и практиков. В итоге предоставляется широкое поле действий для включения новых технологий в инновационные преобразования в области педагогики.

Кроме того, интеграция нашей страны в общемировое глобальное пространство сопровождается переносом в российскую образовательную систему элементов зарубежной практики. Вместе с тем образ учителя в нашей традиционной культуре прежде всего представляется носителем нравственных ценностей. Поэтому функция педагога как носителя «образовательных услуг» неполноценна и сопровождается внедрением в сознание учителя и общественности позиции воспитателя, тьютора, фасилитатора, обладающего соответствующими социально-психологическими компетенциями общего и специального характера [4].

В качестве одной из инновационных педагогических технологий, сочетающей в себе инновационный подход и нравственность может выступать медиация, являющаяся одним из эффективных инструментов для разрешения споров и представляющая собой процесс, в ходе которого стороны конфликта при содействии нейтральной третьей стороны – медиатора сами определяют проблемы, выявляют пути их решения, проводят анализ вариантов завершения конфликта, выбирают наиболее подходящий вариант разрешения спора, который бы соответствовал интересам обеих сторон [6; 7].

Специалист в области образования, освоивший методы и технологии медиации, тем самым приобретает и повышает свои компетенции универсального (УК) и общепрофессионального (ОПК) характера и в тоже время помогает ученикам осваивать совокупности способов действий, обеспечивающих самостоятельное усвоение учащимися новых знаний, формирование умений надпредметного и метапредметного характера [3].

Но исследований о влиянии обучения медиации на атмосферу в коллективах образовательных учреждений нет. Особенно значимым представляется исследование влияния обучения основам медиации на психологический климат в коллективах сотрудников образовательных учреждений разного типа.

Цель исследования: определить влияние обучения работников образовательных учреждений основам медиации на психологический климат в коллективах сотрудников этих учреждений.

Объект исследования: коллективы специальных учебно-воспитательных и общеобразовательных учреждений, проходившие обучение медиации.

Материал исследования

В качестве материала настоящего исследования использовались данные, полученные при обработке 154 анкет с результатами психологического тестирования, проведенного с сотрудниками Щекинского специального учебно-воспитательного учреждения для обучающихся с девиантным поведением закрытого типа (далее СУВУ) и работниками общеобразовательных учреждений (далее ОУ) г. Москвы и Московской области.

Среди работников СУВУ (выборка из 37 человек) было 14 мужчин (37,8%) и 23 женщины (62,2%). Средний возраст по группе составил 45,7 года, при стандартном отклонении = 12,3. Высшее образование имели 30 человек (81%), среднее специальное – 4 человека (10,8%), у троих человек (8,1%) данные не получены. По профессиональным категориям выборка была неоднородной: воспитателей – 7 человек (18,9%), психологов – 5 человек (13,5%), мастеров – 7 человек (18,9%), социальных педагогов – 4 человека (10,8%), педагогов – 3 человека (8,1%), учителей – 2 человека (5,4%), остальные специальности – 9 человек (24,3%).

По уровню доходов оценивали себя: как имеющие низкий уровень доходов – 9 человек (24,3%), средний уровень доходов – 24 человека (64,8%). У 4 человек данные не получены (10,8%).

По семейному положению: состоят в браке 24 человека (64,8%), не замужем – 4 женщины (10,8%), разведены – 4 человека (10,8%), у 5 человек (13,5%) данные не получены.

Данные по исследованию в общеобразовательных школах включали анкеты 117 участников исследования – работников школ г. Москвы и Московской области.

Средний возраст по группе составил 42,8 года. В половом отношении выборка была с преимущественным участием женщин: женщин – 109 человек (93,1%), мужчин – 8 человек (6,8%).

Образовательный ценз был высоким и представлен в подавляющем большинстве случаев специалистами с высшим образованием – 114 человек (97,5%). У двоих было среднее специальное образование и у одного человека данные получены не были.

По специальностям выборка также была неоднородной с преимущественным участием учителей – 75 человек (64,1%), педагогов – 8 человек (6,8%), воспитателей – 6 человек (5,1%), социальных педагогов – 5 человек (4,3%), 21 человек (17,9%) имели иные специальности, у троих человек данные не были получены.

Оценивали свой уровень доходов: как высокий – 2 человека (1,7%), как средний – 94 человека (80,3%), как низкий – 10 человек (8,5%), данные не были получены у 11 человек (9,4%).

В части семейного положения выборка была преимущественно лицами, находящимися в браке – 78 человек (66,6%), в разводе находились 16 человек (13,6%), 1

вдова (0,85%), не замужем (не женаты) – 11 человек (9,4%) и у 11 человек (9,4%) данные получены не были.

Дизайн исследования

В СУВУ и общеобразовательных школах сотрудники проходили курс занятий по введению в медиацию и анкеты заполнялись ими дважды – до проведения занятий по введению в медиацию и после проведения этих занятий.

Методы исследования

Применялись три метода психологической диагностики: Методика оценки психологической атмосферы в коллективе по А.Ф.Филдеру, индекс Сिशора и оценка коммуникативных умений.

Методика оценки психологической атмосферы в коллективе по А.Ф.Филдеру В ее основе лежит метод семантического дифференциала [1]. Оценку по предлагаемым в бланке биполярным шкалам испытуемые дают самостоятельно. Методика позволяет осуществлять и анонимное обследование, что свидетельствует о ее надежности.

Перед проведением исследования испытуемым давалась инструкция. Бланк методики представляет собой таблицу, в которой приведены противоположные по смыслу пары слов, характеризующие атмосферу в коллективе. Испытуемые отмечали свой вариант выбора ответа на бланке в виде знака (х). Чем ближе к правому или левому слову в каждой паре стоял знак, тем более выражен один из десяти исследуемых признаков. Эти признаки: дружелюбие–враждебность, согласие–несогласие, удовлетворенность–неудовлетворенность, продуктивность–непродуктивность, теплота–холодность, сотрудничество–несогласованность, взаимная поддержка–едоброжелательность, увлеченность–равнодушие, занимательность–скука, успешность–безуспешность. Далее вычислялись средние коэффициенты субъективных оценок для каждого из 10 конструктов.

Индекс Сिशора – весьма наглядный для оценки интеграции группы параметр [1]. Показывает степень интеграции группы, ее сплоченности в единое целое. Методика состоит из 5 вопросов с несколькими вариантами ответов на каждый. Ответы кодируются в баллах согласно приведенным в скобках значениям (максимальная сумма: +19 баллов, минимальная: -5). В ходе опроса баллы указывать не нужно. Уровень групповой сплоченности принято оценивать качественно: при 15,1 баллах и выше – как высокий; при 11,6–15 баллах – выше среднего; при 7–11,5 баллах – средний; при 4–6,9 баллах – ниже среднего; при 4 баллах и ниже – низкий уровень групповой сплоченности.

Тест оценки коммуникативных умений – включает в себя не только оценку собеседника, определение его сильных и слабых сторон, но и умение создать дружескую атмосферу, понять проблемы собеседника и т. д. Для проверки этих качеств предлагается стимульный материал, состоящий из нескольких утверждений. В зависимости от ответов испытуемого рассчитывается процент ситуаций, вызывающих у него досаду и раздражение. Интерпретация результатов теста зависит от количества этих процентов. Так, если испытуемый набрал 70%–100% – он оценивается как плохой собеседник; 40%–70% – считается, что он имеет некоторые недостатки; 10%–40% – предполагается, что он хороший собеседник, но иногда отказывает партнеру в полном внимании; 0%–10% – отличный собеседник, умеет слушать и его стиль общения может стать примером для окружающих.

Результаты исследования

1. По индексу Сишора.

У работников СУВУ до проведения им обучающих занятий по введению в медиацию фиксировались показатели на уровне выше средних. Средний балл по группе составил 13,7 балла, при стандартном отклонении = 3,9 балла, коэффициент дисперсии = 0,2, асимметрия = 0,43, эксцесс = 3,5.

После проведения занятий, обучающих основам медиации, показатели индекса Сишора в группе существенно возросли – до 15,2 балла, что соответствует высокому уровню групповой интеграции. Стандартное отклонение составило = 4,5 балла, коэффициент дисперсии = 0,16 баллов, асимметрия = - 2,43, эксцесс = 8,7.

При сопоставлении результатов до проведения обучающих программ по основам медиации и после ее прохождения с помощью методов непараметрической статистики получены данные, свидетельствующие о достоверном увеличении уровня групповой сплоченности у работников СУВУ после прохождения вводного курса. По данным теста Уилкоксона, $Z = 3$, при уровне значимости различий = 0,0027. По данным теста «Метод знаков), $Z = 3,8$ при уровне значимости различий = 0,0001. Данные для наглядности представлены на рис. 1.

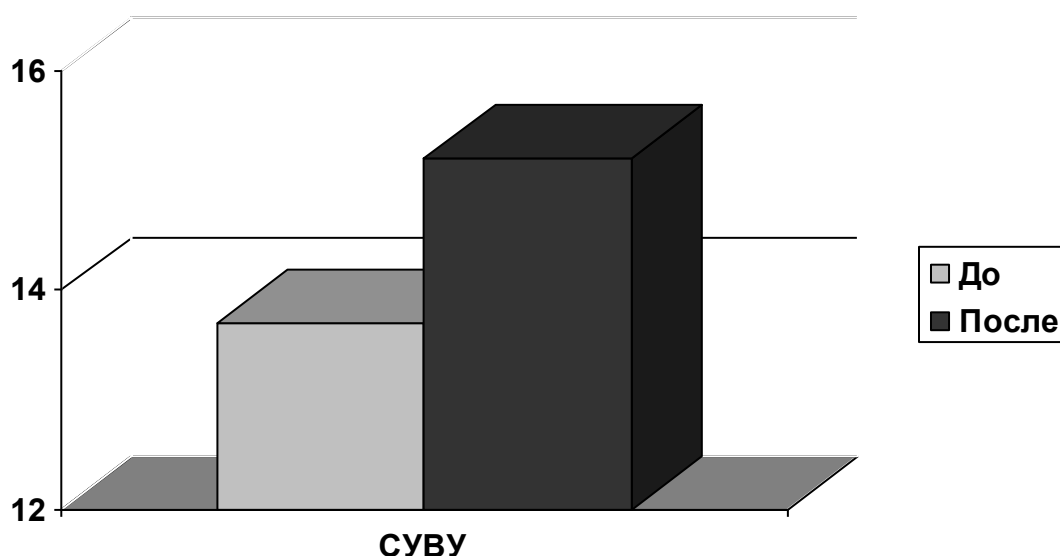

Рис. 1. Показатели по индексу Сишора до и после проведения обучающих занятий по введению в медиацию у работников СУВУ

У работников общеобразовательных учреждений (ОУ) г. Москвы и Московской области результаты исследования показали, что до проведения обучающей программы по введению в медиацию уровень групповой сплоченности, оцениваемой индексом Сишора, = 13,9 балла, что в качественной характеристике соответствует уровню «выше среднего». Стандартное отклонение от данного показателя составило = 3,25 балла, коэффициент дисперсии = 0,18 баллов, асимметрия = - 0,7, эксцесс = 3,4.

После проведения обучающей программы основам медиации уровень сплоченности группы значительно изменился, достигнув высоких значений = 16,2 балла, при стандартном отклонении = 2,15 балла, коэффициент дисперсии составил = 0,1 балл, асимметрия = -0,454, эксцесс = 2,8. Данные представлены графически на рис. 2.

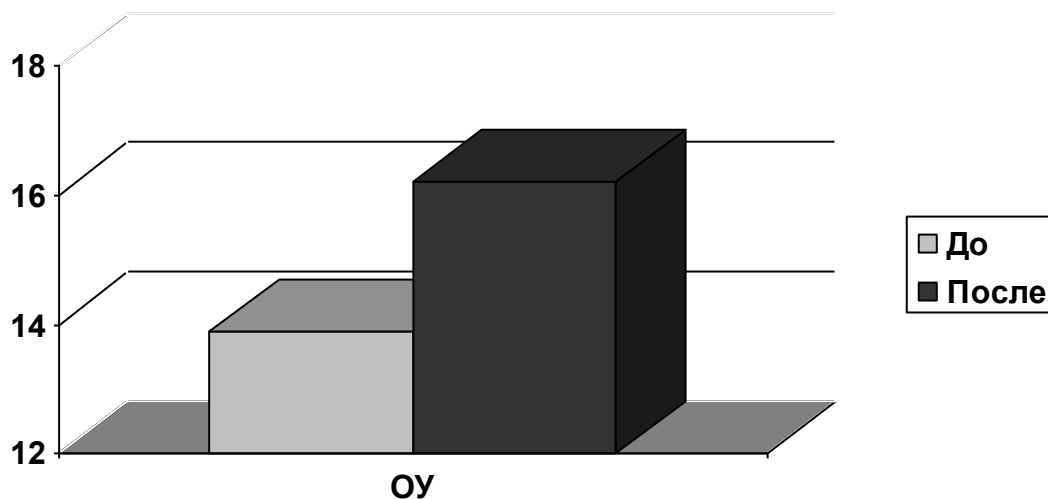

Рис. 2. Показатели по индексу Сिशора до и после проведения обучающих занятий по введению в медиацию у работников ОУ

Сравнение различий до и после проведения обучающей программы по основам медиации методами непараметрической статистики позволило обнаружить статистически достоверные различия, свидетельствующие, что проведение обучающего курса достоверно повышает уровень интеграции группы. По данным теста Уилкоксона, $Z= 6,5$ при $p < 0,0001$. По данным теста «Метод знаков», $Z= 5,9$ при уровне значимости $< 0,0001$. Для наглядности данные представлены на рис. 3.

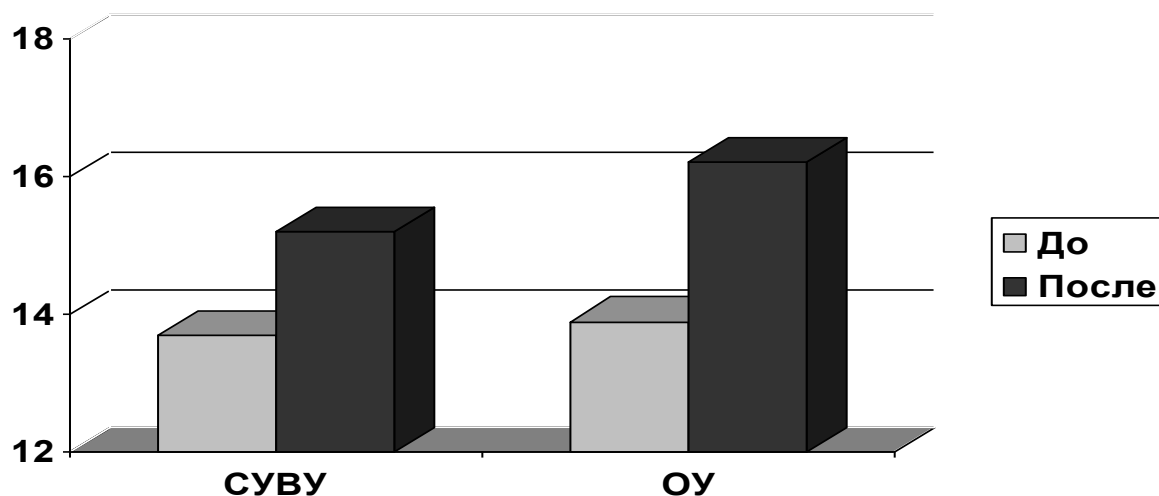

Рис. 3. Сравнение значений индекса Сिशора до и после проведения обучающих занятий по введению в медиацию у работников СУВУ и сотрудников ОУ

При сравнении различий между работниками СУВУ и работниками общеобразовательных учреждений статистически достоверных различий не получено ни до проведения обучения основам медиации, ни после этого обучения.

В частности, до проведения обучающей программы различия между группами у работников СУВУ и работников общеобразовательных учреждений г. Москвы и Московской области по тесту Манна–Уитни являлись недостоверными при $Z=0,57$ и уровне значимости = $0,56$. По тесту Колмогорова–Смирнова максимальная разница составила $0,14$ при уровне значимости = $0,66$, что также свидетельствует об отсутствии достоверных различий между группами.

После проведения обучающей программы, по данным теста Манна–Уитни, $Z=0,34$ при уровне значимости = $0,73$, по данным теста Колмогорова–Смирнова, максимальная разница = $-0,12$ при уровне значимости = $0,86$, что в обоих случаях свидетельствует об отсутствии достоверных различий между группами.

Таким образом, можно говорить, что обучение основам медиации способствует росту групповой сплоченности коллективов, как в общеобразовательных учреждениях, так и в СУВУ.

2. Методика оценки психологической атмосферы в коллективе по А.Ф. Филдеру.

2.1. У работников СУВУ первым из десяти биполярных показателей был изучен показатель «Дружелюбие–Враждебность». До проведения обучающих занятий средний балл составил $2,3$ балла, стандартное отклонение от показателя = $1,13$ балла. После проведения занятий, обучающих основам медиации, средний балл составил $2,75$ балла, стандартное отклонение от показателя = $2,18$ балл. Исследование достоверности различий не позволило их определить как достоверные ни по тесту Уилкоксона ($p=0,38$), ни по тесту «Метод знаков» ($p=1$).

У работников общеобразовательных учреждений уровень «Дружелюбия–Враждебности» в коллективе до проведения обучающей программы составил также $2,3$ балла при стандартном отклонении от показателя = $1,19$ балла. После проведения занятий средний балл = $1,87$ балла, стандартное отклонение от показателя = $1,1$. При оценке достоверности различий до и после проведения обучения основам медиации определены высоко достоверные различия, свидетельствующие о повышении уровня дружелюбности у работников ОУ. По тесту Уилкоксона, $Z=3,8$ при $p=0,0001$, тесту «Метод знаков», $Z=3,97$ при $p=0,0001$.

2.2. По шкале «Согласие–Несогласие» в коллективе, у работников СУВУ средний балл составил $2,7$ балла при стандартном отклонении от показателя = $1,19$ балла. После проведения занятий средний балл = 3 балла, стандартное отклонение = $2,1$ балла. При оценке достоверности различий до и после обучения достоверных данных не получено. По тесту Уилкоксона, $Z=0,38$ при $p=0,86$, по тесту «Метод знаков», $Z=0$ при $p=1$.

У работников ОУ средний балл по шкале «Согласие–Несогласие» до проведения занятий составил $2,8$ балла при стандартном отклонении от показателя = $1,15$ балла. После проведения занятий средний балл = $2,15$ балла, стандартное отклонение = 1 балл. Сравнение достоверности различий позволило определить, что изменения были

достоверными и свидетельствующими о росте показателей «Согласия» у работников ОУ после прохождения обучения основам медиации при $p < 0,0001$.

2.3. По шкале «Удовлетворенность–Неудовлетворенность» у работников СУВУ средний балл составил 3,4 балла при стандартном отклонении от показателя = 1,19 балла. После проведения занятий средний балл = 3 балла, стандартное отклонение = 2,3 балла. Сравнение достоверности различий между уровнем «Удовлетворенности–Неудовлетворенности» до и после проведения обучающей программы не выявило достоверных изменений. По тесту Уилкоксона, $Z=0,65$ при $p = 0,51$. По тесту «Метод знаков», $Z = 0$, при $p=1$.

У работников ОУ средний балл по исследуемой шкале до проведения обучающих занятий составил 3 балла при стандартном отклонении от показателя = 1,19 балла. После проведения занятий средний балл = 2,2 балла, стандартное отклонение = 1,2 балла. Исследование достоверности различий методами непараметрической статистики позволило выявить высоко достоверные различия до и после проведения обучения, свидетельствующие о росте уровня «Удовлетворенности». По тесту Уилкоксона, $Z = 5,5$ при $p < 0,0001$. По тесту «Метод знаков», $Z = 5,4$ при $p < 0,0001$.

2.4. По шкале «Продуктивность–Непродуктивность» у работников СУВУ фиксировались средние значения на уровне 3 баллов при стандартном отклонении = 1,4 балла. После проведения занятий средний балл = 2,88 балла, стандартное отклонение = 2,2 балла. Исследование достоверности различий до и после обучения не выявило наличия достоверных изменений исследуемого признака. По тесту Уилкоксона, $z=0,44$ при $p=0,66$. В тесте Метод знаков $Z=0,64$ при $p = 0,52$.

У сотрудников ОУ средний балл по данной шкале составил 2,8 балла при стандартном отклонении от показателя 1,14 балла. После проведения занятий средний балл = 2,17 балла, стандартное отклонение = 1,8 балла. При оценке достоверности различий определены статистически достоверные изменения, свидетельствующие о росте уровня «Продуктивности» исследуемой шкалы после прохождения обучения основам медиации у работников ОУ. По данным теста Уилкоксона, $Z=5$ при $p < 0,0001$. По тесту «Метод знаков», $Z=5,2$ при $p < 0,0001$.

2.5. По шкале «Теплота-Холодность» у работников СУВУ средний балл фиксировался на уровне 2,76 балла при стандартном отклонении от показателя = 1,6 балла. После проведения занятий средний балл = 2,84 балла, стандартное отклонение = 2,2 балла. Оценка достоверности различий методами непараметрической статистики не позволила определить достоверных отклонений показателя. По тесту Уилкоксона, $Z=0,27$ при $p=0,78$. По тесту «Метод знаков», $Z=0,4$ при $p = 0,67$.

У работников ОУ средний балл по данной шкале составил 2,76 балла при стандартном отклонении от показателя = 1,3 балла. После проведения занятий средний балл = 2,1 балла, стандартное отклонение = 1,3 балла. Оценка достоверности различий методами непараметрической статистики показала, что между данными имелись достоверные различия. По тесту Уилкоксона, $Z=4,3$ при $p < 0,0001$. По тесту «Метод знаков», $Z=4,3$ при $p < 0,0001$.

2.6. По шкале «Сотрудничество–Несогласованность» у работников СУВУ, до проведения обучения, средний балл составил 2,64 балла при стандартном отклонении от показателя = 1,6 балла. После проведения занятий средний балл = 2,8 балла, стандартное отклонение = 2,2 балла. Сравнение достоверности различий между уровнями исследуемого показателя до и после проведения обучающей программы не выявило достоверных изменений изучаемого показателя. По тесту Уилкоксона, $Z=0,41$ при $p=0,68$. По тесту «Метод знаков», $Z=0,67$ при $p=0,5$.

У работников ОУ средний балл по исследуемой шкале до проведения обучающих занятий составил 2,6 балла при стандартном отклонении от показателя = 1,2 балла. После проведения занятий средний балл = 1,9 балла, стандартное отклонение = 1,14 балла.

Исследование достоверности различий методами непараметрической статистики позволило выявить наличие достоверных отличий до проведения обучения и после. По тесту Уилкоксона, $Z=4,7$ при $p<0,0001$. По тесту «Метод знаков», $Z=5,2$ при $p<0,0001$.

2.7. По шкале «Взаимная поддержка–Недоброжелательность» у сотрудников, работающих в СУВУ, средний балл составил 2,9 балла при стандартном отклонении от показателя = 1,7 балла. После проведения занятий средний балл = 3 балла, стандартное отклонение = 2,2 балла. Сравнение достоверности различий между уровнем «Удовлетворенности–Неудовлетворенности» до и после проведения обучающей программы не позволило выявить достоверных изменений изучаемого показателя. По тесту Уилкоксона, $Z=0,03$ при $p=0,97$. По тесту «Метод знаков», $Z=0$, при $p=1$.

У работников ОУ средний балл по шкале до проведения обучающих занятий составил 2,7 балла при стандартном отклонении от показателя = 1,2 балла. После проведения занятий средний балл = 1,9 балла, стандартное отклонение = 1 балл. Исследование достоверности различий методами непараметрической статистики позволило выявить высоко достоверные отличия до проведения обучения и после, свидетельствующие о росте уровня «Взаимной поддержки». По тесту Уилкоксона, $Z=5,5$ при $p<0,0001$. По тесту «Метод знаков», $Z=6$ при $p<0,0001$.

2.8. По шкале «Увлеченность–Равнодушие» у сотрудников СУВУ средний балл составил 3,7 балла при стандартном отклонении от показателя = 2,2 балла. После проведения занятий средний балл = 3,1 балла, стандартное отклонение = 2,2 балла. Сравнение достоверности различий между уровнем «Удовлетворенности–Неудовлетворенности» до и после проведения обучающей программы не выявило достоверных изменений изучаемого показателя. По тесту Уилкоксона, $Z=0,87$ при $p=0,38$. По тесту «Метод знаков», $Z=0,4$, при $p=0,6$.

У работников ОУ средний балл по исследуемой шкале до проведения обучающих занятий составил 2,9 балла при стандартном отклонении от показателя = 1,2 балла. После проведения занятий средний балл = 2,2 балла, стандартное отклонение = 1,3 балла. Исследование достоверности различий методами непараметрической статистики позволило выявить высоко достоверные различия до и после проведения обучения, свидетельствующие о росте уровня «Удовлетворенности». По тесту Уилкоксона, $Z=4,6$ при $p<0,0001$. По тесту «», $Z=5,1$ при $p<0,0001$.

2.9. По шкале «Занимательность–Скука» у сотрудников СУВУ средний балл до начала обучения составил 2,88 балла при стандартном отклонении от показателя = 1,7 балла. После проведения занятий средний балл = 3 балла, стандартное отклонение = 2,2 балла. Сравнение достоверности различий между уровнем «Удовлетворенности–Неудовлетворенности» до и после проведения обучающей программы не выявило достоверных изменений изучаемого показателя. По тесту Уилкоксона, $Z=0,22$ при $p= 0,82$. По тесту «Метод знаков», $Z= 0$, при $p=1$.

Работники ОУ имели средний балл до проведения обучающих занятий = 3 балла при стандартном отклонении от показателя = 1,33 балла. После проведения занятий средний балл = 2,15 балла, стандартное отклонение = 1,3. Исследование достоверности различий методами непараметрической статистики позволило выявить достоверные различия до и после проведения обучения, свидетельствующие о росте уровня «Занимательности». По тесту Уилкоксона, $Z= 5,1$ при $p <0,0001$. По тесту «Метод знаков», $Z= 5,3$ при $p <0,0001$.

2.10. По шкале «Успешность–безуспешность» сотрудники, работающие в СУВУ, имели средний балл = 3,2 балла при стандартном отклонении от показателя = 1,6 балла. После проведения занятий средний балл = 3,26 балла, стандартное отклонение = 2,3 балла. Сравнение достоверности различий до и после проведения обучающей программы не выявило существенных колебаний изучаемого показателя. По тесту Уилкоксона, $Z=0,27$ при $p= 0,78$. По тесту «Метод знаков», $Z= 0$, при $p=1$.

У работников ОУ средний балл по исследуемой шкале, до проведения обучающих занятий составил 3 балла при стандартном отклонении от показателя = 1,16 балла. После проведения занятий средний балл = 2,2 балла, стандартное отклонение = 1,2 балла. Исследование достоверности различий методами непараметрической статистики позволило выявить высоко достоверные различия до и после проведения обучения, свидетельствующие о росте уровня «Успешности». По тесту Уилкоксона, $Z= 5,6$ при $p <0,0001$. По тесту «Метод знаков», $Z= 6$ при $p <0,0001$.

Для наглядности данные представлены в сводной таблице средних значений 1.

Таблица 1

Средние значения по шкалам Методики оценки психологической атмосферы в коллективе по А.Ф.Филдеру

	СУВУ		ОУ	
	До	После	До	После
Дружелюбие–Враждебность	2,3	2,18	2,3	1,9*
Согласие–Несогласие	2,7	3	2,8	2,15*
Удовлетворенность–Неудовлетворенность	3,4	3	3	2,2*
Продуктивность–Непродуктивность	3	2,88	2,8	2,17*
Теплота–Холодность	2,7	2,8	2,7	2,1*

	Сотрудничество - Несогласованность	2,6	2,8	2,6	1,9*
	Взаимная поддержка-Недоброжелательность	2,9	3	2,7	1,9*
	Увлеченность-Равнодушие	3,7	3,1	2,9	2,2*
	Занимательность-Скука	2,9	3	3	2,15*
	Успешность-Безуспешность	3,2	3,2	3	2,2*

Примечание: «*» – отличия достоверны.

3. Тест оценки коммуникативных умений.

У работников СУВУ до проведения с ними обучающих занятий по введению в медиацию средний процент составил 8,8, при стандартном отклонении = 7,8. После проведения занятий, обучающих основам медиации, средние значения в группе несколько снизились – до 6,1% при стандартном отклонении = 5,3. При сопоставлении результатов до и после реализации обучающих программ, по тесту Уилкоксона, $Z=1,75$, при уровне значимости различий = 0,079, по тесту «Метод знаков», $Z= 1,1$ при уровне значимости различий = 0,256.

У работников ОУ до проведения обучающих занятий средний процент составил 5,7%, при стандартном отклонении = 3. После проведения занятий средние значения в группе практически не изменились, составив 5,64%, стандартное отклонение составило 3,6%. При сопоставлении результатов до проведения обучающих программ по основам медиации и после ее прохождения с помощью методов непараметрической статистики получены данные, свидетельствующие об отсутствии достоверных изменений. Так, по тесту Уилкоксона, $Z= 0,05$ при уровне значимости различий = 0,95. По тесту «Метод знаков», $Z= 0,2$ при уровне значимости различий = 0,83.

Выводы

Полученные данные свидетельствуют о том, что проведение обучающих занятий по основам медиации улучшает групповую сплоченность в коллективах сотрудников общеобразовательных учреждений и в коллективах сотрудников СУВУ и не влияет на динамику коммуникативных умений.

При этом структура групповых изменений неоднозначна и требует дополнительных исследований. Так, у работников СУВУ при росте показателей индекса Сисора по другой методике (А.Ф.Фидлера) не удалось определить за счет чего может объясняться рост групповой сплоченности. Единственные показатели, которые в группе СУВУ выросли, это – «Занимательность» и «Взаимная поддержка», но и они не являлись статистически значимыми. Таким образом, реагирование коллектива сотрудников СУВУ существенно отличается от реагирования сотрудников общеобразовательных учреждений, и этот феномен требует более подробного изучения.

Литература

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Российская Газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения: 06.03.2017).
2. Порядок разработки примерных основных образовательных программ, проведения их экспертизы и ведения реестра примерных основных образовательных программ, утвержденный приказом Минобрнауки России от 28 мая 2014 года № 594. КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: http://fgou-vunmc.ru/normativ_mon/files/594_28.05.2014.doc (дата обращения: 23.03.2017).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (Зарегистрировано в Минюсте России 01.02.2011 № 19644), утвержденный приказом Минобрнауки России от 17.12.2010 N (ред. от 31.12.2015). [Электронный ресурс]. URL: [http://36edu.ru/delo/polnom/accred/DocLib2/ФГОС%20ООО%20\(Приказ%20Минобрнауки%20России%20от%2017.12.2010%20№%201897%20с%20изм.\)doc](http://36edu.ru/delo/polnom/accred/DocLib2/ФГОС%20ООО%20(Приказ%20Минобрнауки%20России%20от%2017.12.2010%20№%201897%20с%20изм.)doc) (дата обращения: 27.03.2017).
4. Зиятдинова Ф.Г. Социальное положение учителей: ожидания и реалии // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 100–106.
5. Леньков С.Л. Профессионализм и профессиональный маргелизм педагогов инновационного образования // Новое в психолого-педагогических исследованиях. Научно-практический журнал. 2014. № 1 (33). С. 152–175.
6. Шамликашвили Ц.А. Основы медиации как процедуры урегулирования споров. Учебное пособие. М: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2013. 128 с.
7. Шамликашвили Ц.А., Хазанова М.А. Метод «Школьная медиация» как способ создания безопасного пространства и его психологические механизмы. Бюллетень Федерального института медиации. 2014 год. Т. 2. М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2015. С. 41.
8. Методика оценки психологической атмосферы в коллективе (по А.Ф. Фидлеру) / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., Изд-во Института психотерапии. 2002. с.С. 190–191.
9. Тест оценки коммуникативных умений // Психологические тесты / Под ред. А.А.Карелина: в 2 т. Т. 2. М., 2001. С.50–53.

The effect of the mediator training of teachers of educational institutions on the psychological climate in the team

Shamlikashvili C.A., PhD (Medicine), Professor, head of chair of mediation in social sphere, faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (office@mediacia.com)

Haritonov S.V., Dr. Sci. (Medicine), Professor, chair of mediation in social sphere, faculty of Legal Psychology (sergeyhar@mail.ru)

Grafsky V.P. Lecturer of the chair of mediation in social sphere, faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (marin_misha@mail.ru)

The article examines the impact of the training programmes of mediation in special educational institution (SUVA) and educational institutions (ei) on the psychological climate in the team. The research is based on data obtained from 154 people, employees of educational institutions. Of them, 37 persons – employees of SUVA, and 117 bangs – employees OU.

There were three methods of psychological diagnostics - Methods of assessment of psychological atmosphere in the team at A. F. Fielder, index Sikora and assessment of communicative skills.

When comparing the performance of tests to conduct training programs on the basics of mediation and after its passage determined that among the staff of the SUVA (in analysis Wilcoxon test, $p = 0,0027$) and staff of the OU (in the test analysis Wilcoxon $p < 0.0001$) is statistically significant increase in the level of group cohesion, defined in test Sisera.

Obtained data on scales methods for the assessment of psychological atmosphere in the team at A. F. Fielder. According to the results of this study are the employees of SUVA has not been a statistically significant change in rates of bipolar scales that measure different quality characteristics of the atmosphere in the team. At that time, as the employees OU for all the ten scales produced statistically significant differences, indicating improvement.

In the test of evaluation of communicative skills not observed statistically significant differences neither in the group of the SUVA (in analysis Wilcoxon test, $p=0,079$) or in the Oh group (in analysis Wilcoxon test, $p=0.95$) of employees.

The results of the study indicate that learning the basics of mediation contributes to the improvement of several characteristics of the psychological climate within the collectives, SUVA and OU. At the same time, there are fundamental differences between the groups of those agencies that require additional testing.

Keywords: mediation, school mediation, teacher education, pedagogical activity, professional standard, settlement of disputes.

References

1. Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2012 goda №273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii». Rossijskaya Gazeta [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (data obrashcheniya 06.03.2017).
2. Poryadok razrabotki primernyh osnovnyh obrazovatel'nyh programm, provedeniya ih ehkspertizy i vedeniya reestra primernyh osnovnyh obrazovatel'nyh programm, utverzhdennyj prikazom Minobrnauki Rossii ot 28 maya 2014 goda № 594. Konsul'tantPlyus. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://fgou-vunmc.ru/normativ_mon/files/594_28.05.2014.doc (data obrashcheniya 23.03.2017).
3. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart osnovnogo obshchego obrazovaniya (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 01.02.2011 N 19644), utverzhdennyj prikazom Minobrnauki Rossii ot 17.12.2010 N (red. ot 31.12.2015). [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [http://36edu.ru/delo/polnom/accred/DocLib2/FGOS%20000%20\(Prikaz%20Minobrnauki%20Rossii%20ot%2017.12.2010%20№%201897%20s%20izm.\).doc](http://36edu.ru/delo/polnom/accred/DocLib2/FGOS%20000%20(Prikaz%20Minobrnauki%20Rossii%20ot%2017.12.2010%20№%201897%20s%20izm.).doc) (data obrashcheniya 27.03.2017).
4. Ziyatdinova F. G. Social'noe polozhenie uchitelej: ozhidaniya i realii // Sociologicheskie issledovaniya. 2010. no. 10. P.100-106.
5. Len'kov S.L. Professionalizm i professional'nyj margelizm pedagogov innovacionnogo obrazovaniya // Novoe v psihologo-pedagogicheskikh issledovaniyah. Nauchno-prakticheskij zhurnal. 2014. no. 1 (33). P. 152-175.
6. SHamlikashvili C.A. – Osnovy mediacii kak procedury uregulirovaniya sporov. Uchebnoe posobie – M: Izdatel'stvo OOO «Mezhregional'nyj centr upravlencheskogo i politicheskogo konsul'tirovaniya». 2013. 28 p.
7. SHamlikashvili C.A., Hazanova M.A. Metod «SHkol'naya mediaciya» kak sposob sozdaniya bezopasnogo prostranstva i ego psihologicheskie mekhanizmy. Byulleten' Federal'nogo instituta mediacii.2014god. 2 tom. / M.: Izdatel'stvo OOO «Mezhregional'nyj centr upravlencheskogo i politicheskogo konsul'tirovaniya». 2015. 41 p.
8. Metodika ocenki psihologicheskoy atmosfery v kollektive (po A.F.Fidleru) / Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manujlov G.M. Social'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyh grupp. – M., Izd-vo Instituta Psihoterapii. 2002. P. 190-191.
9. Test ocenki kommunikativnyh umenij // Psihologicheskie testy / Pod red.A.A.Karelina: V 2t. Moscow, 2001. Vol.2. P.50-53.